

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН И МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

М.А. Бурда, В.Ю. Зорин
МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.С. Пустошинская, К.Л. Снисаренко
ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ
ВО ФРАНЦИИ

А.В. Баранов
ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ

А.Е. Надеждин
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ
(ОПЫТ АВСТРИИ)

<p>Главный редактор</p> <p>ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Зам. главного редактора</p> <p>СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Ответственный секретарь</p> <p>НИКИФОРОВА Ирина Владимировна</p> <p>Перевод</p> <p>ОРЛОВА Елена Геннадьевна</p> <p>Учредитель / Издатель</p> <p>НИИ общественных и политических наук</p>	<p style="text-align: right;">16+</p> <p>Научная редакция</p> <p>ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент</p> <p>ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент</p> <p>КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент</p> <p>АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник</p>
<p>Председатель Редколлегии номера</p> <p>ВАТЫЛЬ Виктор Николаевич доктор политических наук, профессор</p> <p>Редакционная коллегия</p> <p>АЛЕКСЕЕВ С.В. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)</p> <p>БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)</p> <p>ГАДЖИЕВ Х.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)</p> <p>КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)</p> <p>КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь)</p> <p>КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)</p> <p>ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)</p>	<p>МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)</p> <p>ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва)</p> <p>ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)</p> <p>РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб)</p> <p>СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец)</p> <p>СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль)</p> <p>ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва)</p> <p>ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)</p> <p>ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)</p>

<p>Editor in Chief</p> <p>SHUMILOV Andrei</p> <p>Executive Secretary</p> <p>NIKIFOROVA Irina</p> <p>Translate</p> <p>ORLOVA Elena</p> <p>Design</p> <p>PAVLUNIN Dmitriy</p>	<p>Deputy Editor</p> <p>SKOVIKOV Alexey</p> <p>Editors</p> <p>EFREMOV Oleg</p> <p>ZLATANOV Blagoy</p> <p>KASIMOV Evgeniy</p> <p>ARUTYUNOV Anton</p> <p>Publisher</p> <p>Institute of Social and Political Sciences</p>
<p>Chairman of the Editorial board</p> <p>VATYL Viktor Prof.</p> <p>Editorial Board</p> <p>ALEKSEEV S. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan)</p> <p>BORSHCHEVSKY G. Prof. (Moscow)</p> <p>BRONNIKOV I. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>VATYL V. Prof. (Grodno)</p> <p>GADZHIEV Kh. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>ILMJARV M. PhD (Tallinn)</p> <p>HORINA G. Prof. (Moscow)</p> <p>KAPITSYN V. Prof. (Moscow)</p> <p>KERYAN G. Prof. (Yerevan)</p> <p>KOZLOVA N. Prof. (Tver)</p> <p>KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg)</p> <p>LEONTEVA O. Assoc. Prof. (Tiraspol)</p>	<p>LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)</p> <p>MINEEVA E. Prof. (Cheboksary)</p> <p>NASIMOVA G. Prof. (Almaty)</p> <p>OMELCHENKO N. Prof. (Moscow)</p> <p>PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>PROROK V. PhD (Prague)</p> <p>RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg)</p> <p>SERGEVNIN V. Prof. (Macomb)</p> <p>SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets)</p> <p>SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary)</p> <p>SOKOLOV A. Assoc. Prof. (Yaroslavl)</p> <p>TUROVSKY R. Prof. (Moscow)</p> <p>CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul)</p> <p>YURCHENKO S. Prof. (Simferopol)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН И МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

М.А. Бурда, В.Ю. Зорин

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ МЕСТ
КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН КАК ФАКТОР РИСКА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

6

О.С. Пустошинская, К.Л. Снисаренко

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ ВО ФРАНЦИИ КАК ЧАСТЬ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ
ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

18

А.В. Баранов

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ
В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

41

А.Е. Надеждин

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ (ОПЫТ АВСТРИИ)

62

И.В. Герасимова

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ
В ОСОБЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

75

О.Е. Гришин, А.В. Канушкин

УЧАСТИЕ ПРОФСОЮЗОВ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ
В ЕВРОКАМПАНИИ – 2024 НЕМЕЦКИХ ПАРТИЙ:
АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

86

Д.И. Каминченко

«СОЮЗ САРЫ ВАГЕНКНЕХТ» КАК НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА ГЕРМАНИИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ФРЕЙМ-АНАЛИЗА

103

Б.П. Гуселетов

ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ЛЮКСЕМБУРГЕ:
КОНСЕРВАТОРЫ ОБХОДЯТ СОЦИАЛИСТОВ И ЛИБЕРАЛОВ

119

И.В. Самаркина, Е.В. Савва

ОБРАЗ ЕВРОПЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ПЕРСОНЫ И ТРЕНДЫ

133

Е.А. Тюрин, Е.Н. Савинова, М.В. Левочкина

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН ШОТЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

154

СТАТЬИ

Р.Н. Сулейманова

«ЧТО ВЫ ДАЕТЕ В ПОЛЬЗУ НАРОДУ?» ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
И ВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ В РОССИИ: ИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

173

Д.В. Алексеев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ

182

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**М.А. Бурда,
В.Ю. Зорин**

**M. Burda,
V. Zorin**

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ МЕСТ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН КАК ФАКТОР РИСКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

MIGRATION POLICY OF MODERN RUSSIA: FORMATION OF PLACES OF COMPACT RESIDENCE OF FOREIGN CITIZENS AS A RISK FACTOR FOR INTERETHNIC RELATIONS

Аннотация

Миграционная политика Российской Федерации остается актуальной сферой современных научных исследований, обусловленной позиционированием России как главного центра миграционного притяжения на постсоветском пространстве. Объемы внешней миграции и сосредоточение мигрантов в отдельных российских регионах можно рассматривать как один из факторов миграционных рисков, оказывающих влияние на межнациональные отношения. Рассматривая миграционные процессы как фактор не только внешнего, но и внутреннего влияния на политическую систему, в качестве одной из целей научных изысканий можно определить выявление влияния внешней международной миграции на сложившиеся межнациональные отношения в современной России, в том числе с учетом формирующихся мест компактного проживания иностранных граждан.

Оценка влияния миграции на межнациональные отношения в России предполагает использования не только формально-юридического метода исследования, характерного для выявления особенностей политико-правовой составляющей миграции, но и цивилизационного подхода, описывающего основные различия в нар-

Abstract

The migration policy of the Russian Federation continues to be an urgent area of modern scientific research, due to the positioning of Russia as the main center of migration attraction in the post-Soviet space. The volume of external migration and the concentration of migrants in certain Russian regions can be considered as one of the factors of migration risks that affect interethnic relations. Purpose of the study: Considering migration processes as a factor of not only external, but also internal influence on the political system, one of the goals of scientific research can be determined to identify the impact of external international migration on the prevailing interethnic relations in modern Russia, including taking into account the emerging places of compact residence of foreign citizens. Research methods: Assessment of the impact of migration on interethnic relations in Russia involves the use of not only a formal legal research method characteristic of identifying the features of the political and legal component of migration, but also a civilizational approach that describes the main differences in the narratives of local residents and migrants, as well as the assessment of statistical data that allow

ративах местных жителей и мигрантов, а также оценки статистических данных, позволяющих анализировать количественные показатели миграционной политики государства. Результаты исследования позволяют определить некоторые особенности миграционной ситуации на современном этапе, оказывающие влияние на межнациональные отношения, связанные с недостатками механизмов иммиграционного контроля, отсутствием эффективных программ социокультурной адаптации, а также замкнутостью миграционных сообществ к процессам социализации. В исследовании определены критерии определения мест компактного проживания мигрантов, а также выделены особенность субъектов Российской Федерации позволяющие говорить о наличии данного потенциала. Представленные в исследовании материалы указывают на потенциал формирования центров миграционного притяжения на региональном уровне, в рамках не только отдельных субъектов Российской Федерации, но и муниципальных образований.

Ключевые слова:

миграция, миграционные процессы, центры миграционного притяжения, мигранты, места компактного проживания, межнациональные отношения, миграционная политика.

analyzing quantitative indicators of the migration policy of the state. Results of the study: It is possible to determine some features of the migration situation at the present stage, influencing interethnic relations and associated with the shortcomings of immigration control mechanisms, the lack of effective socio-cultural adaptation programs, as well as the isolation of migration communities to socialization processes. The study determined the criteria for determining the places of compact residence of migrants, and also highlighted the peculiarity of the constituent entities of the Russian Federation that allow us to talk about the presence of this potential. Conclusion: The materials presented in the study allow us to talk about the potential for the formation and direct formation of centers of migration attraction at the regional level, within the framework of not only individual constituent entities of the Russian Federation, but also municipalities, which is confirmed by a number of foreign practices and the current migration situation in modern Russia.

Key words:

migration, migration processes, centers of migration attraction, migrants, places of compact residence, interethnic relations, migration policy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17>

В современном мире складывается достаточно стабильная тенденция миграционных маршрутов, которые проистекают не только в классической парадигме с юга на север и с востока на запад, но и из государств мировой периферии в государства так называемого «центра».

По данным Международной организации по миграции Российская Федерация в настоящее время является одним из центров глобального миграционного притяжения наряду с США, Германией и Саудовской Аравией, опережая Великобританию, Францию, ОАЭ, Канаду, Австралию и Испанию¹.

---

¹ Обзор численности населения в мире / Международная Организация по Миграции (МОМ). Женева. С. 11. URL: <https://clck.ru/3DS6rK> (дата обращения 11.02.2024).

Следует отметить, что в контексте миграционных процессов «государства центра» или «центры миграционного притяжения» – это скорее не географическое, или экономическое понятие, но и категория общественно-политическая, связанная с межнациональными отношениями между автохтонным населением и мигрантами, что позволяет говорить о новом понимании данной дефиниции в миграционных исследованиях. В таких центрах миграционного притяжения осуществляется активное взаимодействие автохтонного населения и внешних мигрантов, что в случае недостаточного внимания со стороны акторов государственной миграционной политики становится одним из факторов риска дегармонизации межнациональных отношений.

Описанная проблематика достаточно обширно представлена в современных исследованиях миграционной сферы, чему посвящены работы В.А. Волоха [2], В.Ю. Леденевой [6], С.В. Рязанцева [7] и др. При этом, западная научная школа рассматривает взаимодействие местных жителей и мигрантов не только в рамках социокультурного взаимодействия [10; 11; 14; 16], но и в рамках более широкого понимания мультикультурализма, как формы этического восприятия внешней миграции в контексте соотношения прав автохтонного населения и мигрантов в доступе к равным гражданским правам на территории принимающего государства [12; 13].

Анализируя социокультурную адаптацию, как одно из направлений миграционной политики государства большинство исследований рассматривает проблематику в рамках уже сложившихся на территории государства – центра миграционного притяжения иммигрантских сообществ и, на наш взгляд, недостаточно уделяет внимание первопричине их формирования, которая обусловлена комплексом миграционных факторов, находящихся в сфере ведения государственного регулирования.

Обращаясь к теории миграционных сетей Д. Массея [15] следует отметить, что формирование государств – центров миграционного притяжения, характерно не только для трансграничных миграционных процессов, но и для локальных процессов внешней миграции, направленных в какое-то определенное государство. При этом если такое государство выступает центром миграционного притяжения в процессах трансграничной миграции, то попадая на территорию государства-реципиента иностранные граждане под воздействием различных факторов, среди которых можно выделить наличие работы, диаспоры, логистики и др., формируют такие центры миграционного притяжения уже на региональном и даже муниципальном уровне. Рассмат-

ривая такие центры на примере московской агломерации, мы можем выделить районы рынков «Садовод» и «Фудсити», а также старые районы таких подмосковных городов, как Балашиха, Котельники, Мытищи, где мы могли наблюдать определенные точки и кейсы межнационального напряжения.

Анализируя условия формирования искусственных национально-этнических анклавов Ф. Фукуяма отмечал, что у подобных «параллельных сообществ» существуют два пути выбора собственной идентичности. В первом случае – это равенство с иными группами, даже численно преобладающими, а во втором случае – это формирование отдельной «отличительной идентичности», позволяющей подчеркнуть имеющиеся отличия от основной массы населения [8].

В свою очередь, С. Хантингтон отмечает, что наличие новых многонациональных и мультикультурных формаций предопределило и образование рисков и вызовов, связанных с интеграцией новых членов и толерантного отношения к ним принимающего общества [9].

Взаимодействие принимающего общества и сообществ, в которых проявляется наличие иных культур, системы ценностей, миграционного прошлого является одной из наиболее актуальных проблем государственного управления современной России. Это обусловлено значительными показателями внешней миграции из отдельных государств постсоветского пространства, прежде всего Узбекистана, Таджикистана и Киргизии [1], выходцы из которых и формируют большую часть подобных сообществ.

Существуют различные подходы к оценке количества иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации. Анализ количественных показатели позволяет отметить, что различные экспертные оценки. Если говорить об официальных данных, то МВД России оценивает количество постоянно находящихся в России иностранных граждан в количестве 6-7 млн чел.¹.

Как правило, различие экспертных и официальных оценок количества иностранных граждан обусловлено методикой подсчета количественных показателей, где в одном случае учитываются иностранные граждане, находящиеся в России с целью осуществления временной трудовой деятельности и оформившие соответствующие разрешительные документы, а также иные лица, имеющие задокументированное право на временное пребывание, в другом случае в качестве экспертных оценок может выступать лишь только

---

¹ Интерфакс. МВД насчитало в России 6 миллионов иностранцев. URL: <https://www.interfax.ru/russia/874001> (дата обращения 24.02.2024).

факт постановки на миграционный учет на территории Российской Федерации. Следует отметить, что реальное число иностранных граждан, находящихся в настоящее время в России, является предметом широкой дискуссии, с учетом лиц, поставленных на миграционный учет ранее (накопительный эффект), а также лиц, находящихся на территории нашей страны с нарушениями миграционного законодательства.

Также следует обращать внимание и на особенности сформированного в современной России миграционного режима, формирующего определенный набор факторов миграционной привлекательности, прежде всего в политико-правовом смысле, для государств постсоветского пространства и Евразийского экономического союза [6].

По данным Единой межведомственной информационной системы (ЕМИСС), пограничной службы ФСБ России и МВД России, всего в 2023 году на территорию Российской Федерации въехало порядка 15 млн иностранных граждан, в 2022 году – 13,4 млн., в 2021 – 12,8 млн. При этом, в 2021 году с территории постсоветских государств с безвизовым порядком въезда на территорию Российской Федерации въехало 9 млн 850 тыс. чел, в 2022 году – 10 млн 560 тыс. чел., в 2023 году – 11 млн 419 тыс. чел.¹.

Следует отметить, что имеющаяся форма миграционного учета иностранных граждан, зарегистрированных по месту временного пребывания или месту жительства, не позволяет определить реальное количество иностранцев в том или ином населенном пункте Российской Федерации. Так, лица, осуществляющие нелегальную трудовую деятельность, зачастую могут быть зарегистрированы в другом субъекте Российской Федерации или вообще не иметь постановки на миграционный учет. В этой связи, говоря о возможном совершенствовании методов учета мигрантов и иммиграционного контроля, можно обратиться внимание на практики, связанные с введением обязательной дактилоскопии, фотографирования иностранных граждан, сбора биометрических данных, введения электронных баз и идентификаторов.

При этом существенная часть иностранных граждан, въезжая на территорию России с целью работы не оформляют необходимые документы и занимаются нелегальной трудовой деятельностью (табл. 1).

---

¹ Единая межведомственная информационная статистическая систем (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения 24.02.2024).

Таблица 1. Соотношение количества фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан в отдельных субъектах Российской Федерации по итогам 2022 году с учетом заявленной цели въезда «работа» и оформленных патентов – составлена автором по материалам МВД России. «Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам» - составлено автором на основании данных ЕМИСС¹.

Субъект Российской Федерации	Количество фактов постановки на миграционный учет по месту временного пребывания (тыс.)	Указанная цель въезда «работа» (тыс. чел.)	Количество оформленных патентов / разрешений на работу (тыс.)	Количество уведомлений о заключении трудового договора или ГПД с иностранным гражданином осуществляющим ВТД (тыс.)
г. Москва	3 373	3 026	556/3	537
Московская область	2 149	1 779	300/9	292
СПБ и ЛО* ²	2 032	1 507	339/8	205
Краснодарский край	540	319	50/0,6	53
Свердловская область	366	264	55/1,8	53
Республика Татарстан	364	192	37/1,7	36
Иркутская область	319	275	41/0,9	50
Самарская область	265	169	29/0,5	30
Новосибирская область	242	155	34/0,7	46
Красноярский край	232	180	25/0,5	33
Калужская область	224	166	23/0,9	21
Челябинская область	222	127	20/1,3	22
Нижегородская область	218	165	29/0,8	28
Ханты-Мансийский АО	205	153	28/0,09	34
Тульская область	194	145	21/5	23

¹ Единая межведомственная информационная статистическая систем (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения 24.02.2024).

² Город Санкт-Петербург и Ленинградская область рассматривается МВД России, как единый субъект статистической отчетности ввиду образованного единого территориального органа МВД России по указанным субъектам Российской Федерации – ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Представленная таблица позволяет нам говорить о трех типах субъектах Российской Федерации, имеющих потенциал формирования мест компактного проживания мигрантов (МКПМ). К таким субъектам можно отнести крупные города и агломерации (Москва + Московская область и Санкт-Петербург + Ленинградская область), региональные промышленные центры (Краснодарский край, Татарстан, Свердловская область, Нижегородская, Самарская и Челябинская области), а также близкие к московской агломерации субъекты, имеющие промышленный потенциал (Калужская и Тульская области). Отдельно стоит выделить субъекты Российской Федерации с высоким средним уровнем заработной платы (Ханты-Мансийский автономный округ), что также позволяет говорить о его существенной миграционной привлекательности.

Таким образом, на основании приведенных статистических данных мы можем выделить некоторые субъекты Российской Федерации – точки миграционного притяжения, которые формируются не только в рамках международных процессов трансграничной миграции, но и в рамках миграционных перемещений внешних мигрантов по территории государства-реципиента. Количество иностранных граждан в таких субъектах превышает средние показатели по Российской Федерации, в данных субъектах выделяется рост национальных диаспор иммигрантов, а также создание соответствующей «околоиммигрантской» инфраструктуры, что является одним из критических факторов потенциального обострения межнациональных отношений между автохтонным населением и внешними мигрантами.

Субъекты Российской Федерации, пользующиеся наибольшим уровнем миграционной привлекательности, сталкиваются с рисками образования мест компактного проживания иностранных граждан, которые зачастую именуют «анклавами». Вместе с тем, если приведенный термин применять все-таки в контексте этнополитических процессов и говорить о национально-этнических анклавах, то следует говорить об одной из форм материализации «параллельных пространств» [4]. Места компактного проживания иностранных граждан формируют «пространства», где наличествует определенный уровень идентичности, прежде всего религиозной, культурной, этнической и земляческой.

При этом следует различать национально-этнические анклавы, сложившиеся на территории Российской Федерации исторически, от национально-этнических анклавов, которые мы считаем целесообразным определить

не как анклав, а как именно – места компактного проживания мигрантов (МКПМ), сформированных в результате масштабных процессов внешней трудовой миграции в центрах миграционного притяжения, сформированных под влиянием искусственных процессов внутренних миграций, в первую очередь (оттока) автохтонного населения в более престижные районы.

По нашему мнению, рассматривая так называемые МКПМ, как общий термин для определения мест массового проживания иностранных граждан, имеющих иммиграционную историю следует выделить и некие маркеры, которые будет такого рода территории характеризовать.

Во-первых, основными условиями, способствующими формированию мест компактного проживания мигрантов, является наличие дешевого жилья, развитой неформальной диаспоры, активно взаимодействующей с местной муниципальной властью и открывающей на соответствующей территории различные инфраструктурные объекты в сфере общественного питания, медицины, спорта (полуподпольные спортивные клубы), культурные центры, под которыми маскируются незаконные молельные дома и др. Во-вторых, фактически самими мигрантами в указанных районах выстраивается полноценная инфраструктура (кластер этнического бизнеса), которая позволяет существовать в таких местах компактного проживания мигрантским сообществам без взаимодействия с внешней средой.

Такие, сформированные в рамках этнорелигиозного принципа места компактного проживания мигрантов приводят к их определенной замкнутости, ограничения контактов с принимающим обществом, существенному замедлению, или даже полному отсутствию процессов социокультурной адаптации, а как следствие этого радикализации мигрантских сообществ, проникновению экстремистских идей, негативному отношению к российским законам, традициям, правилам общежития, которым зачастую противопоставляются религиозные нормы, обычаи и традиции самих мигрантов.

Приходится констатировать, что подобный негативный опыт уже прошли страны Западной Европы и в полной мере столкнулись с последствиями наличия мигрантских анклавов.

А.В. Гордон достаточно подобно описал особенности и риски внешней миграции в увязке с ростом криминала на примере пригорода Парижа, города Обервилье. Так общий рост преступности в городе в период с 2014 по 2018 год, период активного количественного увеличения мигрантской общины и исхода автохтонного населения (Европейский миграционный кризис

2015-2016 гг. и его последствия) составил более 30%, количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков выросло на 50%, воровства в два раза, а по количеству преступлений, совершенных с применением насилия и угроз (1387) город Обервилье в 2018 году занял второе место во всей Франции [3].

Рассматривая особенности формирования идентичности у мусульманских мигрантов в странах Западной Европы в рамках проводимой в их отношении политики социокультурной интеграции в европейское общество можно отметить определенные внутренние противоречия эволюции такого процесса, где желание интегрироваться через принятие определенных культурных и поведенческих нарративов принимающего общества сталкивалось с противопоставлением своих цивилизационных ценностей неолиберальным европейским, с последующим все более явным сопротивлением данному процессу, в том числе и с элементами определенного изоляционизма.

Таким образом, говоря о критериях, позволяющих говорить о потенциале формирования мест компактного проживания мигрантов (МКПМ) можно выделить следующее:

- создание точек локального миграционного притяжения, связанных с трудовой деятельностью иностранцев, как легальной, так и нелегальной;
- отток автохтонного населения;
- дешевое жилье;
- создание этнорелигиозной иммигрантской инфраструктуры (магазины, кафе, места досуга и отдыха, сферы услуг);
- наличие неформальных организационно-управленческих центров в виде диаспор, или их отдельных представителей.

В данном случае мы можем говорить о необходимости повышенного внимания местных властей к подомным районам, имеющим как формальные административно-территориальные, так и неформальные границы, что требует иных подходов в области обеспечения правопорядка, проведения контрольно-надзорных процедур, выдачи разрешительной документации для объектов «мигрантской инфраструктуры».

В настоящее время дополнительно актуализируется необходимость знания языка государства-приема внешними мигрантами, что является основополагающим условием эффективной адаптации к принимающему обществу, позволяющему иностранцу успешно коммуницировать и социализироваться. В этой связи, представляется целесообразным вернуться к практике не только

тестирования на знание русского языка, но и оценки разговорной речи иностранных граждан, что позволяет более предметно оценить возможности их коммуникации с принимающим обществом, ведь именно языковой фактор напрямую связан с гармонизацией межнациональных отношений.

Приходится констатировать отсутствие эффективных практик социокультурной адаптации иностранных граждан. отсутствие обеспечительных механизмов, законодательно закрепленных требований и критериев социокультурной интеграции иностранцев также в настоящее время является проблемой, которую необходимо решать не столько на территории Российской Федерации, но в большей степени в государствах исхода мигрантов, как минимум, в части изучения русского языка, наших традиций, норм поведения и общежития.

Разумеется, в российской практике социокультурной адаптации иностранных граждан реализуются отдельные успешные проекты, однако они носят локальный характер и не позволяют говорить о системном подходе в данном направлении государственной миграционной политики, что становится одним из факторов напряженности и потенциально способно оказать влияние на развитие межнациональных конфликтов, прежде всего между россиянами и мигрантами.

Литература

1. Бурда М.А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве: Россия и особенности внешней трудовой миграции // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, №4. С. 399-407. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-399-407>
2. Волох В.А., Дмитриева Т.Н. Вынужденные мигранты в России и во Франции: интеграционные траектории // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, №12(105). С. 5120-5129. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.105.12.034>
3. Гордон А.В. Цивилизационные проблемы мультикультурного парижского пригорода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. №3. С. 5-31.
4. Ирхин И.В. Национально-этнические анклавы в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Часть 1 // Lex Russica. 2021. №11(180). С. 39-51.
5. Леденева В.Ю. Адаптационные центры для мигрантов в контексте миграционной политики России / В. Ю. Леденева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, №4. С. 197-208. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12>
6. Михайлова Н.В., Бурда М.А., Гришин О.Е. Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. №4(142). С. 9-15.

7. Рязанцев С.В., Леденева В.Ю. Интеграция иммигрантов в условиях этнодемографических трансформаций регионов России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, №12(69). С. 2850-2858. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.69.12.014>
8. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: Пер. с англ. Т. Велимеев. Москва: Издательство АСТ, 2023. 640 с.
10. Bertacchini E., Venturini A., Zotti R. Drivers of cultural participation of immigrants: evidence from an Italian survey // Cultural Economics. 2022. №46. P. 57-100.
11. Constant A.F., Zimmermann K.F. Diaspora economics: New perspectives // International Journal of Manpower. 2016. №37(7). P. 1110-1135.
12. Joppke C. Why liberal states accept unwanted immigration // World Politics. 1998. №50(2). P. 266-293.
13. Kymlicka W. Multicultural citizenship within multinational states // Ethnicities. 2011. №11(3). P. 281-302.
14. Novak-Leonard J. Immigrants, Arts Participation, and the Shifting Cultural Landscape in the US: An Empirical Analysis. University of Chicago Cultural Policy Center, Working Paper August, 2015.
15. Massey D., Joaquin A., Koucouci A. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. №3. P. 431-466.
16. Misuraca R., Zimmermann K. Migration and Consumption. URL: https://www.researchgate.net/publication/379512602_Migration_and_Consumption (дата обращения 07.04.2024).

References

1. Burda M.A. Migratsionnye protsessy na postsovetском prostranstve: Rossiya i osobennosti vneshnei trudovoi migratsii. Problemy postsovetского prostranstva. 2022. Т. 9, №4. С. 399-407. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-399-407>
2. Volokh V.A., Dmitrieva T.N. Vynuzhdennye migranty v Rossii i vo Frantsii: integratsionnye traektorii. Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2023. Т. 13, №12(105). С. 5120-5129. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.105.12.034>
3. Gordon A.V. Tsivilizatsionnye problemy mul'tikul'turnogo parizhskogo prigoroda. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9, Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyi zhurnal. 2022. №3.
4. Irkhin I.V. Natsional'no-etnicheskie anklavy v sovremennom mire: priroda, instrumenty regulyatsii (publichno-pravovoi aspekt) chast' 1. Lex Russica. 2021. №11(180).
5. Ledeneva V.Yu. Adaptatsionnye tsentry dlya migrantov v kontekste migratsionnoi politiki Rossii. V. Yu. Ledeneva. DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. 2023. Т. 3, №4. С. 197-208. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12>

6. Mikhailova N.V., Burda M.A., Grishin O.E. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika Rossii: aktual'nye voprosy vneshnei trudovoi migratsii. Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2020. №4(142). S. 9-15.

7. Ryazantsev S.V., Ledeneva V.Yu. Integratsiya immigrantov v usloviyakh etnodemograficheskikh transformatsii regionov Rossii. Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2020. T. 10, №12(69). S. 2850-2858. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.69.12.014>

8. Fukuyama F. Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya. Moskva: Al'pina Pablisher, 2019. 256 s.

9. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii: Per. s angl. T. Velimeev. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2023. 640 s.

10. Bertacchini E., Venturini A., Zotti R. Drivers of cultural participation of immigrants: evidence from an Italian survey. Cultural Economics. 2022. №46. P. 57-100.

11. Constant A.F., Zimmermann K.F. Diaspora economics: New perspectives. International Journal of Manpower. 2016. №37(7). P. 1110-1135.

12. Joppke C. Why liberal states accept unwanted immigration. World Politics. 1998. №50(2). P. 266-293.

13. Kymlicka W. Multicultural citizenship within multinational states. Ethnicities. 2011. №11(3). P. 281-302.

14. Novak-Leonard J. Immigrants, Arts Participation, and the Shifting Cultural Landscape in the US: An Empirical Analysis. University of Chicago Cultural Policy Center, Working Paper August, 2015.

15. Massey D., Joaquin A., Koucouci A. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. Population and Development Review. 1993. Vol. 19. №3. P. 431-466.

16. Misuraca R., Zimmermann K. Migration and Consumption. URL: https://www.researchgate.net/publication/379512602_Migration_and_Consumption (data obrashcheniya 07.04.2024).

**О.С. Пустошинская,
К.Л. Снисаренко**

**O. Pustoshinskaya,
K. Snisarenko**

**ВНЕДРЕНИЕ
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
МИГРАЦИЕЙ ВО
ФРАНЦИИ КАК ЧАСТЬ
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ
ПОЛИТИКИ
ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**INTEGRATION
OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE INTO
FRANCE'S PUBLIC
MIGRATION
MANAGEMENT AS PART
OF THE PAN-EUROPEAN
DIGITALIZATION POLICY**

Аннотация

Среди дилемм современности вопросы регулирования трансграничных людских перемещений ввиду их ролевой неоднозначности и рискогенности относятся к категории наиболее острых. С появлением адаптивных машинных систем открылись дополнительные возможности для трансформации управленческих механизмов в сторону увеличения их производительности, ускорения процедур и ужесточения пограничного контроля, усиления объективности при принятии решений в отношении заявителей на получение виз, вида на жительство, предоставление убежища. Целью данной статьи является изучение опыта Франции по внедрению искусственного интеллекта для оптимизации управления миграцией и повышения функциональности государственных служб. Работа опирается на либеральную парадигму, предписывающую фокусировать исследовательскую оптику как на положительных результатах, связанных с прогрессом и общественной полезностью, так и проблемном поле проводимой модернизации, бросающей вызов демократическим ценностям. Методологический арсенал представлен web-скрейпингом, case-study, формализованным методом разбора нормативных актов и функциональным

Abstract

Among the dilemmas of our time, the issues of regulating cross-border human movements, due to their role ambiguity and risk-taking nature, are among the most acute. With the advent of adaptive machine systems, additional opportunities have opened up for the transformation of management mechanisms towards increasing their productivity, speeding up procedures and tightening border controls, strengthening objectivity in making decisions regarding applicants for visas, residence permits, and asylum. The purpose of this article is to study the French experience in implementing artificial intelligence to optimize migration management and improve the functionality of public services. The work is based on a liberal paradigm that prescribes focusing research optics on both positive results related to progress and public utility, and the problematic field of ongoing modernization that challenges democratic values. The methodological arsenal is represented by web-scraping, case-study, a formalized method of analyzing regulations and functional analysis. The compliance of the European practice of digitalization with the global trend has been established, the most mastered areas in the regulatory sphere have been identified, the advantages of the ongoing transfor-

анализом. Установлено соответствие европейской практики цифровизации общемировому тренду, выявлены наиболее освоенные направления в регуляторной сфере, высвечены преимущества осуществляемых преобразований и недостатки, требующие устранения. Приведены убедительные примеры действия интеллектуально-алгоритмических законов. Привнесена ясность в понимание французской версии «умного» управления миграцией, основанной на гибком комбинированном подходе. Вскрыто текущее состояние развертывания инновационного движения в исследуемом случае. При сопоставлении с другими европейскими государствами сделан вывод о безальтернативности цифрового сценария развития, вероятной шлифовке новых технологий, постепенном устранении имеющихся несовершенств, а также диспропорции между интересами государства и правами мигрирующего населения.

Ключевые слова:

трансграничная миграция, государственное управление, политика цифровизации, инновационные технологии, искусственный интеллект, Европейский союз, Франция.

mations and the disadvantages that need to be eliminated have been highlighted. Convincing examples of the operation of intellectual and algorithmic laws are given. Clarity has been brought to the understanding of the French version of “smart” migration management based on a flexible combined approach. The current state of the deployment of the innovation movement in the case under study is revealed. When compared with other European states, it is concluded that there is no alternative to the digital development scenario, the likely polishing of new technologies, the gradual elimination of existing imperfections, as well as the imbalance between the interests of the state and the rights of the migrating population.

Key words:

cross-border migration, public administration, digitalization policy, innovative technologies, artificial intelligence, European Union, France.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-18-40>

Трансграничные перемещения относятся к кластеру ведущих трендов постсовременности. Приобретая перманентный характер, они становятся «...одной из определяющих черт <...> глобализованного мира»¹. По данным Международной организации по миграции, если в 2000 году число мигрантов составляло 150 млн человек, то в 2024 году это количество выросло до 281 млн человек. Расширение географии и рост интенсивности социальной мобильности актуализируют проблему управления ею. Издержки и угрозы, образующиеся как побочный эффект массовых передвижений, требуют наращивания усилий и корректировки подходов к выработке более действенных коллективных мер.

Апелляция к технологиям искусственного интеллекта (далее – ИИ) в практике государственного управления миграцией является тем способом, от которого ожидается максимальная результативность. Страны Европейского

---

¹ Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration: Resolution A/RES/73/195. 2019. Item 10. URL: <https://www.iom.int/resources/global-compact-safe-orderly-and-regular-migration/res/73/195> (дата обращения 07.04.2024).

союза, где произошла концентрация обострившихся миграционных вызовов, одни из первых демонстрируют сегодня прогрессивный подход в обеспечение модернизации менеджмента в сфере миграции. Франция, в достаточной мере ощутившая на себе миграционную нагрузку, предпринимает активные шаги по формированию технологически ориентированной конструкции управления с привлечением алгоритмов машинного обучения для анализа данных о прибывающих лицах, выявления текущих закономерностей людских передвижений, прогнозирования будущих тенденций, улучшения пограничного и полицейского контроля.

В логике ранее заложенной академической традиции политика Франции в отношении упорядочивания миграции находится в центре внимания многих отечественных и зарубежных ученых.

Эвристически ценными представляются труды, посвященные французской системе регулирования иммиграции, включая ее генезис, современное состояние, влияние на иммиграционный приток и интеграцию прибывающего контингента во французское общество [4; 19]. Предмет отдельного обсуждения – коррекция миграционного законодательства, либерализация/делиберализация французской миграционной политики в период президентского срока отдельных глав государства [7; 17; 18].

Последние несколько лет отмечены ростом публикаций, свидетельствующих о смещении аналитического фокуса на перевод общеевропейской модели управления миграцией в статус цифровой. Поднимаются проблемы эффективности ИИ как инструмента политики, а также уязвимого правового положения иммигрантов, демократического контроля над интеллектуальными системами [6; 16]. Некоторые авторы сосредотачиваются на выявлении приоритетных направлений развития ИИ и определении перспектив их взаимодействия в целях мониторинга, контроля и прогнозирования людских перемещений [1; 3]. Другие ученые рефлексируют в отношении практик управления границами Европейского союза с помощью создания основательной цифровой инфраструктуры [8; 21]. Познавательный отклик вызывают ИТ-комплексы, системы наблюдения, регистрации и идентификации [10; 11]. Утвердилось также направление, где рассматривается юридическое сопровождение цифрового сдвига [9; 14].

Между тем, в общей совокупности работ исследования, посвященные национальным кейсам, составляют крайне малую часть, как и сюжеты, затрагиваемые в них [5; 15]. Аналогичным образом тема Франции в научном

дискурсе занимает незначительное место [12; 13], что указывает на насущную потребность в аккумуляции фактического материала по проблематике.

Цель статьи состоит в том, чтобы изучить опыт Франции по внедрению ИИ для оптимизации управления миграцией и повышения функциональности государственных служб.

Внимание концентрируется на следующих аспектах:

- опыт Европейского союза по использованию ИИ для решения миграционных проблем;
- управление миграционными делами во Франции с опорой на ИИ.

Отсюда необходимость в прояснении ключевых вопросов: 1) какое место в общеевропейской политике цифровизации занимает ИИ? 2) какие результаты достигли Европейский союз и Франция в использовании машинных систем для управления миграционными процессами? 3) какие проблемы при этом возникают?

Данное исследование может внести вклад в изучение и обобщение опыта интеграции ИИ в административные механизмы, расширение научных представлений о его роли в решении задач по повышению эффективности управленческих процессов. Результаты анализа также могут иметь значение для стимулирования дискуссии о потенциальных преимуществах и рисках применения интеллектуальных решений в анализируемой сфере. В практической плоскости кейс Франции полезен для менее успешных стран, где работа государственных институтов и служб, в зону ответственности которых входят миграционные вопросы, недостаточно автоматизирована.

Работа выполнена в теоретико-эмпирическом ключе. В качестве методологического регулятива выбран либеральный подход, в рамках которого ИИ оценивается как явление, несущее в себе и возможности, и потенциальные риски [18].

Стратегия научного изыскания носит комбинированный характер: она выстроена на сочетании web-скрейпинга с case-study, формализованным методом разбора нормативных актов и функциональным анализом.

Исследование проведено в несколько этапов. Прежде всего, извлечены сведения, содержащиеся на сайтах институтов Европейского союза и органов власти Франции, неправительственных организаций, информационных изданий и новостных агентств. Поиск велся в системах «Yandex» и «Google» с задействованием вводной фразы «управление миграцией в Европейском союзе / во Франции с привлечением ИИ».

На следующем шаге произведено всестороннее изучение случаев Европейского союза и Франции с детальным описанием тенденций и взаимосвязей. Посредством обращения к функциональному анализу раскрыт потенциал использования ИИ для упорядочивания миграции на общеевропейском уровне, высвечены положительные эффекты и обозначены текущие проблемы. Кроме того, был осуществлен формализованный анализ документов Европейского союза и Франции, регулирующих реализацию цифровой политики, а также отчетов Международной организации по миграции и европейских неправительственных организаций, дающих представление о сложившейся ситуации с внедрением ИИ в механизмы исполнительных органов власти и специальных служб.

Во избежание двусмысленности в интерпретации результатов в статье использованы следующие дефиниции базовых понятий:

– трансграничная миграция – «процесс перемещения людей через международные границы»¹;

– управление миграцией – «различные стратегии, концепции и процессы, согласованные и принятые в соответствии с субъектами миграционных отношений, чтобы обеспечивать основу для регулирования миграционных потоков упорядоченным и предсказуемым образом» [2, с. 53];

– искусственный интеллект – «машинная система, работающая с разной степенью автономности, способная демонстрировать адаптивность после развертывания, в соответствии с заданным набором целей и на основе полученной информации генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации и решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду»².

Опыт Европейского союза по внедрению ИИ в сферу управления миграцией

По мере продвижения современного общества в направлении нового технологического уклада цифровая трансформация все больше охватывает сектор государственного управления миграционными процессами, качественно изменяя формы и способы его организации, а также повышая результативность функционирования.

---

¹ Glossary on Migration. 2011. № 25. P. 23. URL: <https://www.corteidh.or.cr/sitios/observaciones/11/anexo5.pdf> (дата обращения 07.04.2024).

² EU Artificial Intelligence Act №2021/0106(COD). 2021. Article 3. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/de/article/3/> (дата обращения 07.04.2024).

В настоящее время Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международная организация по миграции, выполняя свой мандат, активно экспериментируют с передовыми технологическими решениями. В частности, специалисты Управления с опорой на инновационно-прогностическую аналитику получают возможность выявлять и измерять факторы, провоцирующие вынужденное перемещение людей, моделировать сценарии будущих событий¹. В рамках второй из названных структур был разработан эффективный инструмент для зондирования условий в местах возвращения мигрантов. Его значимость определяется политической установкой на репатриацию и необходимостью предвидения потенциальных обратных потоков².

Следуя общемировому тренду, Европейский союз в соответствии с Программой политики «Цифрового десятилетия», запущенной Решением Европейского парламента и Совета в 2022 году, демонстрирует успешный опыт привлечения ИИ для оптимизации процессов регистрации и обработки данных о мигрантах, управления границами и контроля за транснациональными перемещениями. При этом приоритет отдается нивелированию рисков, связанных с задействованием искусственных самообучающихся и самоадаптирующихся систем³.

Показательно, что Европейской комиссией в 2021 году предложен первый в истории проект Регламента об ИИ, который вступил в силу в качестве общеевропейского закона в 2024 году. Базирующийся на проактивном подходе, он призван улучшить работу внутреннего рынка и содействовать внедрению человекоориентированного ИИ на основе строгого соблюдения универсальных ценностей. В числе субъектов, на которых распространяются положения акта, обозначены поставщики, разработчики, импортеры, дистрибьюторы и пользователи систем ИИ, а также производители продукции, эксплуатирующие подобные комплексы. При этом законодатель ранжирует риски на неприемлемые, высокоуровневые, ограниченные и минимальные. Сфера миграции в контексте применения систем ИИ причислена к категории «с высоким уровнем риска», поскольку

---

¹ How artificial intelligence can be used to predict Africa's next migration crisis. URL: <https://www.unhcr.org/innovation/how-artificial-intelligence-can-be-used-to-predict-africas-next-migration-crisis/> (дата обращения 07.04.2024).

² The Return Index, 2018–2024. URL: <https://iraqdtm.iom.int/ReturnIndex>; Description of Activities on AI. 2024. URL: <https://aiforgood.itu.int/about-ai-for-good/un-ai-actions/iom/> (дата обращения 07.04.2024).

³ Decision (EU) 2022/2481 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 establishing the Digital Decade Policy Programme 2030. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/2481/oj>; Europe's Digital Decade: Digital Targets for 2030. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en (дата обращения 07.04.2024).

ку она относится к чувствительным областям, где несовершенства, сбои и злоупотребления могут повлечь серьезные последствия, вызванные нарушениями прав человека или ослаблением защиты личности и общества.

В список возможных ошибок и некорректного использования ИИ в данном случае включены такие направления, как оценка угрозы для здоровья и безопасности людей при их въезде в какую-либо страну Европейского союза, аудит ходатайств о предоставлении убежища, заявок на получение виз и вида на жительство, обнаружение и распознавание лиц.

Важно, что закон, нацеленный на усиление прозрачности и контроля за применением ИИ, содержит запреты на использование:

- социального скоринга, означающего классификацию людей на основе социального поведения или личных качеств;
- биометрической категоризации перемещающихся лиц (по расовому признаку, политическим взглядам, членству в профсоюзе, религиозным и философским убеждениям, сексуальной ориентации);
- подсознательных, манипулятивных и обманных приемов для искажения поведения.

В то же время предусмотрены исключения из правил по медицинским соображениям либо исходя из необходимости обеспечения безопасности.

Одним из ключевых условий развертывания инновационного движения является деятельность созданного в 2011 году Агентства Европейского союза по оперативному управлению крупномасштабными ИТ-системами в области свободы, безопасности и правосудия (EU-Lisa). Данный специализированный орган осуществляет на практике все то, что предписано политическими решениями в сфере предоставления убежища, управления границами и миграцией. Удовлетворяет требованию эффективности его сотрудничество с другими наднациональными институтами, такими как Европейский полицейский колледж (CEPOL), Агентство Европейского союза по вопросам убежища (EUAA), Агентство Европейского союза, имеющее дело с судебными органами (Eurojust), Полицейская служба Европейского союза (Europol), Агентство Европейского союза по основным правам (FRA), Агентство Европейского союза по безопасности внешних границ (Frontex). В компетенцию EU-Lisa входит широкий круг полномочий. Среди них: согласование функционирования ИТ-систем для управления трансграничными потоками; агрегирование сведений, поступающих от служб, ответственных за общественную безопасность; разработка инструментов и методик для анализа и про-

гнозирования миграционных тенденций; киберзащита; внедрение новых технологий для улучшения миграционного менеджмента¹.

В целом практика показывает, что ИИ, развивающийся в европейской системе координат, работает как мощный фактор совершенствования административной деятельности структур, реализующих миграционную политику и курирующих сопряженные с ней вопросы. Технологическая интервенция происходит на всех этапах миграционного цикла: перед отъездом из страны исхода, на пограничных пунктах при въезде в государства транзита и приема, на стадии пребывания в месте назначения, при возвращении на родину.

На текущий момент выделилась группа направлений, охваченных технологической модернизацией (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение между преимуществами и проблемами использования ИИ в управлении миграцией в Европейском союзе²

Ключевые направления	Положительные эффекты	Проблемы
сбор, мониторинг, анализ и оценка данных о миграции	<ul style="list-style-type: none"> - автоматизация и перманентность процессов извлечения информации; - анализ многообразных структурированных и неструктурированных потоков информации; - восполнение пробелов в имеющихся сведениях, создание новых наборов данных; - преодоление ограничений, связанных с традиционными исследованиями (дороговизна, длительность, пропуски в массивах информации); - достижение непрерывности, точности и достоверности мониторинга; - формирование четкого представления об объекте, закономерностях его поведения, скрытых процессах. 	<ul style="list-style-type: none"> - риск утечки личных данных и несанкционированного доступа к ним; - ошибки, предвзятости или неверная интерпретация сведений; - недостаточная прозрачность конечных результатов; - злоупотребления при использовании информации; - развитие алгоритмической дискриминации, приводящей к нарушению прав человека.
обработка запросов на получение виз, разрешения на проживание и других документов, связанных с миграцией	<ul style="list-style-type: none"> - автоматизация рутинных процессов; - высвобождение времени специалистов для выполнения ими более сложных задач; - сокращение срока ожидания для заявителей; - увеличение скорости обработки 	<ul style="list-style-type: none"> - недостаточная гибкость в принятии решений, неспособность учитывать все нюансы ситуации; - ограниченность в понимании культурных и социальных особенностей, естественного языка и

¹ Who we are. URL: <https://www.eulisa.europa.eu/About-Us/Who-We-Are> (дата обращения 07.04.2024).

² Составлено авторами на основании анализа собранных материалов.

	<p>данных;</p> <ul style="list-style-type: none"> - обеспечение более точного заполнения документов; - выявление закономерностей в больших объемах данных 	<p>тонкостей юридических конструкций;</p> <ul style="list-style-type: none"> - сложность адаптации к меняющемуся законодательству и миграционной политике; - ошибки, связанные с качеством исходных данных
<p>прогнозирование миграционных потоков и планирование стратегии управления миграцией</p>	<ul style="list-style-type: none"> - получение надежных прогностических моделей на основе множества переменных и сценариев, ретроспекции и текущих тенденций; - оптимизация стратегии управления с учетом комплекса факторов; - корректная интерпретация результатов, сложных для человеческого понимания. 	<ul style="list-style-type: none"> - неточность прогнозов в случае неполноты, гетерогенности или недоступности первичной информации; - возможность прогностических ошибок при возникновении неожиданных событий.
<p>идентификация рисков и обнаружение аномалий, связанных с людскими перемещениями</p>	<ul style="list-style-type: none"> - обнаружение подозрительной активности на границе; - выявление при работе с документами иммигрантов признаков мошенничества; - установление нелегальных маршрутов и незаконного ввоза мигрантов; - вскрытие случаев пребывания на территории акцептора сверх лимитированного законом срока; - мониторинг интернет-активности на предмет выявления радикального поведения и связей с экстремистскими/террористическими группировками; - идентификация лиц, преступивших закон/потенциально способных к совершению противоправных действий; - отслеживание и уничтожение киберсетей, связанных с нелегальной миграцией, экстремизмом/терроризмом. 	<ul style="list-style-type: none"> - ошибки при распознавании личности в случае неполной, недостоверной или предвзятой исходной информации; - неправильное определение рисков и аномалий при наличии неточностей в данных о перемещениях; - вмешательство в частную жизнь и нарушение права на неприкосновенность личной информации; - несправедливое отношение к определенным группам мигрантов; - использование персональных данных мигрантов не по назначению или их передача третьим лицам без согласия правообладателя.
<p>автоматическое оповещение и контроль при возникновении новых событий, связанных с миграцией</p>	<ul style="list-style-type: none"> - оперативное реагирование на приток мигрантов и актуализация потенциальных проблем; - обеспечение эффективной коммуникации между различными органами власти, ответственными за управление миграцией; - выработка рекомендаций для быстрой адаптации к изменившейся ситуации и нахождения оптимальных решений по урегулированию кризисных процессов; - помощь правоохранительным органам в поддержании правопорядка 	<ul style="list-style-type: none"> - технические сбои в работе из-за неправильного машинного обучения или несвоевременного обновления данных; - возможность использования ИИ для злоупотреблений и нарушений прав человека; - вынесение ошибочных рекомендаций

Не менее важно, что ИИ стал преобразующей силой совершенствования прежних IT-комплексов и фактором появления новых.

Так, Шенгенская информационная система (SIS, 1995 г.) сегодня работает на основе биометрической идентификации обмена информацией между государствами-членами Шенгенского соглашения. Являясь успешным инструментом обеспечения безопасности и пограничного контроля, данная платформа помогает иммиграционным, пограничным, таможенным, полицейским и судебным органам бороться с нелегальной миграцией, терроризмом, торговлей людьми и другими преступлениями¹.

Европейской системой дактилоскопии (Eurodac, 2003 г.) в соответствии с актуальными требованиями оптимизирован процесс формирования баз данных посредством оцифровки отпечатков пальцев просителей убежища и нелегальных мигрантов. Это помогает ускорить процедуры сопоставления новых ходатайств на получение убежища с прежде зарегистрированными и выносить с учетом положений Дублинского регламента более взвешенный вердикт об отправке лица в страну, ответственную за первоначальное заявление о предоставлении международной защиты².

Операциональные коды Информационной системы виз (VIS, 2004 г.) выстраиваются согласно интеллектуально-алгоритмическим законам, в силу чего обеспечивается релевантное решение задач по обработке прошений о предоставлении убежища гражданам из третьих стран и выявлению лиц, которые не соответствуют условиям въезда и пребывания в Шенгенской зоне. Система эффективно зарекомендовала себя в части облегчения консульского сотрудничества и пограничного контроля, при установлении фактов обхода правил и процедур заявителями, одновременно подающими документы в службы нескольких стран Европейского союза³.

В режиме реального времени и через глобальную паутину Система анализа миграционной информации и данных (MIDAS, 2009 г.) выполняет сложную комбинацию действий по извлечению, хранению и анализу информации о пассажирах. Разработанная совместно с Международной организацией по миграции, она играет решающую роль в реализации политики экстернализации, нацеленной на сокращение массовости миграционных потоков, достигающих границы Европейского союза. Благодаря ИИ-

---

¹ SIS. URL: <https://clck.ru/3Da9vB> (дата обращения 07.04.2024).

² Eurodac. URL: <https://clck.ru/3Da9vU> (дата обращения 07.04.2024).

³ VIS. URL: <https://clck.ru/3Da9wP> (дата обращения 07.04.2024).

возможностям MIDAS, организованной в сетевой логике и объединившей свыше 20 стран из Европы, Африки, Азии и Америки, существенным образом повысилась эффективность контроля за въездом и выездом, а также улучшилось качество планирования миграционной политики и ее увязывания с указанным выше стратегическим ориентиром¹.

В пул первых цифровых инфраструктур входит Европейская система пограничного контроля (EUROSUR, 2013 г.), управляемая «Frontex». С использованием беспилотников и спутников она отображает события, происходящие по контуру внешних границ Европейского союза, вычисляет риски миграционного давления, помогает спасти жизни иммигрантов в море, выдает рекомендации относительно развертывания активов и сил реагирования для преодоления стрессовых обстоятельств².

К современному высокопродуктивному спектру относится Европейская система въезда/выезда (EES, 2017 г.). Ее аппаратные программные конфигурации позволяют производить электронную регистрацию биографических и биометрических данных, выполнять мониторинг разрешенного нахождения лица на территории акцептора. Это имеет принципиальное значение с точки зрения укрепления внутренней безопасности и вывода борьбы с криминальными проявлениями на новый уровень³.

Самый последний из запущенных проектов носит название «IT-инструменты и методы управления миграционными потоками» (ITFLOWS, 2023 г.). Он представляет собой интегрированный механизм оперативной поддержки для таких агентств, как «Frontex», «Europol» и «Eurojust». ITFLOWS агрегирует сведения из различных источников, формируя единое представление о моделях миграции в Европе, использует продвинутую аналитику для оценки рисков, вызываемых неправомерным поведением мигрантов, обеспечивает скоординированный подход к управлению миграцией посредством облегченного обмена информацией между европейскими

---

¹ MIDAS: Migration Information and Data Analysis System. URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/our_work/DMM/IBM/updated/midas-brochure18-v7-fr_digital-2606.pdf (дата обращения 07.04.2024); Pour les Migrants, la Biométrie Tout au Long du. URL: <https://clck.ru/3Da9tj> (дата обращения 07.04.2024).

² Eurosur. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen-borders-and-visa/border-crossing/eurosur_en; European Border Surveillance System (EUROSUR) and its Problematic Impact on the Rights of the People on the Move. URL: <https://clck.ru/3Da9r4> (дата обращения 07.04.2024).

³ EES. URL: <https://clck.ru/3Da9tA> (дата обращения 07.04.2024).

агентствами, генерирует с учетом человеческого фактора прогнозы и предлагает адекватные решения по упорядочиванию передвижений¹.

Французский кейс использования ИИ в управлении миграцией

Руководством Франции поставлена амбициозная цель выйти на лидерские позиции в области искусственного интеллекта. Для ее достижения выделены 2,5 млрд евро в рамках национального плана «Франция 2030»². По словам государственного секретаря по цифровой экономике и инновациям О. Седрика, для этого имеется основательный задел, включая мощную исследовательскую базу, динамичную экосистему стартапов. Важнейший фактор – безусловная правительственная поддержка³.

Особое внимание уделяется внедрению саморазвивающихся и адаптирующихся систем в сферу управления миграционными процессами. Тот факт, что данный вопрос находится в центре политической повестки, подтверждается на уровне кратологического дискурса. В 2023 году, выступая перед предпринимательским сообществом на парижской выставке «VivaTech», президент Франции Э. Макрон произнес следующее: «У нас ежедневно ведутся дебаты об иммиграции <...> К нам приезжает много людей, у нас есть старые правила, и мы относимся к ним, как в начале XX века. Давайте использовать искусственный интеллект и технологии, чтобы обрабатывать данные намного быстрее! Мошенничества будет гораздо меньше, мы будем нанимать гораздо меньше людей, и мы будем двигаться гораздо быстрее». Он также объявил о капиталовложениях в модернизацию отрасли в размере 500 млн евро⁴.

Несмотря на то, что во Франции отсутствует собственная правовая база, напрямую регламентирующая применение ИИ, страна, ратифицировав проект Закона об ИИ от 21 апреля 2021 года⁵, не только взяла на себя обя-

---

¹ ITFLOWS. URL: <https://hidalgo-project.eu/associate-partners/itflows>; Predicting Migration Flows with Artificial Intelligence – the European Union’s Risky Gamble. URL: <https://clck.ru/3Da9nK> (дата обращения 07.04.2024).

² Just before the Viva Technology fair that was held in Paris in late May, French President Macron Gathered Talents of Artificial Intelligence in the Elysée Palace to Reaffirm the Strategic Priority for AI in France, with a 2,5 Billion Euros Funding as Part of the France 2030 Plan. URL: <https://www.campusfrance.org/en/actu/intelligence-artificielle-en-france-de-nouveaux-dispositifs-de-soutien> (дата обращения 07.04.2024).

³ France Aims for AI Leadership: A Look at the Nation’s Ambitions and Challenges. URL: <https://clck.ru/3Da9pL> (дата обращения 07.04.2024).

⁴ L’intelligence Artificielle Peut-Elle Vraiment Aider à Gérer Les Flux Migratoires? URL: https://www.bfmtv.com/tech/intelligence-artificielle/l-intelligence-artificielle-peut-elle-vraiment-aider-a-gerer-les-flux-migratoires_AV-202306170327.html (дата обращения 07.04.2024).

⁵ La France Ratifie le Projet de Règlement Européen sur l’IA / Le Figaro. 2024. February 2. URL: <https://www.lefigaro.fr/secteur/high-tech/start-up/feu-vert-des-pays-de-l-ue-a-une-premiere-loi-sur-l-intelligence-artificielle-20240202> (дата обращения 07.04.2024).

зательства по выполнению содержащихся в нем предписаний и правил регулирования соответствующей деятельности, но и получила право на широкоформатное использование интеллектуальных систем.

Неудивительно, что французская практика применения ИИ в области управления миграцией соответствует общеевропейским тенденциям. Речь идет об оптимизации процессов управления границами, сборе и анализе данных о миграции, прогнозировании будущих передвижений.

Во Франции широко используется общеевропейский пакет «Умные границы»¹, включающий систему въезда / выезда (EES) и Программу зарегистрированных путешественников (RTP). Они призваны, с одной стороны, повысить безопасность, с другой – ускорить процедуры пограничного контроля для граждан третьих стран, прибывающих в Европейский союз.

В частности, для защиты береговой линии между Францией и Великобританией, а также предотвращения утопления лиц, стремящихся незаконно преодолеть пролив Ла-Манш, применяются средства наблюдения с инфракрасным панорамным обнаружением «Spynel». Они оснащены программным обеспечением «Cyclope», посылающим сигнал тревоги в случаях обнаружения больших групп людей, концентрирующихся у воды в темное время суток².

Запущены пилотные проекты биометрической посадки на борт авиалайнера, основанной на системе распознавания лиц. Одними из первых ее внедрили «Air France» и аэропорты Парижа³. В 2020 году французский орган по защите данных (CNIL) выпустил руководство по использованию этой технологии во всех воздушных гаванях страны⁴.

Известно, что Франция сделала заказ компании «Thales» на изготовление 544 «киосков данных» для мониторинга путешественников и 250 планшетов для отслеживания людей, переправляющихся на грузопассажирских пароммах. Функционал приведенного оборудования включает загрузку фотографий, сканирование лица, штрих-кодов проездных документов и чипа

---

¹ 'Smart Borders': for an Open and Secure Europe: Memo. 2013. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/el/MEMO_13_141 (дата обращения 07.04.2024).

² HGH, Partner in the "Smart Border" Project between France and the UK Securing the Coast Against Illegal Immigration. URL: <https://hgh-infrared.com/hgh-partner-smart-border-project-illegal-immigration/> (дата обращения 07.04.2024).

³ Air France and Paris Airports to Run Biometric Boarding Pilot. URL: <https://www.biometricupdate.com/201911/air-france-and-paris-airports-to-run-biometric-boarding-pilot> (дата обращения 07.04.2024).

⁴ Reconnaissance Faciale Dans les Aéroports: Quels Enjeux et Quels Grands Principes à Respecter? URL: <https://www.cnil.fr/fr/reconnaissance-faciale-dans-les-aeroports-quels-enjeux-et-quels-grands-principes-respecter> (дата обращения 07.04.2024).

паспорта¹. Следует упомянуть и пользующиеся популярностью технологические решения французской «Morpho» – производителя терминалов для идентификации личности по отпечаткам пальцев, венам рук, специфике лицевого строения. В настоящее время она поставляет автоматические двери и средства аутентификации в порт Шербур, международный аэропорт Руиси и на парижский Северный вокзал².

На железных дорогах тестируются инструменты видеонаблюдения, способные распознавать людей по походке и одежде. Ставка сделана на интеллектуальные продукты отечественных компаний «Thales» и «Atos», а также израильских поставщиков видеоаналитики «Briefcam» и «Anyvision» («Oosto») ³.

Кроме того, в ряде аэропортов, например, Шарль-де-Жанейро, Орли, Марсель-Прованс, Лион Сент-Экзюпери, Ницца, на автобусных станциях Гардю-Нор и Сен-Панкрас появились автоматические въездные ворота «Parafe», дающие возможность перемещающемуся контингенту самостоятельно пересекать границы по отпечаткам пальцев или через систему распознавания лиц⁴.

Предполагается, что в полной мере механизм «умных границ» начнет действовать во Франции с 2025 года⁵.

Еще один важный момент, требующий акцентуации, – развертывание систем беспилотных летательных аппаратов для мониторинга сухопутных и морских границ в обеспечение оперативного получения информации и пресечения нелегальных передвижений. В данном случае Франция действует самостоятельно, либо объединяя усилия с Великобританией, Испанией и Швейцарией. Так, получил освещение в отчете некоммерческой организации «Stawatch» факт, связанный с резервированием в 2020 году властями Франции и Великобритании необходимого количества дронов у Европейского агентства по безопасности на море (EMSA). В этом же году Великобритания поставила во Францию несколько квадрокоптеров с целью обнаружения по-

---

¹ France Orders 544 Kiosks & 250 Tablets for Entry/Exit System. URL: <https://clck.ru/3Da9kA> (дата обращения 07.04.2024).

² Surveillance of Everyone: Europe's "Smart Borders" Would Automatically Monitor Individuals. URL: <https://truthout.org/articles/surveillance-of-everyone-europe-s-proposed-smart-borders-would-automatically-monitor-individuals/> (дата обращения 07.04.2024).

³ Train Trip with Motion Detector: French Railway is Testing Methods for "Intelligent" Surveillance. URL: <https://digit.site36.net/2024/01/02/train-trip-with-motion-detector-french-railway-is-testing-methods-for-intelligent-surveillance/> (дата обращения 07.04.2024).

⁴ PARAFE: Passer les contrôles Aux Frontières Plus Rapidement. URL: <https://www.interieur.gouv.fr/Archives/Archives-des-actualites/2019-Actualites/PARAFE-passer-les-contrôles-aux-frontières-plus-rapidement> (дата обращения 07.04.2024).

⁵ En 2025, l'Union Européenne Déploie de Nouveaux Outils Dédiés Aux Voyageurs Étrangers Pour Sécuriser Son Territoire. URL: <https://www.interieur.gouv.fr/actualites/actualites-du-ministere/en-2025-lunion-europeenne-deploie-de-nouveaux-outils-dedies-aux> (дата обращения 07.04.2024).

тенциальных мигрантов во французских территориальных водах¹. Кроме того, автономные летательные устройства используются вдоль границы Италии со Швейцарией и Францией для пресечения проникновений в Северную Европу².

Встречаются частные сюжеты распространения указанной практики. Доказательством может служить одобрение в 2023 году местной префектурой полиции Ниццы привлечения беспилотников для патрулирования четырех зон вокруг курортного города Ментон, граничащего с Италией: территории вдоль побережья Средиземного моря, пространства вокруг торгового центра между Ментоном и Кастельяром, а также районов Соспель и Брей-сюр-Руа³.

Французское правительство заинтересовано и в развитии так называемого «массового биометрического наблюдения», предполагающего создание баз данных для идентификации («Fisher TES»). Примечательно, что по состоянию на 2018 год в ней хранилось 19 млн файлов и 8 млн изображений. Таким образом значительно облегчается работа полиции, сотрудники которой могут сравнивать фотографии преступивших закон или подозреваемых в совершении противоправных деяний лиц с изображениями людей, зафиксированных при помощи видеонаблюдения на улицах⁴. В полной мере это относится и к обнаружению нелегальных мигрантов, а также предотвращению терактов. В преддверии проведения Олимпийских игр во Франции в июле 2024 года, которые, как ожидается, посетит большое количество граждан, в том числе жители неевропейских стран, компании «Videtics», «Orange Business», «ChapsVision» и «Wintics» создали программное обеспечение с искусственными алгоритмами. Последние способны анализировать видеопотоки, вскрывать девиантное поведение и оповещать специальные службы о негативных проявлениях⁵.

В помощь правоохранительным органам разработан и эффективно зарекомендовал себя французский комплекс SAIP, входящий в Систему ин-

---

¹ Drones for Frontex: Unmanned Migration Control at Europe's Borders. URL: <https://www.statewatch.org/analyses/2020/drones-for-frontex-unmanned-migration-control-at-europe-s-borders/> (дата обращения 07.04.2024).

² Durt P., Frew J. Crossing a Line. The Use of Drones to Control Borders: Report, 2020 / Drone Wars UK. URL: <https://dronewars.net/wp-content/uploads/2020/12/DW-Crossing-a-Line-WEB.pdf> (дата обращения 07.04.2024).

³ French Police Deploy Drones at Italian Border to Track Migrants. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/48890/french-police-deploy-drones-at-italian-border-to-track-migrants> (дата обращения 07.04.2024).

⁴ LQDN Fights to Protect French Citizens from Biometric Mass Surveillance. URL: <https://edri.org/our-work/our-legal-action-against-the-use-of-facial-recognition-by-the-french-police/>.

⁵ Olympics: How France plans to use AI to keep Paris 2024 safe / China Daily. 2024. March, 9. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/380270> (дата обращения 07.04.2024).

формации и раннего предупреждения Европейского союза. Он используется для мониторинга больших объемов данных и прогнозирования событий, которые могут повлиять на безопасность населения¹. Последовательность шагов включает:

- сбор сведений о потенциальных террористических угрозах из разных источников – новостных лент, социальных сетей, официальных сообщений органов правопорядка и экстренных служб;
- обработка данных на предмет установления подозрительной активности;
- автоматическое оповещение органов правопорядка и граждан о возможных опасностях;
- предоставление рекомендаций по мерам предосторожности;
- прогнозирование вероятных террористических актов.

В 2024 году в дополнение к SAIP было апробировано устройство «FR-Alert», предназначенное для оповещения населения через смартфоны².

Для выявления радикализации на ранних стадиях исследуется контент web-сайтов в соответствии с положениями Закона о разведке 2015 года³, закрепившего разрешение на использование машинных систем для обнаружения связей, которые могут указывать на наличие террористической угрозы⁴. Закон о предотвращении террористических актов и разведывательной деятельности от 2021 года сделал эту норму бессрочной. Он также усилил процессуальные гарантии реализации алгоритмов и расширил их сферу применения на полные URL-адреса⁵.

К совокупности защитных мер отнесены национальные базы данных «Visabio» и AGDREF, где содержится информация об иностранцах во Франции на основании сделанных в префектурах цифровых фотографий и отпечатков пальцев владельца. Они разработаны Национальным управлением Франции по иммиграции и Главным управлением национальной полиции. Благодаря ИИ происходит оперативное сравнение новых отпечатков с дан-

---

¹ Application D'alerte et D'information des Populations en Cas de Crise (SAIP). URL: <https://clck.ru/3Da9hY> (дата обращения 07.04.2024).

² Le Dispositif FR-Alert Utilisé Pour Envoyer Une Information Non-Urgente sur Les JO. URL: <https://clck.ru/3Da9gD> (дата обращения 07.04.2024).

³ Country Reports on Terrorism 2021: France / U.S. Department of State. 2021. URL: <https://clck.ru/3Da9f3> (дата обращения 07.04.2024).

⁴ LOI n 2015-912 Relative au Renseignement. 2015. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000030931899> (дата обращения 07.04.2024).

⁵ LOI n 2021-998 Relative à la Prévention d'actes de Terrorisme et au Renseignement. 2021. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043876100> (дата обращения 07.04.2024).

ными в базах и выдаются результаты проверки личности. В последнее время все чаще используется национальный биометрический файл под названием «Поддержка оценки меньшинств» (АЕМ), созданный для борьбы с незаконным въездом и пребыванием несовершеннолетних иммигрантов. В нем содержится информация об их физических и поведенческих характеристиках. В ситуации возникновения противоречий с требованиями издается приказ о депортации либо задержании нарушителей¹.

В то же время при наличии целого ряда положительных эффектов – от ускорения обработки большого объема информации, анализа тенденций перемещений, помощи в выявлении потенциальных угроз безопасности до предвидения возможных проблем и получения рекомендаций по управлению событиями – актуализируются негативные последствия от внедрения ИИ в сферу миграционного менеджмента.

Во-первых, нововведения предполагают значительные объемы инвестирования. Отсюда опасения по поводу истощения государственного бюджета. Во-вторых, обостряется проблема конфликта интересов, связанная с принципом избирательности при предоставлении государственного заказа на разработку решений и установку оборудования определенному пулу компаний. В-третьих, увеличивается время ожидания на переходах в силу недостаточной отлаженности цифровых устройств. В-четвертых, существует опасность автоматизации ошибок, сбоев, влекущих снижение надежности в физической работе пропускных механизмов и адекватности аутентификации иностранцев, которые могут быть депортированы либо лишены свободы по ложным основаниям. В-пятых, приоритезация пропуска мобильного контингента с «высоким риском иммиграции» увеличивает вариативность практик дискриминации. В-шестых, на настоящий момент несовершенной является система защиты персональных данных, что может привести к их утечке и неправомерному использованию. В-седьмых, более изоцированные и непрозрачные технологии слежки вызывают серьезные нарушения прав человека на неприкосновенность частной жизни².

Обсуждение

---

¹ Visa Information System (VIS). URL: <https://clck.ru/3Da9cj> (дата обращения 07.04.2024).

² Surveillance of Everyone: Europe's "Smart Borders" Would Automatically Monitor Individuals // Op. cit.; French Police Deploy Drones at Italian Border to Track Migrants // Op. cit.; France Orders 544 Kiosks & 250 Tablets for Entry/Exit System // Op. cit.; LQDN Fights to Protect French Citizens from Biometric Mass Surveillance // Op. cit.

ИИ отводится важное место в европейской политике цифровизации, которая конгруэнтна вектору современного мирового движения. Сектор государственного управления миграцией не является исключением, тем более что применение инновационных подходов сегодня в указанной области приобретает особую значимость. Обусловлено это увеличением масштабов стихийных трансграничных перемещений и прогрессирующей эклектикой их последствий.

Как и в целом ряде предыдущих исследований [3; 5; 8; 11; 22], в ходе настоящего анализа удалось установить, что с внедрением алгоритмических машинных систем в административные механизмы расширяются горизонты возможностей для повышения эффективности деятельности органов власти, чья ролевая и функциональная нагрузка формируется в когерентности с миграционными вопросами. Сегодня все этапы миграционного цикла охвачены революционными преобразованиями. Мультипликативный положительный эффект, отражающий данную практику, заключается в автоматизации трудоемких рутинных операций, повышении уровня контроля на границах и общественной безопасности, улучшении анализа и прогноза миграционных потоков, оптимизации реагирования специализированных служб на стрессовые события, криминальное поведение и радикальные проявления.

В то же время процесс перехода к новым формам управления сопровождается рисками, связанными как с несовершенством самих цифровых инструментов, созданных относительно недавно, так и проблемой обеспечения конфиденциальности, защиты персональных данных, этики и справедливости при принятии решений с опорой на ИИ. Работа по нахождению баланса между получаемыми техническими преимуществами и необходимостью соблюдения прав человека ведется. Аргументация тому – появление Закона об ИИ, которым императивированы стандарты и требования к применению новых технологий. Вероятно, в практической плоскости преодоление проблем во многом будет зависеть от готовности и способности разработчиков, а также исполнителей строго следовать юридически обязывающим установлениям.

Дополнительно исследование высветило текущее состояние использования ИИ в управлении миграцией во Франции. Выяснилось, что правительство, движимое амбицией войти в клуб лидеров, выделяет значительный объем ассигнований на развитие области инноваций. Благоприятствует достижению стратегической цели сформированность научной базы и наличие динамичной экосистемы стартапов. Высшим руководством страны вопрос о

предельной интеграции ИИ в процесс властного упорядочивания трансграничных перемещений переведен в центр политической повестки.

Отсюда успехи в продвижении согласно намеченному курсу. В логике ассоциированного членства в региональном объединении активно адаптируются к национальному контексту общеевропейские системы и технологии, такие как Система информации и раннего предупреждения Европейского союза или «Умные границы». Параллельно разрабатываются и внедряются собственные продукты интеллектуальной деятельности, например, национальный биометрический файл АЕМ, базы данных «Visabio» и AGDREF.

Хотя фундаментальные изменения не носят линейно-положительного характера – их обратной стороной является воспроизводство трудностей, ошибок и просчетов, сопутствующих любому переходному этапу, – стоит говорить о создании основательного задела для дальнейшей модернизации.

Кроме того, на кейсе Франции становится очевидным, что между уровнем цифровой зрелости государства и состоянием использования ИИ в сфере управления миграцией существует прямая связь. Аналогичное видение можно встретить в литературе. Так, И. Флорчак с сожалением наблюдает торможение внедрения ИИ в организующе-регулирующее воздействие польского государства на миграционные процессы [15, р. 166–167]. А. Черданцева, рефлексировав в отношении опыта Испании, а затем Швеции, пишет: «...поздний среди европейских стран старт цифровизации испанской экономики повлиял на внедрение ИКТ как в государственный сектор, так и в сферу бизнеса. Безусловно, отмечается медленное движение в направлении адаптации ИКТ к потребностям рынка, однако в области регулирования миграции цифровые технологии практически не использованы на региональном уровне. <...> Внедрение цифровых коммуникационных и информационных технологий в миграционную политику, как и возможные перспективы их использования для учета и адаптации иммигрантов, выступают следствием высокого уровня развития цифровой экономики Швеции и плодотворной работы государства по формированию цифровых компетенций как граждан страны, так и мигрантов» [5, с. 23–24].

Выявленная корреляция легко верифицируется путем апелляции к Рейтингу глобальной цифровой конкурентоспособности. В 2023 году его составителями Франции было отведено 27 место в ранжируемой совокупно-

сти. Это средний результат. Лучшие показатели продемонстрировала Швеция (7 место), более низкие – Испания (31 место) и Польша (39 место)¹.

Думается, что цифровая эволюция является безальтернативным будущим многих государств, поскольку развитие ИИ постепенно превращается в динамичный самонастраивающийся проект, преодолевая институциональную инерцию. Вопрос лишь в скорости, обусловленной комплексом внутринациональных и внешних обстоятельств, а также выборе/невыворе движения от преобладающей рациональности к модели, основанной на этике универсальных прав человека и моральных ценностях.

Заключение

Внедрение ИИ в государственное управление миграцией в Европейском союзе в целом и во Франции, в частности, отражает общемировые сдвиги, связанные с цифровой революцией. Поскольку трансграничная миграция оказывает значительное воздействие на безопасность и стабильность обществ, делегирование части полномочий ИИ – прогрессивный шаг в направлении решения сложных задач по оптимизации процессов упорядочивания социальной мобильности и нивелированию рисков. Сегодняшние достижения свидетельствуют об успешном прохождении цикла обкатки, что внушает оптимизм по поводу долгосрочных перспектив начавшейся модернизации.

Между тем, важным условием оптимального функционирования системы, в которую интегрированы машинные алгоритмы, является следование человекоцентристскому подходу на основании четко разработанных правил и этических норм использования инновационных технологий. Появление Закона об ИИ дает веские основания для предположения о вероятной доработке правового регулирования отношений в рассматриваемой области, усиления подотчетности органов, занимающихся миграцией.

На том основании, что тематика является новой и слабо разработанной, выдвинутые соображения и полученный материал могут стать отправной точкой для будущих исследований, нацеленных на более глубокое раскрытие потенциала использования ИИ в разных странах Европы, в том числе Франции, а также конструирование оптимальных моделей его внедрения. Кроме того, локальная проблематика, несмотря на кажущуюся объектно-

---

¹ World Digital Competitiveness Ranking / IMD. 2023. URL: <https://clck.ru/3Da958> (дата обращения 07.04.2024).

предметную ограниченность, способна придать дополнительную релевантность компаративному анализу.

Практическая ценность европейского опыта заключается в накоплении знаний о преимуществах и недостатках автоматизации административных процессов для исключения имеющихся противоречий, несовершенств, негативных последствий. Помимо этого, рассмотренные практики могут послужить стимулом для производства продуктов на основе ИИ, которые бы удовлетворяли политическому и социальному запросу на более корректное, прозрачное и справедливое управление человеческими перемещениями.

Литература

1. Алексеев Д.В. Цифровизация миграционной политики ЕС в контексте секьюритизации миграции // Вестник Томского государственного университета. 2022. №480. С. 63–72. <https://doi.org/10.17223/15617793/480/8>
2. Леденева В.Ю., Рахмонов А.Х. Риски государственного управления в миграционной сфере в условиях цифровой трансформации // Управление. 2020. Т. 8. №4. С. 51–59. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-51-59>
3. Пряжникова О.Н. Цифровизация и искусственный интеллект в управлении миграцией: опыт стран Европы (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. 2024. №2. С. 158–167. <https://doi.org/10.31249/espr/2024/02.09>
4. Смирнова О.А. Миграционная политика Франции на рубеже XX–XXI вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 356–363.
5. Черданцева А.М. Особенности цифровых технологий в миграционной политике европейских стран: на примере Германии, Испании и Швеции // Общество: политика, экономика, право. 2021. №2. С. 21–25.
6. Черданцева А.М. Цифровые технологии в регулировании миграционных процессов в ЕС // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. №11. С. 110–115. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-110-115>
7. Чихаев А.Ю. Миграционная политика Франции при президенте Э. Макроне // Международная аналитика. 2023. Т. 14. №3. С. 23–40. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-23-40>
8. Andreou A. e-Securing the EU Borders: AI in European Integrated Border Management // Journal of Politics and Ethics in New Technologies and AI. 2023. Vol. 2. №1. P. 1–20. <https://doi.org/10.12681/jpentai.34287>
9. Brouwer E. Schengen and the Administration of Exclusion: Legal Remedies Caught in between Entry Bans, Risk Assessment and Artificial Intelligence // European Journal of Migration and Law. 2021. Vol. 23. №4. P. 485–507. <https://doi.org/10.1163/15718166-12340115>
10. Csatlós E. Prospective Implementation of AI for Enhancing European (in)Security: Challenges in Reasoning of Automated Travel Authorization Decisions // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 54. P. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105995>
11. Derave C., Genicot N., Hetmanska N. The Risks of Trustworthy Artificial Intelligence: The Case of the European Travel Information and Authorisation System // European Journal of Risk Regulation. 2022. Vol. 13. №3. P. 389–420. <https://doi.org/10.1017/err.2022.5>

12. du Boucher G. Les Algorithmes et L'intelligence Artificielle Contre les Étrangers en Europe // *Plein Droit*. 2024. Vol. 1. №140. P. 31–41.
13. Duflot A. Artificial Intelligence in the French Law of 2024 // *Legal Issues in the Digital Age*. 2024. Vol. 5. №1. P. 37–56. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2024.1.37.56>
14. Eklund A. Rule of Law Challenges of 'Algorithmic Discretion' & Automation in EU Border Control A Case Study of ETIAS Through the Lens of Legality // *European Journal of Migration and Law*. 2023. Vol. 25. P. 249–274. <https://doi.org/10.1163/15718166-12340152>
15. Florczak I. Sztuczna inteligencja jako narzędzie do kierowania polityką zatrudniania cudzoziemców? (Florczak I. Artificial Intelligence as a Tool to Guide the Policy of Hiring Foreigners?) // *Studies on Labour Law and Social Policy*. 2022. Vol. 29. №2. P. 161–172. <https://doi.org/10.4467/25444654SPP.22.013.15687>
16. Forti M. AI-Driven Migration Management Procedures: Fundamental Rights Issues and Regulatory Answers // *BioLaw Journal – Rivista di BioDiritto*. 2021. №2. P. 433–451. <https://doi.org/10.15168/2284-4503-833>
17. McKeever A. Immigration and Integration Policy Change in France During Sarkozy's Era // *French Politics*. 2024. Vol. 22. №2. P. 87–114. <https://doi.org/10.1057/s41253-024-00239-2>
18. Medeiros M., Souza L., Godoy P. Knocking on France's Door: Migration Policies and Reception Data (2015–2019) // *Revista Brasileira de Ciências Sociais*. 2023. Vol. 38. № 111. P. 1–21. <https://doi.org/10.1590/3811021/2023>
19. Millogo A., Trojette I., Péridy N. Are Government Policies Efficient to Regulate Immigration? Evidence From France // *Région et Développement*. 2021. Vol. 53. P. 23–49.
20. Ndzenze B., Marwala T. Artificial Intelligence and International Relations Theories. Singapore: Springer, 2023. 165 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-4877-0>
21. Sadik G., Kaya C. The Role of Surveillance Technologies in the Securitization of EU Migration Policies and Border Management // *Uluslararası İlişkiler*. 2020. Vol. 17. №68. P. 145–160. <https://doi.org/10.33458/uidergisi.856932>
22. Szwed A. The Use of Artificial Intelligence in Migration-Related Procedures in the European Union – Opportunities and Threats // *Procedia Computer Science*. 2022. Vol. 207. P. 3645–3651. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.09.424>

References

1. Alekseev D.V. Tsifrovizatsiya migratsionnoi politiki ES v kontekste sek'yuritzatsii migratsii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. №480. S. 63–72. <https://doi.org/10.17223/15617793/480/8>
2. Ledeneva V.Yu., Rakhmonov A.Kh. Riski gosudarstvennogo upravleniya v migratsionnoi sfere v usloviyakh tsifrovoi transformatsii. *Upravlenie*. 2020. T. 8. №4. S. 51–59. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-51-59>
3. Pryazhnikova O.N. Tsifrovizatsiya i iskusstvennyi intellekt v upravlenii migratsiei: opyt stran Evropy (Obzor). *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*. 2024. №2. S. 158–167. <https://doi.org/10.31249/espr/2024/02.09>
4. Smirnova O.A. Migratsionnaya politika Frantsii na rubezhe XX–XXI vv. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. T. 22. Vyp. 3. S. 356–363.
5. Cherdantseva A.M. Osobennosti tsifrovyykh tekhnologii v migratsionnoi politike evropeiskikh stran: na primere Germanii, Ispanii i Shvetsii. *Obschestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2021. №2. S. 21–25.
6. Cherdantseva A.M. Tsifrovyye tekhnologii v regulirovanii migratsionnykh protsessov v ES. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2021. №11. S. 110–115. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-110-115>

7. Chikhaev A.Yu. Migratsionnaya politika Frantsii pri prezidente E. Makrone. *Mezhdunarodnaya analitika*. 2023. T. 14. №3. S. 23–40. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-23-40>
8. Andreou A. e-Securing the EU Borders: AI in European Integrated Border Management. *Journal of Politics and Ethics in New Technologies and AI*. 2023. Vol. 2. №1. P. 1–20. <https://doi.org/10.12681/jpentai.34287>
9. Brouwer E. Schengen and the Administration of Exclusion: Legal Remedies Caught in between Entry Bans, Risk Assessment and Artificial Intelligence. *European Journal of Migration and Law*. 2021. Vol. 23. №4. P. 485–507. <https://doi.org/10.1163/15718166-12340115>
10. Csatlós E. Prospective Implementation of AI for Enhancing European (in)Security: Challenges in Reasoning of Automated Travel Authorization Decisions. *Computer Law & Security Review*. 2024. Vol. 54. P. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105995>
11. Derave C., Genicot N., Hetmanska N. The Risks of Trustworthy Artificial Intelligence: The Case of the European Travel Information and Authorisation System. *European Journal of Risk Regulation*. 2022. Vol. 13. №3. P. 389–420. <https://doi.org/10.1017/err.2022.5>
12. du Boucher G. Les Algorithmes et L'intelligence Artificielle Contre les Étrangers en Europe. *Plein Droit*. 2024. Vol. 1. №140. P. 31–41.
13. Dufлот A. Artificial Intelligence in the French Law of 2024. *Legal Issues in the Digital Age*. 2024. Vol. 5. №1. P. 37–56. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2024.1.37.56>
14. Eklund A. Rule of Law Challenges of 'Algorithmic Discretion' & Automation in EU Border Control A Case Study of ETIAS Through the Lens of Legality. *European Journal of Migration and Law*. 2023. Vol. 25. P. 249–274. <https://doi.org/10.1163/15718166-12340152>
15. Florczak I. Sztuczna inteligencja jako narzędzie do kierowania polityką zatrudniania cudzoziemców? (Florczak I. Artificial Intelligence as a Tool to Guide the Policy of Hiring Foreigners?). *Studies on Labour Law and Social Policy*. 2022. Vol. 29. №2. P. 161–172. <https://doi.org/10.4467/25444654SPP.22.013.15687>
16. Forti M. AI-Driven Migration Management Procedures: Fundamental Rights Issues and Regulatory Answers. *BioLaw Journal – Rivista di BioDiritto*. 2021. №2. P. 433–451. <https://doi.org/10.15168/2284-4503-833>
17. McKeever A. Immigration and Integration Policy Change in France During Sarkozy's Era. *French Politics*. 2024. Vol. 22. №2. P. 87–114. <https://doi.org/10.1057/s41253-024-00239-2>
18. Medeiros M., Souza L., Godoy P. Knocking on France's Door: Migration Policies and Reception Data (2015–2019). *Revista Brasileira de Ciências Sociais*. 2023. Vol. 38. № 111. P. 1–21. <https://doi.org/10.1590/3811021/2023>
19. Millogo A., Trojette I., Péridy N. Are Government Policies Efficient to Regulate Immigration? Evidence From France. *Région et Développement*. 2021. Vol. 53. P. 23–49.
20. Ndzendze B., Marwala T. *Artificial Intelligence and International Relations Theories*. Singapore: Springer, 2023. 165 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-4877-0>
21. Sadik G., Kaya C. The Role of Surveillance Technologies in the Securitization of EU Migration Policies and Border Management. *Uluslararası İlişkiler*. 2020. Vol. 17. №68. P. 145–160. <https://doi.org/10.33458/uidergisi.856932>
22. Szwed A. The Use of Artificial Intelligence in Migration-Related Procedures in the European Union – Opportunities and Threats. *Procedia Computer Science*. 2022. Vol. 207. P. 3645–3651. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.09.424>.

А.В. Баранов

**ИММИГРАЦИОННАЯ
ПОЛИТИКА ИСПАНИИ
В ОТНОШЕНИИ
МУСУЛЬМАН:
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Аннотация

Актуальность исследования иммиграционной политики Испании в отношении мусульман объясняется тем, что Испания занимает второе место в Европейском союзе по масштабам иммиграции. Маршрут проникновения иностранцев и лиц без гражданства в ЕС через территорию Испании – один из основных, причём размеры нелегальной иммиграции значительно выросли с 2015 г. Весомую часть иммигрантов в Испании составляют бывшие жители стран Магриба и Ближнего Востока. Пример Испании показателен для многих стран Европы, быстро становящихся полиэтничными и поликонфессиональными. В статье поставлена цель определить воздействие иммиграционной политики Испании на внутреннюю политику страны в 2015–2024 гг.

Применён цивилизационный подход, структурно-функциональный и сравнительный методы, концепция фронта. Иммиграционная политика расценивается в аспекте конкуренции стратегий и идеологием политических партий Испании. Нормативную правовую базу статьи составляют законодательные акты Королевства Испания. Эмпирическую основу исследования составили предвыборные программы и заявления политических партий, статистические данные, материалы социологических опросов и масс-медиа. Результаты. Сделаны выводы о растущем влиянии законодательства и политической повестки Европейского союза на иммиграционную политику Испании, которая относится к поощряющему, либерально-инклюзивному типу. В Испании сформирована система институтов, реализующих задачи адаптации и интеграции иммигран-

A. Baranov

**SPAIN'S IMMIGRATION
POLICY TOWARDS
MUSLIMS:
DOMESTIC POLITICAL
ASPECTS**

Abstract

The relevance of the study of Spain's immigration policy towards muslims is explained by the fact that Spain ranks second in the European Union in terms of immigration. The route of entry of foreigners and stateless persons into the EU through the territory of Spain is one of the main ones, and the size of illegal immigration has increased radically since 2015. A significant part of immigrants in Spain is the former residents of Maghreb and Middle East's countries. The example of Spain is indicative for European countries, which are rapidly becoming multi-ethnic and multi-confessional. The article aims to determine the impact of the migration policy of Spain on the domestic and foreign policy of the country in 2015–2024.

The author applies a civilizational approach, structural-functional and comparative methods, the concept of the frontier. Immigration policy is interpreted in terms of the competition of strategies and ideologies of Spanish political parties. The normative legal basis of the article is the legislative acts of the Kingdom of Spain. The empirical basis of the study concludes election programs and statements of political parties, statistical data, materials of sociological surveys and mass media. Spain formed a system of institutions that implement the tasks of adaptation and integration of immigrants into the host society.

Conclusions are drawn about the growing influence of the legislation and the political agenda of the European Union on the immigration policy of Spain, which belongs to an encouraging, liberal and

тов в принимающее общество.

Данный курс принёс определённые позитивные эффекты интеграции мусульман – выходцев из стран Магриба и Ближнего Востока в испанское общество, но масштабы иммиграции и её конфликтогенные последствия особенно быстро стали расти с 2022 года, после завершения пандемии и вступления Испании в фазу экономического подъёма. Новым фактором политики страны стала дифференциация иммиграционных режимов в автономных сообществах. Перечисленные обстоятельства привели к повышению значения иммиграционных вопросов в предвыборной борьбе политических партий и при формировании коалиций, в дискурсе предвыборных заявлений. Правящий левоцентристский блок (Испанская социалистическая рабочая партия и движение «Сумар») поощряют иммиграцию, а правая оппозиция (Народная партия и партия «Вокс») выступают за её ограничение. Но противоречия между относительно умеренными и радикальными критиками иммиграции возросли, что вызвало распад коалиции Народной партии и «Вокс».

inclusive type. Spain actively uses the tools of cultural diplomacy in relation to the countries of the Islamic world, including the Arab countries of the Maghreb, using the concepts of the Mediterranean and the “Alliance of civilizations”.

This course has brought certain positive effects of the integration of Muslims from the Maghreb and the Middle East into the Spanish society but the scale of migration and its conflict-related consequences have been growing especially rapidly since 2022, after the end of the pandemic and Spain’s entry into the phase of economic recovery. A new factor in the country’s policy was the differentiation of migration regimes in the autonomous communities of Spain. These circumstances have led to an increase in the importance of migration issues in the electoral struggle of political parties and in the formation of coalitions, in the discourse of electoral statements. The ruling center-left bloc (the Spanish Socialist Workers’ Party and the “Sumar” Movement) encourages immigration, while the right-wing opposition (the People’s Party and the VOX Party) advocate its restriction. But the contradictions between relatively moderate and radical critics of immigration increased, which caused the collapse of the coalition of the People’s Party and Vox.

Ключевые слова:

иммиграционная политика, мусульмане, внутренняя политика, политические партии, Испания.

Key words:

immigration policy, Muslims, domestic politics, political parties, contemporary Spain.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-41-61>

Исследование современной иммиграционной политики Испании в отношении мусульман становится всё более актуальной темой. Испания находится на втором месте в Европейском союзе по масштабам иммиграции, в том числе – из стран Магриба и Ближнего Востока. Именно через территорию Испании пролегает один из основных маршрутов проникновения иностранцев и лиц без гражданства в ЕС. Масштабы иммиграции, в том числе нелегальной, значительно возросли с 2015 года. Весомую долю иммигрантов

в Испании составляют выходцы из стран, где преобладает мусульманское население. Испанский кейс характерен для многих стран Евросоюза, быстро становящихся полиэтничными и поликонфессиональными вследствие иммиграции. Представляют немалый интерес дискуссии между сторонниками и противниками либерализации иммиграционной политики – в ракурсе аргументации и формируемых дискурсов.

Цель исследования – определить воздействие иммиграционной политики Испании на внутреннюю политику страны в 2015–2024 гг. Хронологические рамки выбраны на основании датировки начала общеевропейского миграционного кризиса.

Степень научной разработанности проблемы нельзя признать достаточной. Численность и структура иммиграции, география её распространения освещается в работах Х. Себоля-Боадо и Г. Пиньоль-Хименеса [19, р. 125–146], Х. Фернандеса-Уэртаса Мораги [22, р. 1–28], Б.К. Хименес Бласко, Р. Ресино Гарсиа, М. Маньорал Пеньяс и др. [26, р. 393–418], Х.М. Парреньо-Кастельяно и его соавторов [28, р. 79–84]. Обобщающие статьи и доклады об иммиграционной политике Испании создали Р.М. Вердуго Матес [31, р. 127–150], Ф. Пасетти и К. де Монтсеррат¹, Х.М. Кальвильо Сиснерос и А. Калатрава Гарсиа [18, р. 49–69], А. Террон, М. Отеро Иглесиас и Х. Арналь². Особенности миграционной политики на уровне муниципалитетов изучают Д. Годенау, С. Ринкен, А.М. де Лизаррондо Артола и др. [24], Б. Гарсес-Маскареньяс и Д. Гебхардт [23, р. 1–15], А. Саньелья [29, р. 31–49]. Активность праворадикальной партии «Вокс», проявления мигрантофобии и исламофобии в её дискурсе анализируют М. Арройо Менендес [17, р. 693–717], З. Чеддади Эль-Хаддад [20, р. 57–77; 33], Ф. Хименес Агилар и А. Альварес-Бенавидес [25, р. 476–492].

Российская школа испанистики также активно исследует миграционную политику Испании. Среди обобщающих можно выделить работы А.Н. Кожановского [6], С.М. Хенкина [14, с. 115–141], И.Г. Синельщиковой [12]. Масштабы и состав иммиграции, её географические особенности раскрывают А.А. Потапова [10, с. 94–99], Д.В. Алексеев [1, с. 305–313], Е.А. Цапина [15, с. 52–57]. Возрастающее внимание уделяется воздействию

---

¹ Pasetti F., de Montserrat C.C. Las Políticas de integración en España según el Índice MIPEX. URL: <https://www.cidob.org/publicaciones/las-politicas-de-integracion-en-espana-segun-el-indice-mipex> (дата обращения 31.07.2024).

² Terrón A., Otero Iglesias M., Arnal J. La política migratoria de España y la Unión Europea – 4X10. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/podcasts/conversaciones-elcano-la-politica-migratoria-de-espana-y-la-union-europea-4x10/> (дата обращения 31.07.2024).

европейской миграционной стратегии на политику национальных правительств, в том числе – в сравнительно-страноведческом аспекте, чему посвящены статьи Н.А. Жерлицыной и Г.М. Сидоровой [5, с. 91–100; 11, с. 109–118]. Идеологические мотивы миграционной политики Испании, её методы и этапы развития проанализировали Г.Н. Понеделко [9, с. 61–77], Н.Ю. Кудеярова [7, с. 80–91], А.А. Владимиров [3, с. 141–154], Д.В. Алексеев [2, с. 46–56]. Начинается исследование специфики миграционной политики в автономных сообществах (такова работа М.С. Единової [4, с. 98–107]). Влияние миграционной повестки на стратегии и тактики политических партий, в том числе – «Вокс», освещают С.М. Хенкин [13, с. 69–78] и Н.Ю. Кудеярова [8, с. 53–62]. Малоизученный важный аспект темы – политическое представительство исламских сообществ и их радикализацию в Андалусии раскрывает В. Чернин¹.

Зарубежные и российские политологи уделяют значительное внимание анализу иммиграционной политики Испании. Но слабо изучены воздействия иммиграционной политики на повестку дня конкуренции партий, особенно иммиграционной политики на уровне автономных сообществ, роль иммиграционной проблематики в заявлениях политических партий.

Применён цивилизационный подход, дающий возможность сравнить ценности принимающего сообщества и инокультурных мигрантов, выяснить ценностные основы позиционирования иммиграционной политики страны. Испания является ярким примером контактного ареала между христианской и исламской цивилизациями, пространством диалога и конфликта между ними на протяжении свыше 1300 лет. Образ Аль-Андалуса – процветавшего поликонфессионального общества, имеющий весомые историко-культурные основания, активно используется в современной политической конкуренции, вызывая активные дискуссии. Продуктивна концепция фронта (Ф.Дж. Тёрнер), позволяющая изучать пограничное пространство взаимодействия цивилизаций и религий [30].

Мы применяем структурно-функциональный [16, р. 15–20] и сравнительный методы [27, р. 682–693], которые обеспечивают раскрытие строения иммиграционной политики Испании, установление сходств и различий её современного этапа с предыдущими, сопоставление особенностей иммиграционной политики в различных автономных сообществах и программах политических партий страны. Иммиграционная политика расценивается в

---

¹ Чернин В. Андалусийский регионализм и ислам // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25160> (дата обращения 31.07.2024).

аспекте конкуренции стратегий и идеологием политических партий. Данная политика трактуется нами в значении «politics», а не «policy», то есть в качестве процесса и результата взаимодействий органов государственной власти с негосударственными субъектами публичной политики: элитами, партиями, общественными организациями и объединениями, масс-медиа.

Нормативную правовую базу работы составляют законодательные акты Королевства Испания. Эмпирическую основу исследования составили предвыборные программы и заявления основных политических партий и их лидеров, статистические данные о возрастной структуре населения, количестве иммигрантов и степени их интеграции в испанское общество, материалы социологических опросов и масс-медиа различных политических ориентаций (газета «El País» близка социалистам, а газета «OK Diario» – правой партии «Вокс»).

Масштабы и политико-пространственные особенности иммиграции в Испании. Испания расположена на юго-западном маршруте международной иммиграции в Европу. Испанские города Сеута и Мелилья – анклавные территории Марокко, а также протяжённые морские границы в Средиземном море и Атлантическом океане являются «окном» для проникновения иммигрантов. По сведениям портала «Statista.com», количество иностранных граждан в Испании выросло за 2023 год с 6 077,6 до 6 491,5 тыс. чел. и составило 13,4% населения страны¹. Исследовательский центр «Funcas» применяет другую методику подсчётов, учитывая лиц, рождённых вне территории Испании. Удельный вес таковых в населении страны вырос с 5,7% до 18,1% за 2002–2024 гг. и превысил средневропейский уровень 13,3%; за 2013–2024 гг. количество иммигрантов выросло в 4,48 раза², хотя отмечался весомый спад их численности в годы экономического кризиса 2008–2013 гг. и пандемии 2020–2022 гг. [15, с. 53-56; 19, р. 125-146]. Значительная либерализация миграционной политики объясняется как участием Испании в Европейском Союзе, так и внутригосударственными явлениями: старением населения, потребностью экономики в дешёвой рабочей силе. Можно выделить три основных сегмента иммигрантов в зависимости от стран исхода: выходцы из стран «старого ядра» ЕС (в основном это зажиточные пожилые люди из Великобритании, Германии, стран Скандинавии и Бенилюкса), а также трудовые

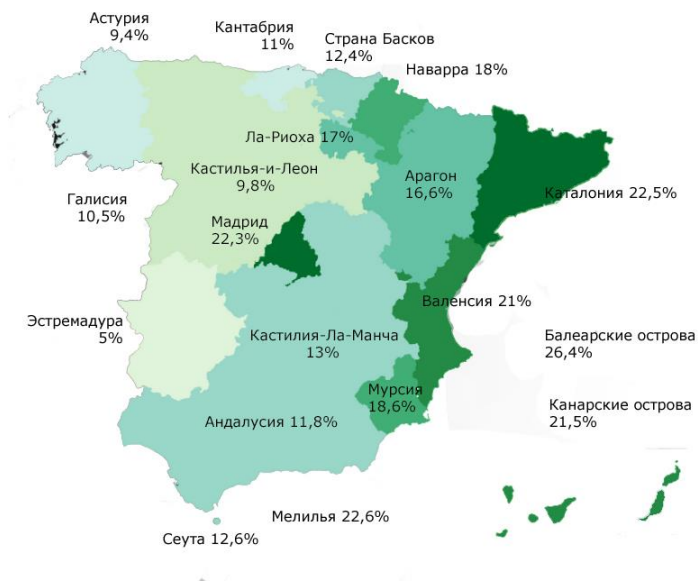
¹ Población extranjera y nacional de España en 2023 y 2024 // es.statista.com. URL: <https://es.statista.com/estadisticas/472404/poblacion-de-espana-por-nacionalidad/> (дата обращения 31.07.2024).

² Focus on Spanish Society. P. 4-7 // Social Studies Office of FUNCAS. URL: <https://www.funcas.es/wp-content/uploads/2024/03/Focus-2403-Final-II.pdf> (дата обращения 31.07.2024).

мигранты из стран Латинской Америки, Восточной Европы, Африки и Азии [10, с. 95-98]. Сосредоточим внимание на мусульманах из стран Магриба и Ближнего Востока, среди которых численно преобладают марокканцы.

Иммигранты неравномерно расселяются по территории Испании [6; 2, с. 48-54; 28, р. 79-84]. Их наибольший вес отмечен в 2024 г. в населении Баlearских островов (27%), Каталонии и Мадрида (по 24%), Мелильи (23%), Валенсианского сообщества и Канарских островов (по 22%). Наименьший процент рождённых за рубежом – в населении Эстремадуры (6%), Астурии (10%), Кастилии и Леона, Галисии (по 11%)¹. Территориальное распределение иммигрантов в 2023 году можно проследить на рисунке 1.

Рисунок 1. Территориальное распределение иммигрантов по автономным сообществам Испании в 2023 г. (в % от всего населения)²

Испания активно предоставляет гражданство лицам, рождённым вне Европейского Союза: в 2022 году гражданство получили 181,6 тыс. выходцев из таких стран, а в 2023 году – около 200 тыс.³. В том числе, 39% новых

¹ Focus on Spanish Society... P. 4-7.

² Informe sobre Población de origen Inmigrado en España, 2023 // Servicio Jesuita a migrantes. URL: <https://clck.ru/3DaVSF> (дата обращения 31.07.2024).

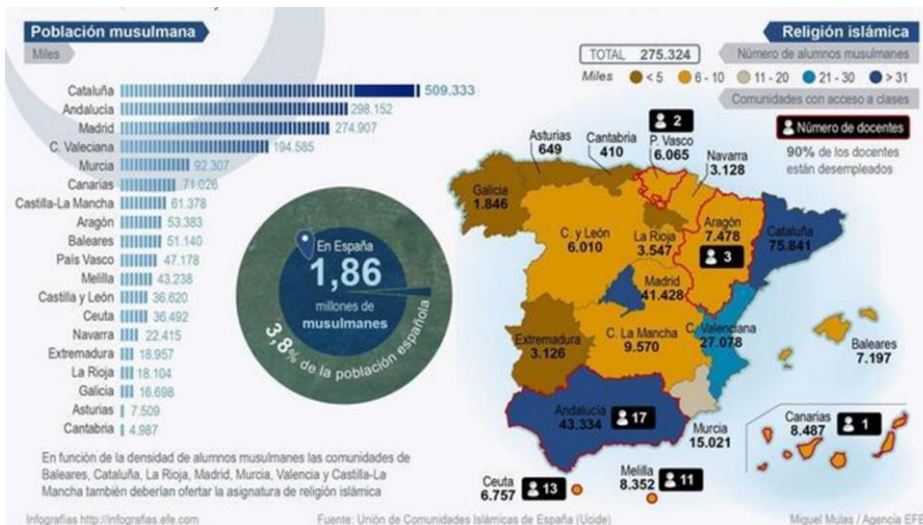
³ Cerca de 200.000 extranjeros han adquirido la nacionalidad española en el último año // Ministerio de inclusión, seguridad social y migraciones. URL: <https://clck.ru/3DaVQC> (дата обращения 31.07.2024).

граждан родились в Латинской Америке, а 32% – в странах Магриба (наибольшее число из них – в Марокко)¹. Таким образом, мусульмане составляют весомую долю среди иммигрантов.

В стране проживает к началу 2024 года более 2 412,3 тыс. мусульман (5% всего населения), учтённых органами миграционного контроля и Союзом исламских сообществ Испании. Таковы выводы «Демографического исследования мусульманского населения», проведённого Союзом исламских сообществ Испании. В том числе, 44% мусульман – граждане Испании, а 56% – граждане других государств, в основном – марокканцы (37%). Мусульман больше всего в юго-восточной части страны, по убывающей – в сообществах Андалусия, Каталония, Мадрид и Валенсия, Мурсия, Сеута и Мелилья. По стране происхождения преобладают марокканцы 879,9 тыс. чел.), пакистанцы (100,5 тыс. чел.) и алжирцы (64,0 тыс. чел.). Рождены в Испании 45,0% учтённых мусульман².

Территориальное размещение мусульман в Испании можно оценить и по более ранней картосхеме 2015 года (рис. 2).

Рисунок 2. Территориальное размещение мусульманского населения в Испании, 2015 г.³

¹ Focus on Spanish Society... P. 4-7, 31.

² Estudio demográfico de la población musulmana. Explotación estadística del censo de ciudadanos musulmanes en España referido a fecha 31/12/2023. Sevilla: Unión de comunidades islámicas de España, 2024. P. 5-18.

³ Murcia, la quinta comunidad con mayor número de musulmanes // La Verdad. URL: <https://clck.ru/3DaVLo> (дата обращения 31.07.2024).

Кроме легальной иммиграции, значительную роль играет нелегальная, которая активизируется в периоды ужесточения миграционной политики (годы правления Народной партии – консерваторов [9, р. 63-75; 19], а также пандемии). Масштабы нелегальной миграции, по подчётам информационного агентства EFE, за январь – февраль 2024 года превысили уровень сопоставимого периода 2023 года в 3,53 раза и достигли 14035 чел. (наибольшее число – в Андалусии, Каталонии и на Канарских островах)¹. За 2023 год в страну нелегально прибыли 56 800 иммигрантов, что привело к росту их численности на 82%². Испания стала с 2018 года лидером среди стран ЕС по приёму нелегальных мигрантов [3, с. 149]. Особо вырос с 2015 г. нелегальный въезд в Испанию по морским маршрутам, как установила Н.Ю. Кудеярова [7, с. 85]. Нелегальные иммигранты чаще легальных испытывают проблемы дискриминации на рынке труда и сексуального насилия, чаще вовлечены в противоправную деятельность (оборот наркотиков и оружия, проституцию, действия экстремистских группировок) [14, с. 118-138]. Эксперты Королевского института Элькано С. Альтуна и Л. Видино приводят факты участия исламских объединений в незаконном финансировании актов насилия, экстремистской пропаганде³.

По данным сайта www.epdata.es, 40% нелегальных мигрантов прибыли из Марокко⁴. В ряде муниципалитетов (Мадриде, Барселоне, Гранаде, Сеуте и Мелилье и др.) отмечена анклавизация: образуются кварталы и районы с преимущественно иммигрантским населением, где на фоне низкого качества жизни повышена преступность [23; 24; 26; 29, р. 31–49]. По расчётам журналистов газеты «El País», летом 2023 года 59% мигрантов из стран за пределами ЕС пребывали в бедности, а 16,7% были долгое время безработными. Половина иммигрантов из Марокко трудится нелегально, а 87% имеет низкую квалификацию и не может получать высокую заработную плату⁵.

---

¹ Las llegadas irregulares de inmigrantes suben un 353 % en los dos primeros meses del año // Agencia EFE. URL: <https://cck.ru/3DaVhG> (дата обращения 31.07.2024).

² Martín M. La inmigración irregular creció un 82% en 2023 // EL PAIS. URL: <https://cck.ru/3DaViG> (дата обращения 31.07.2024).

³ Altuna S., Vidino L. La Hermandad Musulmana en España: activismo comunitario, política y terrorismo. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/documento-de-trabajo/la-hermandad-musulmana-en-espana-activismo-comunitario-politica-y-terrorismo/> (дата обращения 31.07.2024).

⁴ Número total de inmigrantes irregulares que llegaron a España entre 2015 y 2023 // statista.com. URL: <https://es.statista.com/estadisticas/1039916/inmigrantes-irregulares-llegados-a-espana/#> (дата обращения 31.07.2024).

⁵ Barciela S., Lorenzo F.J., Martínez M.I. La paz social de España no durará sin esfuerzos por integrar a los migrantes // EL PAIS. URL: <https://elpais.com/planeta-futuro/3500-millones/2023-07-12/la-paz-social-de-espana-no-durara-sin-esfuerzos-por-integrar-a-los-migrantes.html> (дата обращения 31.07.2024).

Вследствие этого, по мнению полиции Барселоны, 80% уличных правонарушений совершаются подростками из стран Магриба¹. Новой острой проблемой стал статус несовершеннолетних иммигрантов без сопровождения родителей, в основном проникающих в Испанию через Сеуту и Мелилью (по законодательству они имеют право свободно перемещаться между Марокко и этими испанскими городами, но должны покидать анклав после полуночи) [29, р. 31-49]. На деле они используют Сеуту и Мелилью как трамплин для расселения по всей территории Испании.

Общественное мнение испанцев становится всё менее толерантным к миграционным проблемам, хотя либеральные приоритеты прав человека и равноправия разделяют большинство опрошенных. Так, по опросу 582 чел., организованному «Испанским обзором расизма и ксенофобии» (Observatorio Español de Racismo y Xenofobia) в 2020 году, предубеждения в отношении мусульман массово проявляются в испанском обществе: 87% мусульман испытывают дискриминацию при съёме жилья и 83% - при найме на работу. По мнению опрошенных, причинами такого отношения, прежде всего, являются выступления некоторых политиков (75% ответов), террористические акты джихадистов (73,7%), нарративы СМИ (70,8%). На порядок меньше респондентов полагают, что исламофобия вызвана несовместимостью ценностей культуры (43,8% ответов). Среди общественных институтов, стимулирующих исламофобию, чаще всего опрошенные называют полицию (70% ответов) и политические партии (65,7%)².

Напротив, опросы, проведённые Центром социологических исследований (Мадрид) в 2017 и 2020 гг. при пропорциональной выборке 2500 чел., показали рост числа воспринимающих миграционную политику как «слишком толерантную» с 30 до 35%. Такая оценка пользуется повышенным признанием среди испанцев среднего возраста, имеющих неполное среднее или среднее образование, самозанятых и жителей юга Испании. Возросла положительная корреляция между восприятием миграционной проблемы и идеологическими ориентирами опрошенных. В 2020 г. считали миграционные нормы «слишком толерантными» центристы (46%), умеренные правые (48%) и крайне правые (71%). Признание таких радикальных взглядов

---

¹ Planes J. Los menas magrebies cometen el 80% de los delitos en Barcelona según la Guardia Urbana // La Razon. URL: <https://www.larazon.es/cataluna/20220928/ifindlnalgrrrdek4bjqc5f2cm.html>

² Nueve de cada diez musulmanes sienten discriminación al acceder a un piso en España // Heraldo. URL: <https://www.heraldo.es/noticias/nacional/2020/11/24/nueve-de-cada-diez-musulmanes-sienten-discriminacion-al-acceder-a-un-piso-en-espana-1406876.html> (дата обращения 31.07.2024).

значительно ниже среди молодёжи, лиц с высшим образованием, сторонников левых партий и жителей севера Испании (где иммигрантов меньше, чем на юге и в крупных городах страны)¹.

Концептуальное оформление и изменения иммиграционной политики Испании в отношении арабских стран. Миграционное законодательство Испании до 2000 года было достаточно жёстким и не предусматривало широких возможностей легального получения гражданства либо вида на постоянное жительство [6; 12]. Ситуация начала изменяться после вступления страны в ЕС, в период бурного экономического подъёма, когда экономика стала остро нуждаться в дешёвой рабочей силе. В 2000 году, когда в Испании проживал уже 1 млн легальных иммигрантов, был принят Органический закон «О правах и свободах иностранцев в Испании и их социальной интеграции»², действующий поныне с изменениями. С 2001 года применяется Глобальная программа регулирования и координации миграции в Испании [1, с. 307-313; 5, с. 93-98]. Она решает задачи не только учёта и контроля иммигрантов, но и социальной интеграции легальных переселенцев, защиты их законных прав и свобод, пресечения дискриминации беженцев. Хотя Конституция Королевства Испания относит миграционную политику к исключительным полномочиям общегосударственных органов власти, но законодательство наделяет правами не только исполнения национальных актов, но и принятия собственных Стратегий миграционной политики органы власти автономных сообществ [4, с. 100-102]. В 2001 году создан Высший совет по иммиграционной политике, наделённый полномочиями координировать политику центральных и региональных органов власти. Но его деятельность не очень успешна [2, с. 48-53]. Это порождает эффект «лоскутности» миграционной политики в разных регионах в зависимости от их экономических возможностей и того, какие политические партии находятся у власти.

Институциональная система органов власти, реализующих данную политику, включает в себя Министерство инклюзии, общественной безопасности и миграции, а также Специальный комитет по миграции, курируемый Советом национальной безопасности Испании, Министерство внутренних дел и Национальную гвардию. Значительную роль в реализации политики имеет

---

¹ González Enríquez C., Rinken S. La opinión pública ante la inmigración y el efecto de VOX // Re-al Instituto Elcano. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/analisis/la-opinion-publica-ante-la-inmigracion-y-el-efecto-de-vox/> (дата обращения 31.07.2024).

² Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social // Boletín Oficial de Estado (BOE). Madrid, 2000. №10. P. 43.

сотрудничество органов власти с бизнес-объединениями, как и с религиозными и этнокультурными общественными организациями. Исламские общественные организации, в том числе – благотворительные, женские, правозащитные координируют свою активность в рамках Союза исламских сообществ Испании с 1992 года. Однако 378 (19%) исламских объединений страны не участвуют в этом сотрудничестве и, на наш взгляд, именно в этом сегменте могут проявляться повышенные риски экстремизма¹. В Испании созданы центры временного пребывания иммигрантов и центры помощи беженцам, заботящиеся об их здоровье и уровне доходов, образовании, воссоединении семей. Регулярно публикуются доклады о соблюдении прав иммигрантов и фактах исламофобии в обществе².

Правительства Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) обычно смягчают курс иммиграционной политики, а кабинеты консервативной Народной партии (НП) – ужесточают. Например, правительства НП во главе с Х.М. Аснаром, а затем – М. Рахоем вводили краткосрочные трудовые визы для иммигрантов, ужесточали правила въезда в страну, получения жилья и гражданства, повышали штрафы на работодателей, использующих труд иммигрантов. В 2005 году была создана «Интегрированная система внешнего контроля», которую в 2013 году дополнила программа Евросоюза «Evrosur» [11, с. 111-115; 31, с. 129-147]. В 2014 году принят королевский указ о статусе центров временного содержания иммигрантов³. Когда с 2015 г. резко возросло число переселенцев, нелегально проникающих на Канарские острова и в материковую Испанию морскими путями, правительство ввело усиленное патрулирование морских границ и создало дополнительные центры приёма и размещения нелегальных иммигрантов, что потребовало значительного финансирования (43 млн евро из бюджета ЕС) [1, с. 308]. Поправки 2015 года к «Закону об иностранцах» легализовали практику «горячих высылков», т.е., ускоренной депортации правонарушителей в административном порядке без права повторного въезда в Испанию [31, с. 132-134].

Напротив, правительство лидера социалистов Х.Л. Сапатеро (2004–2011 гг.) провело масштабную амнистию нелегальных мигрантов (500 тыс.

---

¹ Focus on Spanish Society. P. 14, 17 // Social Studies Office of FUNCAS. URL: <https://www.funcas.es/wp-content/uploads/2024/03/Focus-2403-Final-II.pdf>

² Aparicio Gómez R., Domenech Santos C. Informe sobre la intolerancia y la discriminación hacia los musulmanes en España. Madrid, 2020.

³ Real Decreto 162/2014, de 14 de marzo, por el que se aprueba el reglamento de funcionamiento y régimen interior de los centros de internamiento de extranjereros // Boletín Oficial de Estado. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txtphp?id=BOE-A-2014-2749.

чел.) и приняло Стратегический план по вопросам гражданства и интеграции на 2007–2010 гг., который впервые предусматривал меры социальной интеграции иммигрантов, повышенную защиту их прав на труд и образование [2, с. 49-53; 18, р. 53-64; 22, р. 4-21]. Документ исходил из концепции мультикультурализма, называемой в Испании «convivencia». Квоты на приём иммигрантов стали с 2003 года согласовываться с объединениями работодателей и профсоюзными центрами. Правительство ИСРП по главе с П. Санчесом в 2018 году облегчило легализацию иммигрантов при условиях, если они прожили в Испании не меньше 10 лет и не совершали правонарушений. В 2019 году был разрешён законный въезд в страну марокканских выпускников школ для получения высшего образования. В 2020 году легальные иммигранты, потерявшие работу, получили временное разрешение остаться в Испании с видом на жительство, если они заняты в сельском хозяйстве [18, р. 54-64]. Евросоюз также стимулирует более мягкое проведение миграционной политики Испании, т.к. с точки зрения Брюсселя необходимо распределение иммигрантов по всем странам ЕС.

После всеобщих парламентских выборов 2023 года, усиливших зависимость левоцентристского правительства от региональных партий, курс миграционной политики подвергся новым колебаниям. В январе 2024 года правительство П. Санчеса объявило об ужесточении порядка работы центров содержания нелегальных иммигрантов. Министерство внутренних дел выступило с инициативой создания специального зала для проверяемых иммигрантов в мадридском аэропорту Барахас, где скопилось 450 нелегалов, а оппозиционные консервативные партии подвергли этот проект критике за коррупцию и низкую эффективность¹. Правительство проявило нерешительность в феврале 2024 года, допустив очередное массовое нарушение иммигрантами границы в Сеуте и Мелилье. Затем, 10 марта 2024 года министр инклюзии, общественной безопасности и миграции Испании Э. Саис подписала от лица страны «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и законной миграции», который предполагает либерализацию проводимой политики. На данном основании в апреле 2024 года правительство объявило о проведении миграционной амнистии 500 тыс. нелегально находящихся в стране. Эту масштабную реформу поддержали правящие левоцентристские партии и их региональные парт-

---

¹ Moya A. El Gobierno sólo expulsa a uno de cada diez inmigrantes ilegales que colapsan Barajas // El periodico "OK Diario". URL: <https://okdiario.com/espana/gobierno-solo-expulsa-uno-cada-diez-inmigrantes-ilegales-que-colapsan-barajas-12295289> (дата обращения 31.07.2024).

нёры по коалиции, а осудили – Народная партия и «Вокс», правящие в 12 из 17 автономных сообществ и 2 автономных городов страны.

Миграционная политика различных автономных сообществ обладает значительной спецификой. Так, в исключительных обстоятельствах находятся города Сеуты и Мелильи, столкнувшиеся с 2015 года с массовым незаконным приездом жителей арабских стран. Органы власти возвели высокие стены для защиты от иммигрантов [29, р. 34-45]. Так, в мае 2021 года 8 тыс. марокканцев вторглись в Сеуту, что привело к их «горячей» высылке. Премьер-министр Марокко незадолго до этого заявил о том, что Сеута и Мелилья являются марокканскими городами, что вызвало межгосударственный конфликт с участием ЕС. Конфликт был относительно смягчён в марте 2022 года, когда Испания поддержала позицию Марокко в отношении спорной территории Западной Сахары¹. Такой поворот политики Испании вызвал осуждение участника правящей коалиции – левой партии «Унидас Подемос», поддерживающей независимость Западной Сахары.

Другим регионом значительной концентрации иммигрантов из арабских стран является Андалусия. Органы власти автономного сообщества создали Главное управление по координации миграционной политики, а также Межведомственную комиссию по политике в области миграции. Аналогичные институты созданы на уровне провинций и муниципалитетов. Действуют также совещательные форумы с участием органов власти, некоммерческих организаций, местного самоуправления, предпринимателей. Их усилия оцениваются достаточно высоко в национальных и международных рейтингах [4, р. 101-104; 24]. В то же время, политика позитивной памяти об истории Аль-Андалуса, проводимая в регионе, имеет свои риски: возрождение арабо-мусульманской идентичности части постоянного населения, радикализацию политических объединений мусульман². Часть из их сторонников высказывает недовольство тем, что льготный режим получения испанского гражданства имеют потомки высланных из страны в XVI веке евреев-сефардов, а не мусульман [26, р. 397-414].

В автономных сообществах, которые отстаивают свой повышенный статус и проводят политику наделения региональных языков (баскского, ка-

---

¹ Martin M. Que esta pasando en Ceuta: claves de la crisis migratoria entre España y Marruecos // El País. URL: <https://elpais.com/espana/2021-05-19/que-esta-pasando-en-ceuta-claves-de-la-crisisentre-espana-y-marruecos.html> (дата обращения 31.07.2024).

² Чернин В. Андалусийский регионализм и ислам // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25160> (дата обращения 31.07.2024).

таланского, галисийского) повышенным статусом, взаимодействие органов власти с исламскими объединениями усложняется, поскольку речь идёт о двойной интеграции: в общеиспанское и субнациональные сообщества [23, р. 3-13; 24]. Другие мотивы особой позиции проявляются в столице. Автономное Сообщество Мадрид, правительство которого возглавляет одна из лидеров Народной партии И. Диас Аюсо, резко возражает против перераспределения задержанных иммигрантов с Канарских островов в столицу (речь идёт о 1200 чел.)¹.

Международные и испанские экспертно-аналитические организации проводят мониторинг эффективности миграционной политики. Так, они применяют “Migrant Integration Policy Index” (MIPEX), который предусматривает оценку по 100-балльной шкале таких аспектов как: система прав, юридически гарантированных де-юре; специальные (целевые) нормы, направленные на содействие интеграции; мобильность на рынке труда; воссоединение семей; образование; участие в политической жизни; постоянное жильё; доступ к гражданству; борьбу с дискриминацией; здравоохранение. В целом политика Испании оценивалась на 60 баллов из 100, в том числе высоко оценена системность мер обеспечения равноправия в сферах образования и здравоохранения. Вместе с тем, миграционная политика страны, как и в целом – ЕС, слабо обеспечивает долгосрочную интеграцию иммигрантов и предоставление им гражданства².

Иммиграционная политика в восприятии испанских политических партий. Иммиграционная политика в отношении мусульман противоречиво оценивается политическими партиями Испании [8, с. 53-62]. Рост популярности праворадикальной партии «Вокс» активизировал дискуссии в испанском обществе о том, как оценивать историческое наследие Аль-Андалуса [6; 13, р. 71-76]. Активизация католических общественных организаций, «ренессанс» памяти о Реконкисте вызывают ответное неприятие исламских сообществ [20, р. 57-77; 21]. Кризис мультикультурализма в общеевропейском масштабе ставит вопросы о корректировке приоритетов иммиграционной политики Испании.

Вопросы иммиграции оказывают значительное влияние на конкуренцию политических партий Испании, становясь одним из важных маркеров

---

¹ Sela L. El Gobierno contrata seguridad urgente en los centros de inmigrantes por riesgo de “revueltas violentas” // El periódico “OK Diario”. URL: <https://okdiario.com/espana/gobierno-contrata-seguridad-urgente-centros-inmigrantes-riesgo-revueltas-violentas-12233922> (дата обращения 31.07.2024).

² Altuna S., Vidino L. La Hermandad Musulmana en España: activismo comunitario, politica y terrorismo. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/documento-de-trabajo/la-hermandad-musulmana-en-espana-activismo-comunitario-politica-y-terrorismo/> (дата обращения 31.07.2024).

позиционирования акторов политики. Мировой экономический кризис 2008–2013 гг. привёл к трансформации партийной системы Испании, чередование у власти умеренных левоцентристов – ИСРП и правоцентристов – Народной партии было всерьёз оспорено новыми популистскими партиями: левой коалицией «Унидас Подемос», центристами «Граждане» и праворадикальной партией «Вокс». Если левые и центристы поддерживают иммиграционную политику страны, то праворадикалы выступили за ужесточение иммиграционного контроля под предлогом сохранения государственного единства и католической идентичности страны. Характерно, что рост популярности «Вокс» начался на региональных выборах 2018 года в Андалусии синхронно с увеличением численности иммигрантов [17, р. 693-717]. Сначала Народная партия полностью отвергала сотрудничество с «Вокс», оценивая соперников в правом лагере как «нерукопожатных» и «неофранкистов», но после успеха «Вокс» на парламентских выборах 2019 года в ряде регионов были созданы коалиционные правительства НП и «Вокс».

Правящая с 2018 года левоцентристская коалиция ИСРП и партии «Унидас Подемос» (с лета 2023 года – движения «Сумар») проводит курс наращивания предоставления гражданства и миграционной амнистии [8, р. 55-60]. В предвыборной программе ИСРП (2023 г.) вопросы иммиграции расцениваются через призму глобализации и приоритета прав человека, внимание акцентируется на воссоединении семей, трудовых правах женщин, молодёжи и безработных¹. Вопросы национальной безопасности и защиты постоянного населения Испании от правонарушений со стороны иммигрантов находятся в программе ИСРП на втором плане. Кроме позиции ЕС и идеологических ориентиров правящих сил, такой курс мотивирован зависимостью Испании от поставок газа из Алжира (в меньшей мере – из других стран Северной Африки) [31, р. 130-147]. Так, в январе 2024 года Испания получала из Алжира 30,9% своего импорта газа, Алжир остаётся первым по масштабам поставщиком среди всех стран². Значение поставок возросло после присоединения Испании к антироссийским санкциям в 2022 году.

Иммиграционная проблема также стала поводом к острому конфликту между Народной партией и партией «Вокс» в июле 2024 года, который чре-

---

¹ Adelante→ Programa electoral elecciones generales 23 julio 2023 // Partido Socialista Obrero Español. URL: https://www.psoe.es/media-content/2023/07/PROGRAMA_ELECTORAL-GENERALES-2023.pdf (дата обращения 31.07.2024).

² Ojea L. Las importaciones de gas ruso a España siguen al alza en enero y se disparan un 36% // El Español. URL: https://www.elespanol.com/invertia/empresas/energia/20240209/importaciones-gas-ruso-espana-siguen-alza-enero-disparan/831417317_0.html (дата обращения 31.07.2024).

ват полным разрывом оппозиционной коалиции правых сил на общегосударственном и региональном уровнях.

В июне 2024 года две наиболее влиятельные партии страны – правящая ИСРП и оппозиционная Народная партия достигли договорённости о смягчении политики в отношении нелегальных несовершеннолетних иммигрантов, распределив их по автономным сообществам. Это решение воспринято руководством «Вокс» как беспринципность. Лидер «Вокс» С. Абаскаль предъявил 8 июля 2024 года Народной партии ультиматум, угрожая выходом «Вокс» из оппозиционной коалиции на всех уровнях и настаивая на свободном голосовании региональных правительств в отношении иммиграционной проблемы. По его словам, «Если какой-либо регион, [где правит. – А.Б.] НП, захочет сесть за стол переговоров с Санчесом, дайте нам знать, и мы покинем это правительство». Абаскаль зачитал список инцидентов и нападений, за которые задержаны нелегальные иммигранты. «Мы не собираемся быть соучастниками», – отметил он. По мнению лидера «Вокс», испанцы «устали от нападений и ударов мачете со стороны людей, которых ИСРП и НП намерены привезти в Испанию»¹. Генеральный секретарь «Вокс» И. Гаррига заявил в интервью «Радио Свобода», что центры содержания иммигрантов в Испании переполнены, в Каталонии иностранцы составляют половину заключённых; единственный выход – выслать всех нелегальных мигрантов в страны, откуда они приехали, а центры содержания иммигрантов закрыть². 11 июля 2024 года Национальный исполнительный комитет «Вокс» принял решение о разрыве правительственных коалиций в 4 автономных сообществах и отзыве полномочий региональных депутатов – представителей партии³.

Напротив, руководители Народной партии – А. Нуньес Фейхоо и И. Диас Аюсо заявляют, что статистика размещаемых в регионах нелегальных мигрантов-подростков значительно завышена «Вокс»⁴. Они обвиняют правительство левоцентристов в бездействии перед лицом иммиграции, а

---

¹ Barro P. Vox romperá los gobiernos con el PP que no se opongan al reparto de menas propuesto por Sánchez // El periódico "OK Diario". URL: <https://okdiario.com/espana/vox-rompera-gobiernos-pp-que-no-opongan-reparto-menas-propuesto-sanchez-13124472> (дата обращения 31.07.2024).

² Molina R. Garriga: "El PP reconoce fuera de los micros que no tienen capacidad para recibir más inmigración" // El periódico "OK Diario". URL: <https://okdiario.com/espana/garriga-pp-reconoce-fuera-micros-que-no-tienen-capacidad-recibir-mas-inmigracion-13148553> (дата обращения 31.07.2024).

³ González M. Abascal sobre los pactos regionales con el PP: "Vox pasará a la oposición" // EL PAIS. URL: <https://elpais.com/espana/2024-07-11/vox-rompe-los-pactos-con-el-pp-y-pasa-a-la-oposicion-en-las-cinco-autonomias-donde-cobernaba.html> (дата обращения 31.07.2024).

⁴ Sanz S. El PP acepta acoger 120 menas en las comunidades que gobierna con Vox, el 10% de los que ya cuidan // El periódico "OK Diario". URL: <https://okdiario.com/espana/pp-acepta-acoger-120-menas-comunidades-que-gobierna-vox-10-que-ya-cuidan-13137927> (дата обращения 31.07.2024).

партию «Вокс» – в безответственном популизме. По мнению руководства НП, позиция С. Абаскаля доказывает, что его партия «способна только на протест, на политическую активность, но не на управление сообществом»¹. Таким образом, позиции партий правого блока – НП и «Вокс» в отношении иммиграции малосовместимы, что ведёт к распаду их коалиции и усиливает позиции левоцентристского правительства.

Масштабы иммиграции в Испанию значительно возросли с началом европейского миграционного кризиса 2015 года, причём выходцы из мусульманских стран составляют около трети иммигрантов. Именно в этом сегменте переселенцев проявляются риски конфликтов и религиозного экстремизма на почве социального неблагополучия. В наибольшей мере иммиграция из арабских стран затрагивает Мадрид, Каталонию, Андалусию, Мурсию, Сеуту и Мелилью. Миграционная политика Испании относится к поощряющему, либерально-инклюзивному типу. Но направленность миграционной политики весомо зависит от чередования правых и левых партий у власти. После парламентских выборов 2023 года левоцентристское правительство начало либерализовать миграционный курс, что повышает конфликтogenность миграционной проблемы. Испания активно применяет инструменты культурной дипломатии в отношении стран исламского мира, в том числе – стран Магриба, используя концепты «Средиземноморье» и «Альянс цивилизаций». Данный курс принёс определённые позитивные эффекты интеграции мусульман в испанское общество, но масштабы миграции и её конфликтогенные последствия особенно быстро стали расти с 2022 года, после завершения пандемии и вступления Испании в фазу экономического подъёма. Новым фактором политики страны стала дифференциация миграционных режимов в автономных сообществах Испании. Перечисленные обстоятельства привели к повышению значения миграционных вопросов в предвыборной борьбе партий и при формировании коалиций. Правящий левоцентристский блок (Испанская социалистическая рабочая партия и движение «Сумар») поощряют иммиграцию, а правая оппозиция (Народная партия и партия «Вокс») выступают за её ограничение. Но противоречия между относительно умеренными и радикальными критиками иммиграции возросли, что вызвало распад коалиции Народной партии и «Вокс».

---

¹ Sanz S. El PP pasa al ataque tras la ruptura de Vox: "Abascal es igual de insolidario que los sepa-ratistas" // El periódico "OK Diario". URL: <https://okdiario.com/espana/pp-pasa-ataque-ruptura-vox-abascal-igual-insolidario-que-separatistas-13147427> (дата обращения 31.07.2024).

Литература

1. Алексеев Д.В. Интеграция иммигрантов в Испании: особенности, государственная политика, возможности использования в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. №3. С. 305–313.
2. Алексеев Д.В. Мусульманские и латиноамериканские сообщества иммигрантов в Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №5. С. 46–56.
3. Владимиров А.А. Постлиберальная идеология и её проявление в Испании на примере миграционной политики // Россия и современный мир. 2021. №2(111). С. 141–154.
4. Единова М.С. Политика интеграции мигрантов: опыт Андалусии (Испания) // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. №2А. С. 98–107.
5. Жерлицына Н.А. Интеграция мигрантов в Испании и Португалии: европейская стратегия и национальные модели // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. №2. С. 91–100.
6. Кожановский А.Н. Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: Этнокультурный аспект. II – Испания: Стремительное превращение из страны эмиграции в страну иммиграции. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2017. 32 с.
7. Кудеярова Н.Ю. Испания после миграционного бума: социально-экономическая и внешнеполитическая проекции // Современная Европа. 2019. №1. С. 80–91.
8. Кудеярова Н.Ю. Миграционный вопрос в электоральной кампании // Испания в новой национальной и миграционной ситуации / отв. ред. П.П. Яковлев, А.А. Куракина-Дамир. Москва: ИЛА РАН, 2020. С. 53–62.
9. Понеделко Г.Н. Иммиграционная политика Испании // Международная экономика. 2018. №6. С. 61–77.
10. Потапова А.А. Географические особенности современной внешней миграции населения в Испании // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. №4. С. 94–99.
11. Сидорова Г.М., Жерлицына Н.А. Динамика миграционных и интеграционных процессов в Южной Европе (Испания, Португалия, Италия, Сан-Марино, Мальта) // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №9. С. 109–118.
12. Синельщикова И.Г. Иммиграционная практика Испании: риски, масштабы, регламентации. Москва: ИЛА РАН, 2012. 146 с.
13. Хенкин С.М. «ВОКС»: испанский вариант праворадикальной партии в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №11. С. 69–78.
14. Хенкин С.М. Мусульманская община в Испании: Умеренные и радикалы // Актуальные проблемы Европы. 2016. №3. С. 115–141.
15. Цапина Е.А. Особенности современных миграционных потоков в Королевстве Испания // Русская политология. 2022. №1 (22). С. 52–57.
16. Almond G.A., Powell G.B. The Functional Aspects of Political Systems // Blondel J. (ed.) Comparative Government. London: Palgrave, 1969. P. 15–20. https://doi.org/10.1007/978-1-349-15318-3_3

17. Arroyo Menéndez M. Las causas del apoyo electoral a VOX en España // *Política y Sociedad*. Madrid, 2020. No 57(3). P. 693–717.
18. Calvillo Cisneros J.M.C., García A.C. Los dilemas de la política migratoria española 2016–2019: un análisis desde el enfoque de la seguridad nacional // *Revista de Pensamiento Estratégico y Seguridad CISDE*. Madrid, 2021. Vol. 6. Nº2. P. 49–69.
19. Cebolla-Boado H., Pinyol-Jiménez G. Inmigración en España (2017–2018) // *Informe de la democracia en España 2018*. Madrid: Fundación Alternativas, 2019. P. 125–146.
20. Cheddadi El Haddad Z. Discurso político de Vox sobre los Menores Extranjeros No Acompañados // *Inguruak*. Revista Vasca de sociología y ciencia política. Bilbao, 2020. No 69. P. 57–77. <https://doi.org/10.1387/inguruak-69-2020-art04>
21. Cheddadi El Haddad Z. Emergencia de la islamofobia en el discurso político de Vox // *Política y sociedad*. Madrid, 2024. Nº61(1). e83415. <https://doi.org/10.5209/poso.83415>
22. Fernández-Huertas Moraga J. Inmigración y políticas migratorias en España // *Estudios sobre la economía Española*. Madrid, 2021. No 10. P. 1–28.
23. Garcés-Mascreñas B., Gebhardt D. Barcelona: Municipalist policy entrepreneurship in a centralist refugee reception system // *Comparative migration studies*. 2020. Nº8(1). P. 1–15. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-0173-z>
24. Godenau D., Rinken S., De Lizarrondo Artola A.M., Márquez G.M. La integración de los inmigrantes en España: una propuesta de medición a escala regional. Madrid: Observatorio Permanente de la Inmigración, Ministerio de Empleo y Seguridad Social, 2014. 246 p.
25. Jiménez Aguilar F., Alvarez-Benavides A. The new Spanish far-right movement: Crisis, national priority and ultranationalist charity // *Nations and nationalism*. London, 2024. Vol. 30. Issue 3. P. 476–492. <https://doi.org/10.1111/nana.12992>
26. Jiménez Blasco B.C., Resino García R., Mayoral Peñas M., Sassano L.S. Inmigración y segregación residencial en la ciudad de Madrid // *Anales de geografía de la Universidad Complutense*. Madrid, 2020. Nº 40 (2). P. 393–418.
27. Lijphart A. Comparative politics and the comparative method // *American political science review*. Washington, 1971. Vol. 65. Issue 3. P. 682–693. <https://doi.org/10.2307/1955513>
28. Parreño-Castellano J.M., Moreno-Medina C., Domínguez-Mujica J., Santana Rivero C. Mapping foreign immigration in Spain. Trends and spatial patterns // *Journal of Maps*. 2021. Nº17(1). P. 79–84. <https://doi.org/10.1080/17445647.2020.1866700>
29. Sagnella A. En los pliegues del Mediterráneo: Ceuta y Melilla // *Revista Uruguaya Antropología y Etnografía*. Montevideo, 2020. Vol. 5. Nº2. P. 31–49.
30. Turner F.J. *The Frontier in American History*. Overland Park: Digireads.Com Publishing, 2010. 192 p.
31. Verdugo Matés R.M. La política española de inmigración y los intereses económicos de España en el extranjero // *Papeles de población*. Toluca, 2017. Vol. 23. No. 93. P. 127–150. <https://doi.org/10.22185/24487147.2017.93.024>

References

1. Alekseev D.V. Integratsiya immigrantov v Ispanii: osobennosti, gosudarstvennaya politika, vozmozhnosti ispol'zovaniya v Rossii. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya.* 2022. T. 22. №3. S. 305–313.
2. Alekseev D.V. Musul'manskie i latinoamerikanskije soobshchestva immigrantov v Ispanii. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 2023. T. 67. №5. S. 46–56.
3. Vladimirov A.A. Postliberal'naya ideologiya i ee proyavlenie v Ispanii na primere migratsionnoi politiki. *Rossiya i sovremennyy mir.* 2021. №2(111). S. 141–154.
4. Edinova M.S. Politika integratsii migrantov: opyt Andalusi (Ispaniya). *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy.* 2018. T. 7. №2A. S. 98–107.
5. Zherlitsyna N.A. Integratsiya migrantov v Ispanii i Portugalii: evropeiskaya strategiya i natsional'nye modeli. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya.* 2023. T. 17. №2. S. 91–100.
6. Kozhanovskii A.N. Migratsionnyi krizis v Evrosoyuze 2015–2016 gg.: Etnokul'turnyy aspekt. II – Ispaniya: Stremitel'noe prevrashchenie iz strany emigratsii v stranu immigratsii. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN, 2017. 32 s.
7. Kudayarova N.Yu. Ispaniya posle migratsionnogo buma: sotsial'no-ekonomicheskaya i vneshnepoliticheskaya proektsii. *Sovremennaya Evropa.* 2019. №1. S. 80–91.
8. Kudayarova N.Yu. Migratsionnyi vopros v elektoral'noi kampanii. Ispaniya v novoi natsional'noi i migratsionnoi situatsii / otv. red. P.P. Yakovlev, A.A. Kurakina-Damir. Moskva: ILA RAN, 2020. S. 53–62.
9. Ponedelko G.N. Immigratsionnaya politika Ispanii. *Mezhdunarodnaya ekonomika.* 2018. №6. S. 61–77.
10. Potapova A.A. Geograficheskie osobennosti sovremennoi vneshnei migratsii naseleeniya v Ispanii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya.* 2017. №4. S. 94–99.
11. Sidorova G.M., Zherlitsyna N.A. Dinamika migratsionnykh i integratsionnykh protsessov v Yuzhnoi Evrope (Ispaniya, Portugaliya, Italiya, San-Marino, Mal'ta). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 2023. T. 67. №9. S. 109–118.
12. Sinel'shchikova I.G. Immigratsionnaya praktika Ispanii: riski, masshtaby, reglamentatsii. Moskva: ILA RAN, 2012. 146 s.
13. Khenkin S.M. «VOKS»: ispanskii variant pravoradikal'noi partii v sovremennoi Evrope. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 2021. T. 65. №11. S. 69–78.
14. Khenkin S.M. Musul'manskaya obshchina v Ispanii: Umerennyye i radikalyy. *Aktual'nye problemy Evropy.* 2016. №3. S. 115–141.
15. Tsapina E.A. Osobennosti sovremennykh migratsionnykh potokov v Korolevstve Ispaniya. *Russkaya politologiya.* 2022. №1 (22). S. 52–57.
16. Almond G.A., Powell G.B. *The Functional Aspects of Political Systems.* Blondel J. (ed.) *Comparative Government.* London: Palgrave, 1969. P. 15–20. https://doi.org/10.1007/978-1-349-15318-3_3
17. Arroyo Menéndez M. Las causas del apoyo electoral a VOX en España. *Política y Sociedad.* Madrid, 2020. No 57(3). P. 693–717.
18. Calvillo Cisneros J.M.C., García A.C. Los dilemas de la política migratoria española 2016–2019: un análisis desde el enfoque de la seguridad nacional. *Revista de Pensamiento Estratégico y Seguridad CISDE.* Madrid, 2021. Vol. 6. №2. P. 49–69.
19. Cebolla-Boado H., Pinyol-Jiménez G. *Inmigración en España (2017–2018).* Informe de la democracia en España 2018. Madrid: Fundación Alternativas, 2019. P. 125–146.
20. Cheddadi El Haddad Z. Discurso político de Vox sobre los Menores Extranjeros No Acompañados. *Inguruak. Revista Vasca de sociología y ciencia política.* Bilbao, 2020. No 69. P. 57–77. <https://doi.org/10.1387/inguruak-69-2020-art04>
21. Cheddadi El Haddad Z. Emergencia de la islamofobia en el discurso político de Vox. *Política y sociedad.* Madrid, 2024. №61(1). e83415. <https://doi.org/10.5209/poso.83415>
22. Fernández-Huertas Moraga J. *Inmigración y políticas migratorias en España.* Estudios sobre la economía Española. Madrid, 2021. No 10. P. 1–28.

23. Garcés-Mascreñas B., Gebhardt D. Barcelona: Municipalist policy entrepreneurship in a centralist refugee reception system. *Comparative migration studies*. 2020. Nº8(1). R. 1–15. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-0173-z>
24. Godenau D., Rinken S., De Lizarrondo Artola A.M., Márquez G.M. La integración de los inmigrantes en España: una propuesta de medición a escala regional. Madrid: Observatorio Permanente de la Inmigración, Ministerio de Empleo y Seguridad Social, 2014. 246 p.
25. Jiménez Aguilar F., Alvarez-Benavides A. The new Spanish far-right movement: Crisis, national priority and ultranationalist charity. *Nations and nationalism*. London, 2024. Vol. 30. Issue 3. P. 476–492. <https://doi.org/10.1111/nana.12992>
26. Jiménez Blasco B.C., Resino García R., Mayoral Peñas M., Sassano L.S. Inmigración y segregación residencial en la ciudad de Madrid. *Anales de geografía de la Universidad Complutense*. Madrid, 2020. Nº 40 (2). R. 393–418.
27. Lijphart A. Comparative politics and the comparative method. *American political science review*. Washington, 1971. Vol. 65. Issue 3. P. 682–693. <https://doi.org/10.2307/1955513>
28. Parreño-Castellano J.M., Moreno-Medina S., Domínguez-Mujica J., Santana Rivero C. Mapping foreign immigration in Spain. Trends and spatial patterns. *Journal of Maps*. 2021. Nº17(1). R. 79–84. <https://doi.org/10.1080/17445647.2020.1866700>
29. Sagnella A. En los pliegues del Mediterráneo: Ceuta y Melilla. *Revista Uruguaya Antropología y Etnografía*. Montevideo, 2020. Vol. 5. Nº2. P. 31–49.
30. Turner F.J. *The Frontier in American History*. Overland Park: Digireads.Com Publishing, 2010. 192 p.
31. Verdugo Matés R.M. La política española de inmigración y los intereses económicos de España en el extranjero. *Papeles de población*. Toluca, 2017. Vol. 23. No. 93. P. 127–150. <https://doi.org/10.22185/24487147.2017.93.024>

А.Е. Надеждин

A. Nadezhdin

**МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В
ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ
(ОПЫТ АВСТРИИ)**

**MIGRATION PROCESSES
IN THE EUROPEAN UNION
(AUSTRIA'S CASE)**

Аннотация

Западная Европа продолжает сталкиваться с усилением миграционного давления, в первую очередь, вследствие интенсификации неупорядоченных трансграничных перемещений и прибытием беженцев из кризисных регионов по «традиционным» маршрутам следования – через Средиземное море и Балканский полуостров. Сохраняет актуальность, используемый в политологических исследованиях тезис о нарастании противоречий, связанных с поиском оптимальных моделей управления миграцией и учета интересов тех членов ЕС, которые не разделяют продвигаемые Брюсселем подходы и выступают за приоритет национально-ориентированной политики в данной сфере. Формирование дополнительной миграционной напряженности на восточных границах Евросоюза является одним из элементов реализуемой странами Запада антироссийской политики. В центре современных миграционных процессов находится благополучная Австрия, которая сталкивается с усилением внешней миграции и появлением дополнительных вызовов для социально-экономической и политической стабильности, связанных с неупорядоченными трансграничными перемещениями людей. Страна в условиях демографических и качественно-количественных трансформаций в обществе и накопленного миграционного опыта заинтересована в систематической верификации подходов в данной сфере. Ивент-анализ информации, представленной в немецкоязычных СМИ, позволяет глубже оценить степень воздействия миграционных процессов на социум в контексте вопросов безопасности. Дальнейшие попытки Вены реализовывать политику в сфере регулирования миграции с акцентом на защиту национальных инте-

Abstract

Western Europe continues to face increased migration pressure, primarily due to the intensification of irregular cross-border movements and the arrival of refugees from crisis regions along «traditional» routes - through the Mediterranean Sea and the Balkan Peninsula. The thesis used in political science research on the growing contradictions associated with the search for optimal migration management models and taking into account the interests of those EU members who do not share the approaches promoted by Brussels and advocate the priority of a nationally oriented policy in this area remains relevant. The formation of additional migration tensions on the eastern borders of the European Union is one of the elements of the anti-Russian policy implemented by Western countries. Prosperous Austria is at the center of modern migration processes, which is facing increased external migration and the emergence of additional challenges to socio-economic and political stability associated with irregular cross-border movements of people. In the context of demographic and qualitative-quantitative transformations in society and accumulated migration experience, the country is interested in systematic verification of approaches in this area. The event analysis of the information presented in the German-language media allows for a deeper assessment of the degree of impact of migration processes on society in the context of security issues. Vienna's further attempts to implement a policy in the field of migration regulation with an emphasis on the protection of national interests and security using «unpopular» tools (border patrol, forced deportation, demands for the integration of migrants,

ресов и безопасность с применением «непопулярных» инструментов (патрулирование границ, принудительная депортация, требования интеграции мигрантов, взаимодействие со странами исхода) будут сталкиваться с непониманием у руководства Евросоюза, провоцируя в среднесрочной перспективе углубление противоречий в интеграционном объединении. Отдельное внимание в публикации уделяется украинскому кризису. Несмотря на традиционно жесткую позицию в вопросах миграции, Австрия активно «работает» с беженцами из Украины, прием и интеграция которых сопряжены как со значительными финансово-правовыми издержками, так и политическими рисками для правящих элит.

Ключевые слова:

миграция, Австрия, украинский кризис, беженцы, внутренняя безопасность, противоправная деятельность, интеграция.

interaction with countries of origin) will face misunderstanding from the leadership of the European Union, provoking in the medium term a deepening of contradictions in the integration association.

The publication pays special attention to the Ukrainian crisis. Despite its traditionally tough stance on migration, Austria is actively «working» with refugees from Ukraine, whose admission and integration involve both significant financial and legal costs and political risks for the ruling elites.

Key words:

migration, Austria, Ukrainian crisis, refugees, internal security, illegal activities, integration.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-62-74>

Целью исследования является анализ актуальных миграционных тенденций в Европейском союзе с акцентом на Австрию, которая в силу комплекса факторов (исторический, социально-экономический, политический) обладает значительным опытом управления миграцией, включая формирование мультикультурного общества, пресечения нелегальных перемещений людей и интеграции находящихся в стране иностранцев.

Использовавшийся при подготовке статьи сравнительно-исторический метод позволяет сделать вывод о том, что страна в условиях демографических и качественно-количественных трансформаций в обществе и накопленного миграционного опыта заинтересована в систематической верификации подходов в данной сфере. Посредством причинно-следственного анализа определены особенности текущих миграционных процессов в Австрии. Ивент-анализ аутентичной информации, представленной в немецкоязычных СМИ, в особенности в контексте украинского кризиса, дает возможность глубже оценить степень воздействия миграционных процессов на социум в контексте вопросов нормативно-правовых регулирования и интеграции прибывших, а также обеспечения национальной безопасности.

Источниковую базу составляют статистические данные госучреждений Европейского союза и Австрии, профильные исследования и доклады, которые позволили выявить закономерности, тенденции и специфику актуаль-

ных миграционных процессов. При подготовке статьи автор опирался на исследования видных российских специалистов, занимающихся изучением современной международной миграции. Особый интерес представляют работы В.А. Волоха, Ж.А. Зайончковской, В.Ю. Леденевой, В.И. Мукомеля, О.Ю. Потемкиной, С.В. Рязанцева, В.А. Суворовой. Австрийский опыт в сфере миграции в настоящий момент не является отдельным направлением отечественной германистики, а скорее выступает одним из элементов комплекса общеевропейских исследований в данной сфере. Среди ученых, специализирующихся непосредственно на изучении политических процессов Австрии, следует отметить В.И. Васильева, А.М. Филитова, В.Я. Швейцера.

По данным Агентства Евросоюза по вопросам убежища, за 10 месяцев 2023 года было подано более 800 тыс. ходатайств на получение статуса беженца, что является максимальным с 2016 года показателем. В сравнении с аналогичным периодом 2022 года основной прирост зафиксирован в Латвии (+168%) и Эстонии (+119%), что объясняется разрастанием объемов неупорядоченной миграции из Беларуси. Третью позицию занимает ФРГ (+74%). Максимальный спад наблюдается в Дании (-56%), на Мальте (-54%), Кипре (-52%) и Австрии (-51%).

Что касается мер поддержки стран ЕС, образующих внешний периметр, сталкивающихся с основным миграционным потоком, то на заседании Евросовета в феврале 2023 года была обозначена готовность оптимизировать модели защиты от проникновения нелегальных мигрантов, включая усовершенствование технического оснащения сухопутных и морских границ, расширение взаимодействия со странами исхода для возвращения мигрантов, соблюдения основных прав человека. Европейские политики традиционно используют тезис, который интерпретирует миграцию как общеевропейский вызов, который требует совместного решения. Основными инструментами являются противодействие институту «вторичной миграции», использование механизмов возвращения в страны исхода тех, кому отказано в предоставлении убежища [2]. В условиях текущего усилия давления на страны Евросоюза прорабатывается возможность делегировать государствам первого въезда, таким как Италия или Испания, право осуществлять регистрацию прибывающих и проводить идентификацию личности.

Несмотря на предварительное согласование параметров реформирования миграционного законодательства в ходе совещания министров внутренних дел стран-членов ЕС, на июньском саммите глав государств и правительств Евросоюза не удалось достичь консенсуса. Болгария, Литва, Мальта и Словакия воздержались от голосования, Венгрия и Польша выступили против новых правил, предусматривающих введение системы квотирования бе-

женцев и штрафы за отказ от участия в процессе. В оценках Варшавы и Будапешта, подобное соглашение нарушает национальный суверенитет и провоцирует усиление нелегальной миграции. На встрече министров внутренних дел в сентябре несколько удалось продвинуться в поиске решения миграционной проблемы, что позволят в случае значительного притока потенциальных беженцев в одну из стран ЕС вводить особые меры по продлению пребывания срока их задержания на внешних границах, ускоренной обработке соответствующих ходатайств. Таким образом, заложена основа для постепенного принятия Пакта ЕС о миграции и убежище [3].

В целом, на восточных границах ЕС формируются контуры нового очага миграционной напряженности. Так, в Прибалтике в рамках внешнеполитического курса обвиняют Россию и Беларусь в использовании незаконных мигрантов для дестабилизации восточного фланга НАТО, призывая ЕС выделить дополнительные средства на совершенствование пограничной инфраструктуры. В августе Литва прекратила работу двух из шести пограничных переходов с Беларусью с мотивировкой борьбы с контрабандой и растущими вызовами для безопасности, спекулируя относительно возможности дальнейшего полного закрытия границы. По аналогичной схеме действовала и Латвия, закрыв в середине сентября один из двух автомобильных переходов на фоне «увеличения потока нелегальных мигрантов». В антироссийской риторике от стран Балтии не отстают и поляки. По словам премьер-министра Польши М. Моравецкого, с начала 2023 года (по состоянию на конец августа) было зафиксировано 16 тыс. попыток незаконного пересечения белорусско-польской границы. В сентябре Польша оказалась в центре скандала, связанного с организацией схемы неправомерной выдачи въездных документов в целях импорта трудовых мигрантов из других государств в ЕС. Польские дипломатические учреждения в странах Азии и Африки занимались, по сути, «продажей» шенгенских виз всем желающим, пользуясь поддержкой высокопоставленных чиновников МИД страны. По подобной схеме было выдано порядка 350 тыс. документов¹.

Другое направление – обострение ситуации на российско-финской границе. Росту напряженности на миграционном треке способствовало принятое в декабре 2023 года Хельсинки решение закрыть пограничные переходы под предлогом пресечения нелегальных миграционных потоков,двигающихся из стран Ближнего Востока и Африки транзитом через нашу страну в Европу для получения убежища. России вновь инкриминируется орга-

---

¹ Федорцев В.А. Польские консулы продавали шенгены всем желающим, а цены доходили до 5 тысяч евро за визу // Российская газета. 20.09.2023. №211(9156). С. 5.

низация трансграничной миграции из третьих стран для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Евросоюзе. Данное решение вызвало неоднозначные оценки, как у граждан России, так и Финляндии, у которых есть родственники на территории нашей страны.

С усилением миграционного давления сталкивается и Австрия, что объясняется комплексом факторов, в первую очередь, высоким качеством жизни, безопасностью, развитым рынком труда, системой социальных гарантий, широкими возможностями для получения медицинского обслуживания или образования. На сегодняшний день численность населения страны увеличивается преимущественно за счет миграционных процессов и составляет 9,1 млн чел. С 2015 года в абсолютных показателях максимальный прирост зафиксирован среди выходцев из Румынии (+74 тыс.), Украины (71 тыс.), Сирии (70 тыс. 900), ФРГ (54 тыс. 500). Фиксируется рост количества выходцев из семей с миграционным фоном (2015 год – 1,81 млн или 21,4% населения; 2021 год – 2,24 млн или 25,4%).

Австрийский опыт подтверждает высказываемый известным российским специалистом В.Ю. Леденевой тезис о влиянии миграции на региональное распределение населения, так как большинство прибывающих иностранцев стремятся закрепиться в городской местности [4, с. 254]. Что касается непосредственно распределения иностранного населения по территории страны, то самым многонациональным городом является австрийская столица. По данным городской администрации Вены, в 2022 году 51% ее жителей либо не имели местного гражданства, либо родились за пределами страны или оба их родителя родились за рубежом. Другой тренд – две трети всех прибывающих мигрантов остаются жить в столичном регионе по причине, развитой транспортной и социальной инфраструктуры, наличия рабочих мест, комфортной среды для проживания, возможностей проведения досуга и получения образования. В среднем концентрация иностранцев по районам города составляет 30%. Вместе с тем выходцы из наиболее богатых стран Евросоюза и Швейцарии предпочитают селиться в элитном малоэтажном жилье исторического центра, косвенно способствуя фрагментации общества в столице по финансовому принципу. Что касается других регионов, то высокая концентрация мигрантов также наблюдается в Верхней и Нижней Австрии, Штирии [16, с. 32].

В целом, история становления австрийской государственности неразрывно связана с миграционными процессами. В этом отношении своего расцвета страна достигла во времена Австро-Венгрии, когда численность населения составляла 52,7 млн чел. (1910 г.) и национальный состав страны был максимально разнообразен (количество представителей славянских народов

– 46,5%; немцев – 23%, венгров – 19,5%, румын – 6%, итальянцев – 1,5%, представителей других этносов – 3,5%). Многообразие наблюдалось и в вопросе вероисповедания. Численность католиков – 76,6%, протестантов – 8,9%, православных – 8,7%, иудеев – 4,4%, мусульман – 1,3%. Значительные изменения в этнической структуре австрийского общества связаны с периодом после Второй мировой войны, когда для восстановления экономики и промышленности Вена широко задействовала механизм привлечения иностранной рабочей силы посредством заключения соответствующих трудовых соглашений с Испанией (1962 г.), Турцией (1964 г.), Югославией (1965 г.) [14]. В 1990-е гг. страна столкнулась с наплывом беженцев из кризисных регионов, в первую очередь, из стран бывшей Югославии. Вступление Австрии в ЕС привело к усилению миграции из сопредельных государств Восточной и Южной Европы. Обострение ситуации и региональные конфликты («Арабская весна», войны в Ливии и Сирии) в странах Центральной Азии и Ближнего Востока способствовали притоку новых беженцев.

Как и другие страны Евросоюза, в 2015 году Австрия столкнулась с небывалым в истории миграционным кризисом, который в СМИ называли «великим переселением народов» [8]. Поданы рекордные 88 340 обращений за статусом беженца (2014 год – 28 тыс. аналогичных ходатайств, 2013 год – 17 500). Большинство просителей убежища прибыли из Сирии, Афганистана и Ирака (в потоке было порядка 10% несовершеннолетних без сопровождения взрослых). Кризисные события наряду с ростом поддержки популистских сил населения (электоральные успехи партии «Австрийской партии свободы» на региональных выборах 2015-2016 гг.) способствовали обострению дискуссии о необходимости пересмотра миграционной политики, в особенности в плане приема беженцев, как на общеевропейском, так и национальном уровне. Реализация Веной курса на «сопряжение прав и обязанностей мигрантов» [12], который включает такие аспекты как предоставление убежища и обеспечение безопасности, усовершенствование интеграционных механизмов, интенсификация взаимодействия с представителями диаспор, а также периодическое введение в одностороннем порядке пограничного контроля для пресечения нелегальных перемещений людей, в целом способствовала улучшению ситуации. На практике наблюдалось постепенное сокращение количества поданных ходатайств на получение статуса беженца (2016 год – 42 285 обращений, 2018 год – 13 746, 2020 год – 14 775) и общее снижение остроты «миграционного вопроса» в обществе. Как справедливо отмечает видный российский исследователь В.Я. Швейцер, данным изменениям способствовала скептическая позиция австрийского политического руководства относительно продвигаемой ФРГ и непосредственно канцлером

А. Меркель концепции «открытых дверей» для мигрантов [9, с. 55]. При этом, несмотря на отсутствие в сравнении с другими европейскими странами крупных резонансных преступлений (теракты в Брюсселе, Париже, Лондоне, Берлине, Ницце, Барселоне), Австрия столкнулась с постепенным увеличением количества противоправных действий, которые совершаются иностранными гражданами. В разгар кризиса 2015 года количество иностранцев, задержанных органами правосудия по подозрению в совершении правонарушений, составило 92 804 чел. (37% от всех задержанных). В 2016 году было арестовано 105 551 чел. В 2017 году – 105 812 иностранцев, 2018 году – 115 258, 2019 году – 122 067 чел. В 2020-2021 гг. в Австрии наблюдалось сокращение количества противоправных действий на фоне антиковидных ограничений, действовавших в стране. Согласно статистическим данным, в период 2015-2019 гг. основные правонарушения совершались выходцами из Румынии, Германии, Сербии, Турции, Афганистана, Боснии и Герцеговины, Венгрии (количество противоправных действий, совершаемых иностранцами, от общего количества составляет 35-40%). Граждане России также входили в десятку наиболее активных в криминальном плане иностранцев.

Наряду с криминальной активностью другим вызовом является прибытие в страну малообразованных и зачастую неграмотных людей иной культурной идентичности, что ставит под сомнение возможность их интеграции в общество и выхода на местный рынок труда [11]. Специалисты проводят аналогии с кризисными событиями семилетней давности, когда только 28% беженцев смогли найти работу. Несмотря на подобную тенденцию, в правящих кругах Австрии заинтересованы в привлечении иностранцев, которые подали ходатайство на получение статуса беженца, к трудовой деятельности. Правящая коалиция в составе «Австрийской народной партии» и «Зеленых» с учетом позиции представителей региональных администраций прорабатывает законопроект, который позволил бы задействовать данную категорию иностранцев в общественно полезных работах. В случае отказа от участия в них предполагается сокращение объемов поддержки по линии госпрограммы базовой помощи беженцам (нем. «Grundversorgung»). Наряду с решением вопроса занятости данная мера направлена на интеграцию в принимающий социум и изучение немецкого языка.

В 2022-2023 гг. Австрия, вновь сталкиваясь с миграционным давлением со стороны Балканского маршрута, стремится пресечь неупорядоченные перемещения людей за счет усиленного патрулирования государственной границы и проверки прибывающих. По статистике, с января по ноябрь 2023 года было подано 53 640 обращений на получение статуса беженца.

Основными странами происхождения являются Афганистан, Сирия и Тунис. Беженцам на безвозмездной основе предоставляется проживание, медицинская страховка, трехразовое питание, средства личной гигиены, а также ежемесячно 40 евро на карманные расходы (им выделяется дополнительно 150 евро на приобретение одежды и обуви).

Министр иностранных дел Австрии А. Шалленберг на одной из встреч с представителями МИД Германии в конце 2023 года назвал нелегальную миграцию «серьезной проблемой, которая сохранит свою актуальность длительный период времени и в итоге может привести к свержению правительства»¹. На общеевропейском уровне страна выступает на стороне тех членов Евросоюза, которые придерживаются национально ориентированной миграционной политики, скептически относятся к продвигаемому Брюсселем курсу на равное распределение бремени и коллективную ответственность, обязательное квотирование прибывающих в поисках убежища беженцев. В вопросе противодействия нелегальной миграции наряду с непосредственно модернизацией пограничной инфраструктуры Вена солидарна с позицией государств, образующих внешний пограничный контур Евросоюза, касательно использования европейских ассигнований для увеличения количества сотрудников и технических средств патрулирования на границах с третьими странами. На национальном уровне Вена придерживается позиции, которая подразумевает реализацию миграционной политики с учетом интересов принимающего общества. Отказ от подобного подхода может привести к событиям, которые допускает признанный российский специалист в сфере изучения миграционных процессов В.А. Волох. Так предоставление дополнительных прав и привилегий «новым» гражданам в ущерб интересам титульного большинства ведет к усилению протестных настроений среди коренного населения [1]. Собственные интересы в вопросе противодействия нелегальной миграции Австрия отстаивает в рамках контактов как с партнерами по ЕС, так и соседними странами, которые также сталкиваются с угрозами внутренней безопасности на фоне неупорядоченных трансграничных перемещений людей. В частности, высокой интенсивностью характеризуется взаимодействие с ФРГ и Швейцарией (по вопросам кооперации органов охраны правопорядка и государственной границы, пресечения деятельности международных ОПГ, специализирующихся на трафике людей). В сфере взаимодействия с третьими странами интерес представляет сотрудничество с Великобританией. Осенью 2023 года на встрече руководства МВД Австрии и Ту-

---

¹ В Австрии мигрантов назвали угрозой для европейских правительств. URL: <https://clck.ru/3DaXBw> (дата обращения 25.10.2023).

манного Альбиона подписано соглашение по противодействию трансграничной преступности, терроризму, информационному обмену, пресечению вторичной миграции и прохождению процедуры подачи ходатайства на получение статуса беженца на территории третьих стран¹. Как справедливо отмечает российский эксперт в вопросах миграции С.В. Рязанцев, подход, который опирается не только на повышение эффективности защиты границ, но и на расширение кооперации со странами потенциального исхода мигрантов, является одним из элементов политики Европейского союза в данной сфере [7, с. 51-53].

Обострение ситуации с беженцами связано не только с активизацией классических маршрутов следования мигрантов в Европу, но и массовыми наплывом беженцев из Украины. Вена, де-факто отказавшись от своего нейтрального статуса, который традиционно являлся одним из базовых принципов ее политического курса, солидаризировалась с общеевропейским курсом по оказанию санкционного давления на Россию [15, с. 43-44]. По оценкам Немецкого института мировой экономики, с весны 2022 по начало 2023 гг. из австрийского бюджета выделено 124 млн евро на помощь Украине. Осуществляются систематические поставки специального снаряжения для так называемых «не боевых целей» (в частности, походные раскладные кровати, средства индивидуальной защиты) и гуманитарной помощи. В стране с марта 2022 по сентябрь 2023 гг. зарегистрировано 78 055 чел., которые подали ходатайства на получение статуса беженца (52 943 из них – реципиенты государственной программы базовой помощи для беженцев). В сложившейся ситуации украинцы образуют девятое по численности национальное меньшинство в стране. 40% из них проживают в Вене и в столичном регионе. Им предоставляются значительные в сравнении с беженцами из других стран преференции, включая временную защиту (продлена до 3 марта 2025 года), медстраховку, разрешение на пребывание до одного года с возможностью продления, беспрепятственный доступ на рынок труда. На официальном уровне прием украинцев позиционируется в качестве «интеграции в местный рынок труда, а не создание дополнительной нагрузки для социальной системы»². Вместе с тем качественно-количественная специфика миграционного потока на практике провоцирует различные трудности. Одной из основных проблем является получение среднего образования прибывшими детьми. Наряду с сирийцами и турками у украинских детей самый

---

¹ Österreich und Großbritannien gemeinsam gegen illegale Migration und Terrorismus. URL: <https://clck.ru/3Dah3u> (дата обращения 22.11.2023).

² Flüchtlinge und Integration Begriffe einfach erklärt URL: <https://clck.ru/3Dah4H> (дата обращения 18.11.2023).

низкий уровень владения немецким языком, что затрудняет их коммуникацию и соответственно лимитирует интеграционный потенциал. Другими проблемами являются дефицит преподавателей, владеющих украинским языком, отсутствие методических материалов, а также потребность некоторых детей в получении психологической помощи¹. Что касается непосредственно трудовой деятельности, то согласно данным федерального агентства по труду, 8 700 из прибывших уже трудоустроены и 7 300 находятся в поиске работы. В условиях сохраняющегося в стране дефицита кадров в Австрии рассматривают на возможность использования украинцев для его частичной ликвидации, в том числе в сегменте интеллектуального труда, так как порядка 80% прибывших заявили о наличии высшего образования. Вместе с тем, на практике большинство из них занимается только низко квалифицированным трудом по причине недостаточного уровня владения немецким языком (клининг, гастрономия, туризм, сфера услуг), отсутствия возможности пройти профессиональную переподготовку или получить новую специальность. Многие работодатели готовы принимать на работу только иностранцев, имеющих разрешение на длительное пребывание. Работать в сфере высокоинтеллектуального труда ввиду необходимости юридического подтверждения имеющихся навыков также затруднительно [13, с. 22]. Для женщин, которые прибыли в сопровождении несовершеннолетних, актуальный вопрос занятости и воспитания детей. По данным проведенного Венским экономическим университетом исследования, 54% дошкольных учреждений в городах предоставляют возможность дневного пребывания детей, что дает возможность взрослым выйти на работу (в сельской местности подобных заведений не более 25%) [10].

В австрийском обществе не остается без внимания вопрос пребывания в стране украинских мужчин, которые подали ходатайство на получение статуса беженца. Так, в СМИ широко обсуждались попытки киевского режима вернуть на родину всех мужчин в возрасте от 18 до 60 лет для прохождения воинской службы. На данную инициативу в Вене отреагировали отказом, объяснив решение отсутствием информации о критериях призыва в армию и возможных рисках нарушения прав данной категории граждан в стране исхода. В настоящий момент в стране находятся порядка 14 тыс. мужчин, которых могли отправить на Украину².

---

¹ Asylbericht 2023. Jahresbericht über die Asylsituation in der Europäischen Union. Zusammenfassung // Brüssel, 2023. 31 s.

² Österreich liefert Wehrpflichtige nicht an Ukraine aus. URL: <https://clck.ru/3Dah4U> (дата обращения 05.11.2023).

Таким образом, миграционные процессы наряду с финансовыми трудностями, обратным эффектом введенных в отношении нашей страны санкций на фоне украинского кризиса, сохраняющимися последствиями COVID-19 являются серьезным фактором, который оказывает дестабилизирующее воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию в Европе. Обострение международной обстановки, разрастание региональных конфликтов, усиление социального неравенства, дисбаланс в экономическом развитии продолжают стимулировать трансграничную миграцию в страны ЕС. В данной ситуации на передний план выходят противоречия относительно принципов выстраивания единой системы приема беженцев и учета национальных интересов тех государств, которые не готовы полностью двигаться в фарватере Брюсселя в данном вопросе. По аналогии с кризисными событиями 2015 года, о которых говорит известный специалист в сфере миграции О.Ю. Потемкина, в группе риска находятся государства внешнего периметра Евросоюза, которые вновь вынуждены самостоятельно искать варианты решения проблем, связанных с усилением миграции [5].

Благополучная в социально-экономическом отношении Австрия находится в центре современной миграции. Страна обладает определенным опытом управления миграционными процессами в силу исторически обусловленных факторов и поэтапных социально-демографических трансформаций. Важным является становление государственности в период Австро-Венгерской империи, который сформировал контуры мультикультурного общества с этническим и религиозным многообразием. Отказ от первоначального плана приглашать по принципу обязательной ротации трудовых мигрантов из третьих стран для восстановления народного хозяйства после Второй мировой войны привел к тому, что в стране начали формироваться диаспоры из представителей первого и второго поколения мигрантов, которых необходимо было интегрировать в социум. В условиях повышения конфликтности международных отношений и появления в стране иностранцев австрийцам потребовалось сфокусироваться на сопряжении механизмов предоставления убежища со спецификой миграционных потоков и нормативно-правовыми критериями пребывания в стране [1].

В настоящий момент Австрия, несмотря на членство в Евросоюзе, стремится проводить политический курс, учитывающий не только позицию наднациональных институтов, но и собственные интересы для минимизации рисков, связанных с неконтролируемыми перемещениями людей. В этой связи активно используются различные варианты взаимодействия как в рамках двусторонних контактов с партнерами по ЕС, так и третьими странами – потенциальными миграционными донорами [6]. Вопросы обеспечения безопас-

ности для Австрии традиционно связаны с эффективным регулированием миграции, усовершенствованием законодательной базы для выработки основополагающих параметров легального пребывания, осуществления трудовой деятельности и интеграции в общество. Новым вызовом для общества и органов власти стало массовое прибытие украинских граждан, которое оказывает воздействие на все сферы функционирования государства (финансовый сектор, образование и социальная сфера, труд и занятость).

Литература

1. Васильев В.И. Внешняя политика Австрии и украинский кризис // *Обозреватель–Observer*. 2015. №2(301). С. 25-42.
2. Волох В.А. Вынужденная миграция в Европе: состояние, проблемы, пути оптимизации управления и миграционного законодательства в России // *Власть*. 2016. №1. С. 158-163.
3. Зверева Т.В., Карпович О.Г. Общая миграционная политика ЕС: новый старт? // *Международная жизнь*. 2021. №7. С. 94-103.
4. Леденева В.Ю., Рахмонов А.Х. Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов // *Вестник МГИМО-Университета*. 2023. №16(6). С. 250-269.
5. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза / под ред. Ал.А. Громько (отв. ред.), В.П. Федорова // *Европа XXI века. Новые вызовы и риски*. Москва, 2017. С. 286-304.
6. Рыхтик М.И. Особенности зарубежного опыта урегулирования проблем, связанных с интенсификацией миграционных потоков // *Миграционное право*. 2010. №3.
7. Рязанцев С.В., Очирова Г.Н. Методы борьбы с незаконной иммиграцией (опыт США, Евросоюза и России) // *Полис. Политические исследования*. 2021. №2. С. 46-63.
8. Чумаков А.Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // *Век глобализации*. 2017. Вып. №2(22). С. 3-19.
9. Швейцер В.Я. Политические проблемы современной Австрии. Москва: Ин-т Европы РАН, 2022. 114 с.
10. Dörfner-Bolt S. (Projektleitung), Kaendl M., Baierl A. Studie Aktuelle Situation und Zukunftsperspektiven von Ukraine-Vertriebenen in Österreich. Befragung des Österreichischen Instituts für Familienforschung an der Universität Wien, 2022. 20 s.
11. Esser H. Inklusion, Integration und ethnische Schichtung // *Journal für Konflikt und Gewaltforschung*. Vol. 1. Heft 1. Universität Bielefeld, 1999. S. 5-34.
12. Grasl-Akkilic S., Schober M., Wonisch R. Aspekte der österreichischen Migrationsgeschichte. Edition Atelier Wien, 2019. 496 s.
13. Kasy M., Lehner L. Employing the unemployed of Marienthal: Evaluation of a guaranteed job program – INET Oxford Working Paper. №2022-29. 44 p.
14. Oltmer J. Kleine Globalgeschichte der Flucht im 20. Jahrhundert // *Aus Politik und Zeitgeschichte*, Nr.66(26/27). 2016. S. 18-25.
15. Stadt Wien Integration und Diversität. Daten und Fakten zu Migration und Integration // *Magistrat der Stadt Wien*, 2022. 44 s.
16. Türk H. Österreich im Spannungsfeld von Neutralität und kollektiver Sicherheit (Juristische Schriftenreihe). Verlag Österreich Wien, 1997. 132 s.

References

1. Vasil'ev V.I. Vneshnyaya politika Avstrii i ukrainskii krizis // Obozrevatel'-Observer. 2015. №2(301). S. 25-42.
2. Volokh V.A. Vynuzhdennaya migratsiya v Evrope: sostoyanie, problemy, puti optimizatsii upravleniya i migratsionnogo zakonodatel'stva v Rossii // Vlast'. 2016. №1. S. 158-163.
3. Zvereva T.V., Karpovich O.G. Obschchaya migratsionnaya politika ES: novyi start? // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2021. №7. S. 94-103.
4. Ledeneva V.Yu., Rakhmonov A.Kh. Vliyanie «migratsionnogo potentsiala» na ekonomicheskoe i demograficheskoe razvitie stran-donorov i stran-retsipientov // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2023. №16(6). S. 250-269.
5. Potemkina O.Yu. Migratsionnyi krizis i politika Evropeiskogo soyuza / pod red. Al.A. Gromyko (otv. red.), V.P. Fedorova // Evropa XXI veka. Novye vyzovy i ris-ki. Moskva, 2017. S. 286-304.
6. Rykhtik M.I. Osobennosti zarubezhnogo opyta uregulirovaniya problem, svyazannykh s intensivatsiei migratsionnykh potokov // Migratsionnoe pravo. 2010. №3.
7. Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. Metody bor'by s nezakonnoi immigratsiei (opyt SShA, Evrosoyuza i Rossii) // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2021. №2. S. 46-63.
8. Chumakov A.N. Gryadushchaya demograficheskaya lavina: na poroge Velikogo pereseleniya narodov // Vek globalizatsii. 2017. Vyp. №2(22). S. 3-19.
9. Shveitser V.Ya. Politicheskie problemy sovremennoi Avstrii. Moskva: In-t Evropy RAN, 2022. 114 s.
10. Dörfler-Bolt S. (Projektleitung), Kaindl M., Baierl A. Studie Aktuelle Situation und Zukunftsperspektiven von Ukraine-Vertriebenen in Österreich. Befragung des Österreichischen Instituts für Familienforschung an der Universität Wien, 2022. 20 s. (in Ger)
11. Esser H. Inklusion, Integration und ethnische Schichtung // Journal für Konflikt und Gewaltforschung. Vol. 1. Heft 1. Universität Bielefeld, 1999. S. 5-34. (in Ger)
12. Grasl-Akkilic S., Schober M., Wonisch R. Aspekte der österreichischen Migrationsgeschichte. Edition Atelier Wien, 2019. 496 s. (in Ger)
13. Kasy M., Lehner L. Employing the unemployed of Marienthal: Evaluation of a guaranteed job program – INET Oxford Working Paper. №2022-29. 44 p.
14. Oltmer J. Kleine Globalgeschichte der Flucht im 20. Jahrhundert // Aus Politik und Zeitgeschichte, Nr.66(26/27). 2016. S. 18-25. (in Ger)
15. Stadt Wien Integration und Diversität. Daten und Fakten zu Migration und Integration // Magistrat der Stadt Wien, 2022. 44 s. (in Ger)
16. Türk H. Österreich im Spannungsfeld von Neutralität und kollektiver Sicherheit (Juristische Schriftenreihe). Verlag Österreich Wien, 1997. 132 s. (in Ger)

И.В. Герасимова

I. Gerasimova

**РАЗВИТИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА
ПРИМЕРЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ
В ОСОБЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
УСЛОВИЯХ**

**HUMAN POTENYTIAL
DEVELOPMENT ON THE
EXAMPLE OF
COMPATRIOTS
RESETTLEMENT IN
SPECIAL GEOPOLITICAL
CIRCUMSTANCES**

Аннотация

В современных геополитических условиях необходимо особое внимание уделять вопросам сбережения народонаселения и обеспечения качественного миграционного прироста, в первую очередь, за счет переселения соотечественников, проживающих за рубежом. Автором проведен анализ Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, основные тенденции данной программы за последние годы.

Рассматривая процесс переселения соотечественников в качестве одной из составляющих развития человеческого потенциала, в качестве цели научного изыскания можно определить влияние процесса переселения соотечественников на миграционную политику России, в том числе с учетом геополитических условий.

Оценка влияния процесса переселения соотечественников на миграционную политику России предполагает использование не только формально-юридического метода исследования, характерного для выявления особенностей политико-правовой составляющей переселенческого процесса, но и но аналитического метода, основанного на анализе госпрограммы переселения соотечественников и количестве преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории Российской Федерации, а также оценки

Abstract

In modern geopolitical conditions, special focus on population savings and ensuring high-quality migration growth, first of all, due to the resettlement of compatriots living abroad. Author analysis of the State Assistance Program voluntary resettlement of compatriots in the Russian Federation, living abroad, the main trends of this program in recent years.

Considering the resettlement process compatriots as one of the components of development human potential, as a goal of scientific research, it is possible determine the impact of the process of resettlement of compatriots on Russia's migration policy, including taking into account geopolitical conditions.

Assessing the impact of the resettlement process compatriots on the migration policy of Russia involves using not only a formal legal research method, characteristic of identifying the features of the political and legal component resettlement process, but also an analytical method based on the analysis of the state program of resettlement of compatriots and the number crimes committed by foreign citizens in the territory of the Russian Federation, as well as estimates of statistical data, allowing to analyze quantitative indicators of migration state policies. Study results: Of particular interest represents monitoring by the author of regulatory legal acts in the field of improving

статистических данных, позволяющих анализировать количественные показатели миграционной политики государства. Результаты исследования: особый интерес представляет мониторинг автором нормативных правовых актов в сфере совершенствования механизмов реализации госпрограммы по переселению соотечественников. Выделен оценивающий показатель госпрограммы переселения соотечественников, определены параметры для его формирования и корректировки. Представленные в исследовании материалы позволяют говорить о необходимости проведения информационной работы с соотечественниками и взаимодействия дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации за рубежом с потенциальными соотечественниками, желающими переселиться в Россию.

Ключевые слова:

переселение соотечественников, миграция населения, рынок труда, государственная программа, соотечественники, иностранные граждане, государственная политика.

the mechanisms for implementing the state resettlement program compatriots. At the same time, in the process implementation of resettlement policy needs to be analyzed and monitor the crime situation in the Russian Federation, related to migrants. The author singled out the evaluating indicator state programs for the resettlement of compatriots, parameters for its formation and adjustment. Study results are documented in type of recommendations required to increase intensity resettlement process, which can be taken into account in the development human potential of the Russian Federation. The materials presented in the study allow us to talk about the need for information work with compatriots and interaction of diplomatic missions and consular institutions of the Russian Federation abroad with potential compatriots wishing to move to Russia.

Key words:

compatriots resettlement, population migration, labor market, state program, compatriots, foreign citizens, state policy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-75-85>

Переход Российской Федерации на новый этап экономического развития и повышение уровня жизни населения направлены на преодоление неблагоприятных демографических тенденций и решение структурных проблем в здравоохранении, снижение бедности и социального неравенства, а также улучшение экологической ситуации. Структурные преобразования в российской экономике, несомненно, поддерживаются развитием научного потенциала и повышением качества и доступности образования.

Развитие человеческого капитала тесно связано с сохранением численности населения страны, укреплением профессиональных компетенций граждан и улучшением их уровня жизни и материального благополучия.

Экспертные оценки подтверждают тезис о невозможности естественно-го воспроизводства населения без внешнего миграционного прироста ввиду тенденции старения населения Российской Федерации и достаточно высоким уровнем смертности [2].

В настоящее время поддержание сбалансированной экономической и демографической политики, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации представляется актуальным и требует решения на всех уровнях власти [1].

Определенные риски и вызовы, в том числе связанные с межкультурным взаимодействием и миграционным развитием, находятся в фокусе геополитического и геостратегического регулирования [4]. В связи с чем наиболее интересным и перспективным направлением по наращиванию человеческого потенциала является опыт оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

При этом необходимо акцентировать внимание, что изменение курса национальной валюты могут оказать влияние на формирование миграционных потоков, в том числе в контексте обеспечения национальной безопасности, формирования рынка труда и процесса переселения соотечественников [5].

Различные научные школы и эксперты в области миграции рассматривали процесс переселения соотечественников, как один из основополагающих в контексте сбережения населения и влияния на рынок труда России [3].

Россия занимает первое место в мире по площади территории и девятое по численности населения. По данным Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 ноября 2023 года составляет 146,2 млн человек. С начала года она сократилась на 215,5 тыс. человек или на 0,15%¹.

В 2023 году продолжается тенденция восполнения постоянного населения страны за счет миграционного прироста. Так, миграционный прирост на 45,4% компенсировал естественную убыль населения. Наибольшее замещение постоянного населения отмечено в Республике Калмыкия (в 42,2 раза), Московской области (в 3,2 раза), Республике Адыгея (в 3,2 раза), г. Севастополе (в 2,4 раза).

В период с 2018 по 2023 гг. в 6 субъектах Российской Федерации наблюдалось стабильное замещение постоянного населения иностранными гражданами (Московская, Калининградская, Ленинградская области, Республика Адыгея, Краснодарский край и г. Севастополь).

По данным Всероссийской переписи населения 2020 года, численность постоянно проживающих в России граждан увеличилась на 2,05 млн человек по сравнению с переписью 2010 года. При этом увеличение численности

---

¹ Доклад «Социально-экономическое положение России за январь-ноябрь 2023 года» / РОССТАТ. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения 01.04.2024).

населения на протяжении всего переписного периода происходило за счет миграционного прироста на фоне естественной убыли.

На основании сведений, полученных из Государственной информационной системы миграционного учета, за 2023 год в Российскую Федерацию въехало более 12 млн иностранных граждан (ИГ) и лиц без гражданства, выехало с территории Российской Федерации 10,8 млн ИГ.

По состоянию на 31 декабря 2023 года на территории Российской Федерации находилось 6 млн иностранных граждан. При этом с 2020 года по настоящее время существенной динамики изменения численности находящихся ИГ не наблюдается.

Одновременно целесообразно осуществлять работу по подготовке методологических основ государственного мониторинга миграционной ситуации, включающего оценку влияния миграции на демографическое и экономические развитие в Российской Федерации, и, как следствие, развитие человеческого потенциала Российской Федерации. Данная позиция констатировалась специалистами в области миграции.

Происходящие в последние годы политические процессы, в том числе связанные с мировыми конфликтами, безусловно, создают предпосылки к постепенному увеличению миграционной активности на внешних границах государств. Данная ситуация может способствовать проникновению в эти государства членов криминальных, террористических и экстремистских структур. Такие негативные проявления могут стать угрозой как для Российской Федерации, так и для приграничных с ней государств¹.

В этой связи, по нашему мнению, необходимо анализировать и контролировать криминогенную обстановку в Российской Федерации, связанную с мигрантами.

Так, по данным МВД России, за 2023 год иностранными гражданами совершено более 38,9 тыс. преступлений, что на 3% ниже показателя за 2022 год.

По категориям преступлений отмечено снижение на 12,9% числа преступлений ИГ против собственности, в том числе краж на 13,6%, против общественной безопасности снижение на 8,5%, против порядка управления – на 10,9%, в том числе фактов незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации – на 7,7%, фактов подделки документов – на 11,3%, против жизни и здоровья – на 11,3%, в том числе убийств и покушений на убийство – на 17,9%. Вместе с тем отмечается рост на 27,6%

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. №622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 2018. №45. Ст. 6917.

числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Учитывая, что многие составы преступлений данной категории в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации признаются тяжкими или особо тяжкими, доля таких деяний в общем числе преступлений возросла с 37% в 2022 году до 43,2% в 2023 году.

Также за 2023 год предварительно расследовано 12,4 тыс. преступлений, совершенных лицами, которые приобрели гражданство Российской Федерации менее 10 лет назад. Выявлено 9,7 тыс. таких лиц, совершивших преступления. Подавляющее большинство (78,8%) данной категории граждан составляют бывшие граждане Украины. Четверть всех совершенных ими преступлений относится к категории тяжких и особо тяжких, 0,8% – к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности. Против жизни и здоровья бывшими гражданами Украины совершено почти 12,2% всех совершенных ими преступлений, против собственности – 43,2%.

Среди ИГ, совершаемых преступления на территории Российской Федерации, преобладают граждане Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Белоруссии.

Доля иностранных граждан, выявленных за совершение преступлений на территории Российской Федерации, в общей численности таких лиц составляет 2,3%. Стабильно высокие значения данного показателя отмечены в г. Москве (20,5%), Московской области (13,3%), г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (10,1%), а также на федеральной территории «Сириус» (9,4%).

Учитывая изложенное, по нашему мнению, необходимо предпринимать упреждающие меры в миграционной сфере, прежде всего, связанные с въездом на территорию Российской Федерации иностранных граждан, дальнейшим получением ими разрешительных документов и впоследствии натурализацией их в стране.

Наиболее миграционно привлекательной категорией, по мнению автора, являются соотечественники и члены их семей, прибывающие или пребывающие на территории России.

Указанная категория соотечественников при переселении в Российскую Федерацию может в полной мере задействовать механизм реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом¹.

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. №637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 2006. №26. Ст. 2820.

Необходимо отметить, что ведомством, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в том числе в сфере миграции, является Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России)¹.

МВД России является ответственным исполнителем государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», которая реализуется с 2013 года и охватывает все направления деятельности Министерства².

В структуру Государственной программы включена в качестве отдельного элемента госпрограмма переселения.

Оценивается госпрограмма переселения посредством достижения показателя «Численность участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей, прибывших в Российскую Федерацию и поставленных на учет в территориальных органах МВД России»³, значения которого формируются ежегодно с возможной корректировкой в течение года.

Показатель формируется на основании показателей региональных программ переселения субъектов Российской Федерации (далее также – региональные программы переселения, регпрограммы), а значения его учитываются при расчете размера субсидии субъектам Российской Федерации на реализацию мероприятий соответствующих программ субъектов Российской Федерации по приему соотечественников.

Регпрограммы согласовываются Правительством Российской Федерации в порядке, установленном Правилами согласования проекта программы субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом⁴, и типовой программы субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию со-

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. №699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. №52 (Часть V). Ст. 7614.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. №345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Собрание законодательства РФ. 2014. №18 (часть IV). Ст. 2188.

³ Далее – «Показатель».

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2013 г. №818 «О порядке согласования проекта программы субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 2013. №38. Ст. 4830.

отечественников, проживающих за рубежом, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. №2570-р¹.

Согласно сведениям МВД России, в 2023 году плановое значение Показателя составляло 53 416 человек, в 2024 году – 34 392 человека. Снижение количества переселившихся участников госпрограммы переселения в 2024 году, прежде всего, обусловлено отсутствием разработанных в соответствии с вышеуказанными Правилами региональных программ переселения, и, как следствие этого, указанием нулевого значения для таких субъектов Российской Федерации. Процесс рассмотрения и утверждения новых регпрограмм осуществляется на постоянной основе (ежегодно распоряжениями Правительства Российской Федерации согласовывается порядка 50 регпрограмм или внесения изменений в них). Учитывая изложенное, значения Показателя могут в течение года корректироваться.

Региональные программы переселения обеспечивают непрерывность процесса реализации госпрограммы переселения и актуализируются с учетом мировой повестки и санкционного режима в отношении Российской Федерации. Так, распоряжениями Правительства Российской Федерации согласованы проекты региональных программ (изменений регпрограмм) переселения 70 субъектов Российской Федерации (Тюменская область, Республика Мордовия, Оренбургская область, Омская область, Магаданская область, Самарская область, Рязанская область, Мурманская область, Челябинская область, Новгородская область, Липецкая область, Псковская область, Вологодская область, Владимирская область, Пензенская область, Орловская область, Республика Карелия, Республика Коми, Курганская область, Чувашская Республика, Архангельская область, Республика Хакасия, Иркутская область, Республика Дагестан, Ивановская область, Воронежская область, Калининградская область, Тамбовская область, Ставропольский край, Амурская область, Хабаровский край, Республика Мордовия, Ярославская область, Томская область, Тюменская область, Белгородская область, Республика Саха (Якутия), Кировская область, Республика Северная Осетия – Алания, Алтайский край, Камчатский край, Еврейская автономная область, Ульяновская область, Тульская область, Костромская область, Свердловская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия, Ненецкий автономный округ, Саратовская область и др.).

---

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. №2570-р «Об утверждении типовой программы субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 2013. №1. Ст. 76.

Безусловно, на эффективность процесса переселения и, как следствие, обогащение потенциала человеческого капитала Российской Федерации влияет процесс предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации для софинансирования расходов бюджетов субъектов Российской Федерации на реализацию регпрограмм на мероприятия по содействию в трудоустройстве и занятости, жилищном обустройстве, информированию участников госпрограммы переселения.

Далее рассмотрим основные статистические данные о госпрограмме переселения за 2023 год¹.

В 2023 году в Российскую Федерацию переселилось 18,1 тыс. участников госпрограммы переселения (-32,9% к аналогичному периоду прошлого года) и 27,1 тыс. членов их семей (-28,6% к АППГ). Повторно участвуют в госпрограмме переселения 104 человека (-43,5% к АППГ). Треть (28%) всех участников госпрограммы переселения на момент постановки на учет в территориальных органах МВД России в данном статусе имела разрешение на временное проживание или вид на жительство, либо получила временное убежище на территории Российской Федерации, а также имела статус беженца. Порядка 26% всех лиц, поставленных на учет в качестве участника госпрограммы переселения, проживали в этот момент в субъекте Российской Федерации, в госпрограмме переселения которого участвуют. Численность участников госпрограммы переселения, добровольно отказавшихся от данного статуса, снизилась в сравнении с 2022 годом на 39%, а снятых по решению территориальных органов МВД России об утрате данного статуса – увеличилась на 78,2%.

В 2023 году наблюдается значительный рост численности участников госпрограммы переселения, снятых с учета в данном статусе по причине их выбытия за пределы Российской Федерации.

Большинство участников госпрограммы переселения поставлено на учет в Челябинской (24,6%), Тульской (11,3%) и Новосибирской (4,5%) областях.

В целях повышения качества отбора соотечественников для участия в госпрограмме переселения с 1 января 2024 года для подачи заявления об участии в госпрограмме переселения введено условие владения русским языком на уровне, достаточном для общения в устной и письменной форме в условиях языковой среды².

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. №637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 2006. №26. Ст. 2820.

² Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2023 г. №219 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом

Также с 1 января 2024 года в госпрограмму переселения вводился институт «репатриации». Репатрианту предоставлена возможность переселиться в любой субъект Российской Федерации без согласования с соответствующим уполномоченным исполнительным органом и без государственной поддержки за счёт федерального бюджета за исключением освобождения от уплаты таможенных платежей за ввоз личного имущества и компенсации расходов, связанных с получением визы и оформлением правового статуса¹.

Учитывая геополитические процессы и возросший масштаб русофобии, соотечественникам, проживающим в недружественных государствах, предоставлено право на участие в госпрограмме переселения в упрощенном порядке.

В качестве отдельного инструмента для переселения соотечественников в Российскую Федерацию определена такая мера социальной поддержки, как жилищная субсидия, предоставляемая соотечественнику, переселившемуся на территории приоритетного вселения в регионах Дальнего Востока. Право на ее получение подтверждается государственным жилищным сертификатом. Реализация данного инструмента началась с 2022 года.

Необходимо отметить, что получение жилищной субсидии осуществляется после приобретения гражданства Российской Федерации. Размер ее определяется с учетом показателей средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации, используемых для расчета размеров социальных выплат для приобретения или строительства жилых помещений².

В связи с созданием Центра по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации обеспечивающие функции, связанные с предоставлением жилищной субсидии участникам госпрограммы переселения, переданы от ГУВМ МВД России к ЦВМ МВД России.

Так, в 2023 году более 600 семей (1,6 тыс. человек) получили жилищные сертификаты на общую сумму 1,3 млрд рублей.

В реализации госпрограммы переселения участвуют 80 субъектов Российской Федерации. С момента начала реализации госпрограммы переселения (2007 год) в Российскую Федерацию переселилось 1 170 тыс. человек.

Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. №637» // Собрание законодательства РФ. 2023. №14. Ст. 2400.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. №872 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. №637» // Собрание законодательства РФ. 2023. №48. Ст. 8545.

² Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. №637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 26.06.2006. №26. Ст. 2820.

В 2023 году принято 23,8 тыс. (-41,0%) заявлений об участии в госпрограмме переселения; оформлено 20,6 тыс. (-49,0%) свидетельств участника, поставлено на учет в территориальных органах МВД России 45,1 тыс. (-30,4%) участников и членов их семей (запланированный на 2023 год целевой показатель 53,4 тыс. чел.).

Больше всего соотечественников переселилось в Уральский и Центральный (по 12,9 тыс. чел.), Приволжский (5,9 тыс. чел.), Сибирский (5,4 тыс. чел.) и Дальневосточный (3,2 тыс. чел.) федеральные округа.

Из субъектов Российской Федерации лидирующие позиции занимают Челябинская (10,9 тыс. чел.), Тульская (5,3 тыс. чел.), Новосибирская и Самарская (по 1,9 тыс. чел.), Тамбовская (1,6 тыс. чел.) области.

Одной из важных составляющих в переселенческом процессе является информационная работа.

Для информирования соотечественников о порядке переселения в Россию с мая 2022 года в МВД России функционирует рабочая группа по консультированию соотечественников в телефонном режиме и посредством обращений на электронную почту.

Данные обращения свидетельствуют о миграционном потенциале со стороны соотечественников из недружественных стран. Потенциальные переселенцы информируют о сложностях подачи заявления об участии в госпрограмме переселения, а также об отсутствии информации о госпрограмме переселения на ресурсах в сети Интернет (консульские учреждения Российской Федерации в Канаде, Чехии, Польше, Эстонии) в связи с недоступностью информационных ресурсов федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации.

Так, в 2022 году в Россию всего переселилось 64,8 тыс. участников госпрограммы переселения и членов их семей, из которых лишь 645 чел. (1%) из недружественных государств.

В этой связи, по нашему мнению, необходимо активизировать работу дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации в недружественных государствах по взаимодействию с соотечественниками, желающими переселиться в Россию.

В связи со складывающейся геополитической ситуацией, проведением специальной военной операции и применением антироссийских санкций, в 2024 году скорее всего будет сохраняться тенденция по снижению количества соотечественников, участвующих в госпрограмме переселения.

На увеличение процесса интенсивности переселенческого процесса и развитие человеческого потенциала может повлиять: своевременная корректировка программ с учетом геополитической обстановки в мире; освое-

ние финансовых средств, выделенных в качестве субсидий на реализацию мероприятий региональных программ переселения; принятие заявлений об участии в госпрограмме переселения соотечественников, проживающих в недружественных государствах, в первоочередном порядке; проведение информационной работы с соотечественниками, желающими переселиться в Российскую Федерацию.

Литература

1. Аксенова М.С., Черных А.Б. Актуальные проблемы переселения соотечественников – иностранных граждан на территорию России // Социология и право. 2020. №3(49). С. 94-99.
2. Архангельский В.Н., Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Хасанова Р.Р. Перспективы демографического развития России до середины века // Народонаселение. 2017. №3(77). С. 24-36.
3. Бурда М.А., Хорева Е.Е., Герасимова И.В. Миграционная политика в современной России: информационно-коммуникационные технологии в управлении миграцией // PolitBook. 2022. №2. С. 54-66.
4. Волкова Т.Б. Миграционная политика и тенденции ее развития // Евразийская адвокатура. 2019. №2(39). С. 120-122.
5. Волох В.А., Герасимова И.В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. 2019. Т. 7. №1. С. 5-12. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-5-12>

References

1. Aksenova M.S., Chernykh A.B. Aktual'nye problemy pereseleniya sootchestvennikov – inostrannykh grazhdan na territoriyu Rossii. Sotsiologiya i pravo. 2020. №3(49). S. 94-99.
2. Arkhangel'skii V.N., Danilova I.A., Dmitriev R.V., Khasanova R.R. Perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii do serediny veka. Narodonaselenie. 2017. №3(77). S. 24-36.
3. Burda M.A., Khoreva E.E., Gerasimova I.V. Migratsionnaya politika v sovremennoi Rossii: informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v upravlenii migratsiei. PolitBook. 2022. №2. S. 54-66.
4. Volkova T.B. Migratsionnaya politika i tendentsii ee razvitiya. Evraziiskaya advokatura. 2019. №2(39). S. 120-122.
5. Volokh V.A., Gerasimova I.V. Upravlenie migratsionnymi protsessami v Rossiiskoi Federatsii: analiz i perspektivy. Upravlenie. 2019. T. 7. №1. S. 5-12.

**О.Е. Гришин,
А.В. Канушкин**

**O. Grishin,
A. Kanushkin**

**УЧАСТИЕ ПРОФСОЮЗОВ
ФЕДЕРАТИВНОЙ
РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ
В ЕВРОКАМПАНИИ –
2024 НЕМЕЦКИХ
ПАРТИЙ: АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СУБЪЕКТНОСТИ**

**PARTICIPATION OF
TRADE UNIONS OF THE
FEDERAL REPUBLIC OF
GERMANY IN THE
EUROCAMPAIGN – 2024
OF GERMAN PARTIES:
ANALYSIS OF POLITICAL
SUBJECTIVITY**

Аннотация

В статье отражена роль, которую сыграли профсоюзы Федеративной Республики Германии в выступлении политических партий своей страны на выборах в Европарламент в 2024 году. Тред-юнионы показали свою способность участвовать в формировании и продвижении политической повестки, лоббировать интересы своих сторонников, принимать участие в предвыборной агитационной работе, поддерживать симпатизирующие им партии и противостоять политическим противникам. Таким образом, не являясь прямыми участниками выборов, они оказывали прямое воздействие как на политические партии ФРГ, представившие своих кандидатов, так и на отношение к ним граждан страны.

Среди всех принимавших участие в выборах в Европарламент – 2024 немецких партий основное внимание сосредоточила на себе «Альтернатива для Германии» (АдГ), фактически противопоставившая себя всей политической системе страны. Контрагитация профсоюзов против АдГ стала центральным сюжетом всей деятельности тред-юнионов в ходе данной кампании и наиболее важным аспектом с точки зрения политического анализа.

Принимая активное участие в электоральном процессе на федеральном и европейском уровне для достижения заявленных целей, профсоюзы Германии проявили себя как самодостаточный актер немецкой политики. Целью настоящего исследования является выявление степени влияния проф-

Abstract

The article reflects the role played by the trade unions of the Federal Republic of Germany in the performance of their country's political parties in the elections to the European Parliament in 2024. Trade unions have shown their ability to participate in the formation and promotion of the political agenda, lobby for the interests of their supporters, take part in election campaigning, support parties sympathetic to them and resist political opponents. Thus, not being direct participants in the elections, they had a direct impact on both the German political parties that presented their candidates and the attitude of the country's citizens towards them. Among all the German parties that took part in the elections to the European Parliament – 2024, the main focus was on the "Alternative for Germany" (AfD), which actually opposed itself to the entire political system of the country. The counter-agitation of trade unions against the AfD has become the central plot of all trade union activities during this campaign and the most important aspect from the point of view of political analysis. By actively participating in the electoral process at the federal and European levels to achieve their stated goals, German trade unions have proved themselves to be a self-sufficient actor in German politics. The purpose of this study is to identify the degree of influence of German trade unions on the polit-

союзов ФРГ на политический процесс и эффективность их политической субъектности. В статье приведен обзор актуальных работ европейских и российских ученых как по профсоюзной проблематике, так и по вопросу природы политической субъектности как политологической категории.

ical process and the effectiveness of their political subjectivity. This topic has not been studied by Russian scientists, which determines the theoretical and practical significance of the study. The article provides an overview of current works by European and Russian scientists both on trade union issues and on the nature of political subjectivity as a political science category.

Ключевые слова:

Федеративная Республика Германия, профсоюзы, политическая субъектность, выборы, Европарламент, Альтернатива для Германии.

Key words:

Federal Republic of Germany, trade unions, political subjectivity, elections, European Parliament, Alternative for Germany.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-86-102>

С момента своего появления в XVIII столетии и до настоящего времени профессиональные союзы являются одним из важнейших инструментов защиты социальных, экономических и политических прав наемных работников. В этом качестве они всегда находились в центре общественной жизни и вызывали значительный интерес исследователей. Сегодня тематика деятельности тред-юнионов получила новое звучание и стала особо актуальной в силу ряда причин. Тектонические изменения в экономике, глобализация, появление новых форм занятости, мировой кризис, пандемия коронавируса и иные факторы стремительно меняли мир и трансформировали саму сферу общественных отношений, среду, в которой профсоюзы ведут свою деятельность. От объединений работников потребовалась большая гибкость и способность идти в ногу со временем. Закономерно возникла и насущная потребность в актуальной научной оценке современного положения профсоюзов и их участия в политическом процессе.

Исследование указанной проблематики, включая ее теоретические и исторические аспекты, стало темой целого ряда авторитетных исследований зарубежных авторов. Приведем для примера некоторые из них (опубликованы с 2022 года по настоящее время).

Л. Чеккетти дает представление о правовой практике Европейского суда по правам человека в вопросах деятельности профсоюзов XXI века. Ключевым для автора является вопрос о том, как применение законодательных актов ЕС, защищающих права работников, может рассматриваться в смысле проявления возросшей власти профсоюзов. Вызывает интерес сопоставление стандартов защиты социальных прав в ЕС по сравнению с национальным уровнем на примере отдельных государств [9]. В предлагаемом

ниже исследовании мы пришли к выводам, что апелляция немецких профсоюзов к высокому уровню правовых гарантий ЕС для трудящихся стала одним из краеугольных камней предвыборной агитации в ходе выборов в Европарламент в 2024 году.

М. Ойелере, А. Иге-Олаобажу, Р. Майни сосредоточили свое внимание на деятельности профсоюзов в контексте четвертой промышленной революции, изучили степень влияния новейших технологий. Географический спектр – страны «глобального Юга» [15].

И. Артус и Й. Холланд затрагивают тематику недостаточного представительства женщин в профсоюзах на организационных и руководящих должностях, а также пробелов политике профсоюзов, отражающей интересы женщин. На примере двух крупнейших тред-юнионов Германии – Промышленного профсоюза металлистов IG Metall и объединения сотрудников сферы услуг ver.di. оценивается нынешнее состояние гендерного равенства [8].

Ф. Миккельсен и Й. Йоргенсен исследуют самобытный путь становления объединений работников в регионе в период с начала XX века и разрушают два распространенных заблуждения: о том, что развитие профсоюзов в этих государствах якобы проходило абсолютно неконфликтно, а также представление о профсоюзном движении стран европейского севера как о стабильном и однородном органе. Авторы говорят об «истории, которая требует новых взглядов и методов» [13].

Два важных исторических экскурса в развитии датского и норвежского профсоюзного движения представили К. Кнудсен и Ф. Олстад. Изучение сложных страниц истории соответственно датского и норвежского профсоюзного движения позволяет проанализировать глубинные проблемы становления профсоюзов именно как политических игроков [12; 14].

Сопоставление специфики профсоюзной работы в России, США и странах Европы в части выстраивания надежного социального партнерства, вопросов трехстороннего взаимодействия работодателей, наемных работников и государства стало предметом исследования С.Л. Жарковой и А.А. Кузьменкова. Рассмотрены методы, применяемые объединениями работников в достижении заявленных целей [1]. Т.А. Избиенова и Р.К. Шемякин проанализировали проблемы правового регулирования коллективных трудовых отношений в период пандемии коронавируса [2].

В опубликованной в 2020 году фундаментальной работе «Модели профсоюзного движения: история и современность (зарубежный опыт)» (Д.В. Лобок, Г.М. Бирженюк, О.Н. Громова и др.), рассмотрены вопросы становления различных типов профсоюзного движения в странах Европы и Северной Америки. Уделено значительное внимание эволюции законодатель-

ства о тред-юнионах, трансформации организационных структур, влияния на общественно-политическую повестку, проблематике трансформации организаций работников в контексте глобализации [5].

А.А. Рожин делает выводы о том, что, несмотря на вызовы, с которыми объединения работников ФРГ столкнулись в XXI, включая сокращение их численности и, соответственно, ресурсной базы, а также такие внутренние проблемы, как недостаточная консолидированность при достижении своих целей, сумели нарастить протестную активность и сохранили свое значение как сторона в социально-политических отношениях в государстве [6].

С учетом рассматриваемой нами тематики, следует отдельно упомянуть о некоторых работах, предметом которых является политическая субъектность как самостоятельная научная категория.

Р.Д. Хунагов обозначает политическую субъектность как «фокусирующее» свойство политического» и определяет ее как «с одной стороны, способность к сознательному удовлетворению собственных политических потребностей через влияние на другие социальные единицы, а с другой, их удовлетворение путем применения политической активности и осуществления политического действия». По мнению автора, это приобретаемое, а не изначально присущее качество, а «объективными условиями становления политической субъектности являются конкретные экономические, социокультурные, политические и институциональные предпосылки» [7].

А.И. Контуров и К.Ю. Будылин выделяют индивидуальные (человек) и коллективные (партия, общественное объединение, движение, фронт, государство и пр.) субъекты, а саму субъектность в политике считают набором определенных качеств и свойств, которые «в своей совокупности определяют ... способность к политической самоидентификации, анализу и целеполаганию, а также волю к активной политике» [4].

Близким по сути к рассматриваемой нами тематике является изучение социальной субъектности профсоюзов на примере Российской Федерации, предпринятое С.Г. Климовой. «В ряду признаков, определяющих сформированную социальную субъектность, немаловажным является наличие партнеров и контрагентов, признающих легитимность данного субъекта. Субъектность формируется в борьбе за признание и поддержание своего статуса. Поэтому любому социальному актору важно иметь в поле своего взаимодействия (пусть даже и конфликтного) других акторов, признающих его суверенитет», – полагает автор [3].

Вместе с тем, непосредственно политическая субъектность профсоюзов на примере конкретного государства и в динамике определенного вре-

менного отрезка (в нашем случае это профсоюзы объединенной Германии) в российской политической науке практически не исследована.

Это побудило авторов рассмотреть данную проблему в актуальной привязке к крупному политическому событию – выборам в Европейский парламент.

При исследовании участия профсоюзов Федеративной Республики Германии в Еврокампании немецких партий в 2024 году использованы институциональный, системный, структурно-функциональный и социокультурный подходы.

В своем исследовании авторы опирались на оригинальные немецкоязычные источники, такие как программные документы профсоюзов, официальные обращения профсоюзных лидеров, статистические данные из авторитетных источников. Были применены следующие методы исследования: контент-анализ, кейс-стади, ивент-анализ.

В июне 2023 года крупнейшее Объединение немецких профсоюзов (ОНП) опубликовало свои требования к программам партий, участвующих в выборах¹.

Фундаментальный документ выражает позицию по общим для всех вопросам входящих в организацию восьми профсоюзов, представляющих около 85% организованных работников (Промышленные профсоюзы металлургов (IG Metall); «Строительство - аграрное хозяйство - экология» (IG Bauen – Agrar - Umwelt); «Горное дело - химическая промышленность - энергетика» (IG Bergbau – Chemie - Energie); профсоюзы «Воспитание и наука» (Gewerkschaft Erziehung und Wissenschaft); «Питание - деликатесы - рестораны» (Gewerkschaft Nahrung – Genuss - Gaststätten); Профсоюз полиции (Gewerkschaft der Polizei); Профсоюз железнодорожников и транспортников (EVG); Объединённый профсоюз работников сферы услуг (ver.di).

В первую очередь профсоюзы потребовали «обеспечить возможности для хорошей работы и устойчивого процветания путем активного воздействия на процессы трансформации». В основе этих процессов лежит обязательство ЕС обеспечить климатическую нейтральность к 2050 году. Здесь профсоюзами предлагалось усилить координацию, не допускать распыления средств, уделить особое внимание использованию возобновляемых источников энергии, производству водорода, технологиям улавливания и хранения

---

¹ Europawahl 2024 Stand: Juni 2023. Forderungen des DGB und seiner Mitgliedsgewerkschaften an die Parteien. URL: https://www.dgb.de/fileadmin/download_center/Positionen_und_Thesen/Europawahl_2024-_Forderungen_des_DGB_und_seiner_Mitgliedsgewerkschaften_an_die_Parteien.pdf (дата обращения 01.04.2024).

углекислого газа, выработать новые подходы к общеевропейскому рынку электричества и ряд других мер.

В блоке макроэкономических требований профсоюзы сделали акцент на обеспечении «надежного производства с помощью непрерывных цепочек создания стоимости», «качественного роста посредством устойчивой экономической политики», а также создании возможностей «для необходимых будущих инвестиций за счет разумной региональной структурной политики». Указанные меры рассматривались профсоюзами как надежная база для обеспечения занятости, высоких зарплат и социальных гарантий для работников. При их выработке был учтен опыт экономического кризиса и пандемии коронавируса, которые оказали колоссальное влияние на рынок труда.

Особое внимание авторы документа уделили вопросам создания достойных условий работы и прав трудящихся. Они призвали «обеспечить защиту работников за счет надежных социальных систем, высоких тарифов и хороших условий труда», уделять необходимое внимание обучению и переподготовке, защищать права трансграничных работников, расширить права на участие в принятии решений, совершенствовать общеевропейскую нормативную базу по вопросам трудового права.

Отраслевые профсоюзы озвучили свои требования, отражающие их специфику. В частности, Промышленный профсоюз металлистов (IG Metall) помимо схожих по сути тезисов по охране прав трудящихся сделал акцент на защите европейских сталелитейной, алюминиевой, автомобильной индустрии¹. Профсоюз железнодорожной и транспортной отрасли (EVG) выразил мнение, что депутатам Европарламента удастся ускорить темпы сокращения выбросов парниковых газов на транспорте и обеспечить климатическую нейтральность ЕС уже до 2050 года. Железнодорожный и общественный транспорт нуждаются в значительном расширении – как на национальном, так и на международном уровне, что необходимо отразить и в европейской стратегии мобильности. Во главу угла должны быть поставлены сотрудники отрасли и ценность их труда, заявили авторы документа².

Таким образом, профсоюзы дали своего рода предвыборный наказ партиям, охватив все важнейшие вопросы, в которых им требуется политическая поддержка, в том числе и на общеевропейском уровне. Обращает на себя внимание характер требований тред-юнионов. На наш взгляд, он отражает сущность этих объединений работников на современном этапе, когда

---

¹ Alles zur Europawahl 2024 – und was die IG Metall für Europa fordert. URL: <https://www.igmetall.de/politik-und-gesellschaft/europawahl> (дата обращения 01.04.2024).

² Verkehrspolitische Anforderungen der Eisenbahn - und Verkehrsgewerkschaft (EVG) zur Europawahl 2024. URL: https://www.evg-online.org/fileadmin/Politik/2024/Europawahl2024/24-03-20-Europawahl-KURZ-evg_Standpunkt_Europawahl.pdf (дата обращения 01.04.2024).

они вышли далеко за рамки отстаивания сугубо социально-экономических прав трудящихся и активно участвуют в обсуждении самого широкого спектра вопросов политической повестки, включая, например, промышленную и транспортную политику или проблематику устойчивого развития на перспективу нескольких десятилетий.

В преддверии выборов в Европарламент как «зонтичное» ОНП, так и отдельные немецкие профсоюзы развернули масштабную агитационную кампанию в поддержку участия в голосовании среди своих сторонников.

Объединение немецких профсоюзов призвало всех членов прийти к избирательным урнам и провело с ними значительную разъяснительную работу. Основной акцент был сделан на преодолении стереотипов об удаленности европейской политики от нужд и чаяний «простого работника».

«Ты думаешь, что решения, принимаемые в Брюсселе и Страсбурге, не имеют к тебе никакого отношения? Однако решения ЕС также определяют твою повседневную работу и будущее твоего предприятия», - говорится в агитационном буклете Объединения немецких профсоюзов¹.

В документе приводятся конкретные примеры нормативных актов ЕС, регулирующих важные стороны трудовых и социальных отношений государств-членов. Отмечены такие положения, как регулирование недельного рабочего времени, соблюдение права на оплачиваемый отпуск, защита материнства, установление уровня минимальных зарплат, гарантирующих защиту от бедности, отсутствие дискриминации в оплате при трудоустройстве в другой стране ЕС и сохранение социальной страховки, защита при переходе права собственности на предприятие, меры по охране труда, гарантии равной оплаты для мужчин и женщин, обеспечение финансирования социальных проектов, введение практики учета рабочего времени для защиты от переработки.

В части, касающейся предприятий отмечены такие гарантии со стороны ЕС, как возможности прохождения практик для сотрудников по программе «Эразмус», финансовая поддержка в кризисных ситуациях, оптимизация условий для торговли между государствами, финансирование процессов трансформации для достижения заявленных ЕС показателей экологической политики, защита при банкротстве, право голоса для сотрудников в транснациональных предприятиях.

Такой внушительный список мер поддержки со стороны ЕС должен был убедить членов профсоюзов в необходимости иметь надежное представи-

---

¹ Was hat Europa mit dir zu tun? URL: https://www.dcm-bestellportal.de/dgb/downloads/DGB-0587_Flyer.pdf (дата обращения 01.04.2024).

тельство в Европейском парламенте для защиты своих интересов и на надгосударственном уровне.

Свои аргументы в пользу участия в выборах высказали отраслевые тред-юнионы Германии. Так, например, немецкий Профсоюз сотрудников церкви, диаконии и Каритас в специальном обращении заявил: «Церковный профсоюз призывает вас, организованных коллег, сочувствующих или читающих данный информационный бюллетень, воспользоваться своим основным правом, мы бы даже сказали, своим обязательством участвовать в выборах»¹.

Сильвия Бюлер, член Федерального правления Объединенного профсоюза сферы услуг ver.di и руководитель департамента здравоохранения, социальных услуг, образования и науки в своем интервью отметила: «Каждый не отданный голос – это голос в пользу врагов демократии. ... Мы знаем это по коллективным спорам: чем больше нас, тем большего мы можем достичь. Так же обстоит дело и с выборами в ЕС»².

Но помимо собственно участия в выборах важны и политические симпатии голосующих.

Профсоюзы попытались подчеркнуть сдержанный, беспристрастный и нейтральный характер своей предвыборной агитации и основным ее методом стало сопоставление программ партий по ключевым для тред-юнионов вопросам. Определенные симпатии, тем не менее, просматривались, а одной из партий было в принципе отказано в праве быть полноценно представленной профсоюзному сообществу, на чем мы подробнее остановимся ниже.

Объединение немецких профсоюзов в опубликованном в апреле с. г. документе «Программы к выборам в Европарламент 2024: сверка ОНП» сравнивает важнейшие заявления шести партий – «Левой», СДПГ (Социал-демократическая партия Германии)? «Союза 90/Зеленых», СвДП (Свободная демократическая Германия), ХДС (Христианско-демократический союз) и Союза С. Вагенкнехт - по шести важнейшим темам: трансформация экономики, производство, инвестиции в регионы, хорошие условия для работы, участие в управлении транснациональными предприятиями, трудовая мобильность³.

---

¹ Europawahl 9. Juni 2024. URL: <https://www.kirchengewerkschaft.de/475-europawahl-9-juni-2024> (дата обращения 01.04.2024).

² Vor einer Richtungsentscheidung. Flyer zur EU-Wahl: Interview mit ver.di-Bundesvorstandsmitglied Sylvia Bühler über Arbeitsmigration, Tarifbindung, Mindestlöhne und den Nutzen der EU. URL: <https://clck.ru/3DagAA> (дата обращения 01.04.2024).

³ DGB – Wahlcheck zur Europawahl 2024. URL: <https://clck.ru/3Dag9b> (дата обращения 01.04.2024).

Представленные программы сопоставлены таким образом, чтобы наглядно проиллюстрировать отношение партий к чувствительным именно для профсоюзов и их членов темам.

Традиционно симпатизирующие профсоюзам «Левая» и СДПГ, а также «Зеленые» выглядят наиболее выигрышно с точки зрения «людей труда».

В частности, по важнейшему вопросу участия сотрудников транснациональных предприятий в принятии решений указанные три партии представили исчерпывающие дорожные карты, в то время как оставшиеся три участницы выборов даже не отразили этот пункт в своей повестке. В блоке, посвященном условиям труда, требования этих партий также особенно подробны и обстоятельны на фоне конкурентов. В них отражены приоритет основных социальных прав над свободами внутреннего рынка, усиление роли коллективных договоров, защита работников от стресса, физических и психических перегрузок, обеспечение минимального уровня доходов и социального страхования. Предложения партии Союз 90/Зеленые включают в себя не только традиционные трудовые гарантии, но и сверхактуальные на сегодня вопросы защиты от угроз цифровизации и искоренения фиктивной самозанятости.

Находящаяся в центре политического спектра ХДС и образовавшийся несколько месяцев назад левый блок С. Вагенкнехт в приведенном сравнении показаны не столь «профсоюзориентированными», хотя в отдельных моментах поддерживают важные для тред-юнионов инициативы.

Принадлежащая к правому крылу партия свободных демократов (СвДП) в подобном сопоставлении воспринимается как оплот предпринимателей, но отнюдь не профсоюзов и наемного труда в целом. Акцент сделан на защиту стартапов, усиление конкуренции, устранение бюрократических барьеров, лучшие условия для инвестиций, недопустимость ущемления частной инициативы и самостоятельности.

Похожую по смыслу политическую агитацию развернули и отраслевые тред-юнионы. В документе «Пробные камни для выборов в Европарламент 2024: профсоюз железнодорожников и транспортников (EVG). Вот как ответили партии: ХДС/ХСС, Союз 90/Зеленые, СДПГ, «Левая», СвДП» приводятся ответы партий на ключевые для данного объединения работников вопросы¹. Последние были направлены в адрес «устоявшихся демократических партий» Германии (по всей видимости, основанный несколько месяцев назад блок С. Вагенкнехт не включен в список как пока не соответствующий этому

---

¹ EVG – Wahlprüfsteine zur Europawahl 2024: So haben die Parteien geantwortet: CDU/CSU, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN, SPD, DIE LINKE, FDP. URL: <https://clck.ru/3DagBB> (дата обращения 01.04.2024).

критерию), тематика охватывает спектр от условий труда отдельных работников до судьбы всей отрасли в смысле ее возможной приватизации, например: «В какой степени ваша партия выступает за сохранение интегрированных железнодорожных компаний в Германии и Европе и, соответственно, против разделения железнодорожных сетей и предприятий, и какова ваша позиция по вопросам приватизации в автобусном и железнодорожном секторах? Что ваша партия хочет сделать для улучшения условий труда в транспортном секторе и что конкретно для защиты работников автобусных парков и железной дороги в Европе от злоупотреблений в контрактах..., а также от несоблюдения расписания движения и периодов отдыха?»

Ответы партий маркированы символами одобрения, неодобрения или нейтрального отношения. Результаты полностью подтверждают сделанные нами выше выводы: позиции «Левой» и социал-демократов совпадают с мнением профсоюзов во всех случаях, позиции «Зеленых» в абсолютном большинстве. Мнение ХДС обозначено как, в основном, нейтральное, программа свободных демократов – как, в целом, негативная по отношению к тред-юнионам.

Члены профсоюзов получили довольно однозначные рекомендации, как им стоило бы голосовать на выборах в Европарламент.

Политическая риторика понятна, за исключением одного вопроса: почему при анализе программ партий, участвующих в выборах, в рассмотренных нами документах не добавлена в список сравнения представленная в бундестаге и земельных парламентах «Альтернатива для Германии»? В большей части профсоюзных предвыборных листовок партия даже не упоминается.

Ответ мы видим в упоминавшемся документе «зонтичного» Объединения немецких профсоюзов. Специальный раздел озаглавлен «Если Вам не хватило АдГ в нашей предвыборной свертке ...». Авторы фактически выводят «Альтернативу» из игры, объявляют партии политический бойкот.

Среди главных аргументов приводятся тезисы о том, что АдГ, по мнению авторов, «выступает против профсоюзных ценностей, демократии, равноправия, открытости миру и толерантности в Германии, Европе и во всем мире, ... против центральных ценностей конституции» и является «правоэкстремистской». Отказ сравнивать программы «Альтернативы» и других участников выборов объяснен невозможностью даже «упоминать АдГ на одном дыхании с демократическими партиями» и нежеланием придать «невинный вид ее в корне враждебным по отношению к демократии стратегиям и действиям». Особо ревностно профсоюзы отнеслись к попыткам партии перехватить

инициативу «на своем поле» и объявили ее претензии на то, чтобы представлять интересы рабочего и «простого человека» необоснованными¹.

Отметим, что такое отношение вполне объяснимо, так как распространение «правых» симпатий среди членов профсоюзов сегодня является одним из главных вызовов для этих организаций. Проблема «правого дрейфа» в среде организованных работников многие годы стоит в центре внимания политической и социальной науки в ФРГ. Целый ряд работ авторитетных немецких ученых (К. Дерре, Д. Зауэр и др.) свидетельствует, что профсоюзная среда сама по себе оказалась предрасположена к восприятию правых идей [10; 11; 16].

В ходе кампании по выборам в Европарламент 2024 года с заявлениями о принципиальной несовместимости установок или даже враждебности АдГ по отношению к профсоюзам выступили все крупнейшие тред-юнионы Германии, распространив их на собственных сайтах, в прессе и на телевизионных каналах, социальных сетях, что позволяет говорить о массовой информационной атаке на партию. Приведем лишь некоторые примеры.

В мае 2024 года один из крупнейших в Германии профсоюз работников сферы услуг (ver.di) в лице своей федеральной экспертной группы по авиационному транспорту и морской экономике опубликовал документ с изложением позиции под заголовком «АдГ выступает против всего, за что мы выступаем как профсоюз»². Авторы документа подвергают критике ряд программных установок «Альтернативы», таких, как требования по дерегулированию экономики, чрезмерно консервативный, по мнению профсоюза, взгляд на семью, призывы к роспуску Федерального агентства ФРГ по труду и передаче его функций коммунальным центрам занятости и другие. Высказана точка зрения о том, что АдГ везде «чудится опасность социализма» и партия неправильно воспринимает Европейский союз как «супергосударство с плановой экономикой» и «социалистической общественной ответственностью», что, по мнению авторов, «не имеет ничего общего с реальностью, а лишь отражает основную националистическую позицию АдГ». Последний тезис, очевидно, призван проиллюстрировать некомпетентность «Альтернативы» в вопросах европейской политики именно накануне выборов. АдГ обозначили как «неолиберальную партию элит», не ориентированную на защиту интересов наемных

---

¹ DGB – Wahlcheck zur Europawahl 2024. URL: <https://clck.ru/3DagBo>. P. 12. (дата обращения 01.04.2024).

² Die AfD steht gegen alles, wofür wir als Gewerkschaften stehen. Positionspapier der ver.di Bundesfachgruppe Luftverkehr und Maritime Wirtschaft. Impressum: Vereinte Dienstleistungsgewerkschaft – ver.di, Paula-Thiede-Ufer 10. URL: <https://clck.ru/3DagCc> (дата обращения 01.04.2024).

работников, обвинили в якобы развязанной националистической травле лиц с миграционным прошлым и провели прямую параллель между ней и фашистской национал-социалистической партией, напомним о разгоне профсоюзов и казнях их членов в 1933 году. Мы отчетливо видим, что профсоюзы до предела повысили градус своей политической риторики в отношении АдГ в преддверие общеевропейского голосования.

Деятельность тред-юнионов по агитации против «Альтернативы для Германии» включала в себя и такие форматы, как специальные семинары по вопросам правильного выстраивания идеологической работы. Так, промышленный профсоюз «Строительство - Аграрное хозяйство - Экология» (IG Bauen – Agrar – Umwelt) в январе 2024 года в рамках образовательного проекта в земле Северный Рейн – Вестфалия провел такое двухдневное мероприятие, в пояснительной записке к которому говорится: «Народно-авторитарная АдГ в своей программе и действиях несовместима с профсоюзными ценностями». Так же, как и в ранее рассмотренном тексте, «Альтернативу» обозначают как «неолиберально ориентированную в экономической политике», в то время как она сама (якобы незаслуженно) позиционирует как «партия маленьких людей». В план семинара были включены следующие ряд тем, такие как: политические требования АдГ против профсоюзов; политические требования АдГ против прав трудящихся; успешные стратегии профсоюзов – членов ОНП¹.

Следует предположить, что программа была рассчитана на подготовку лекторов, агитаторов, активистов, которые могли бы распространить полученные знания в своих коллективах.

В развернутой тред-юнионами кампании против «Альтернативы для Германии» обращают на себя внимание такие ее черты, как выверенная, единая позиция всех объединений работников, наступательный, местами агрессивный характер, широкий спектр применяемых методов агитации, стремление любой ценой маргинализировать политический образ противника. Следует предположить, что, наблюдая объективную картину достижений «Альтернативы» на земельных и федеральных выборах в Германии и прогнозируя ее возможные успехи на европейском уровне, профсоюзы ФРГ сделали одной из главных, если не главной целью уменьшить количество голосов за АдГ, особенно со стороны своих членов. По нашему мнению, этим может объясняться довольно сдержанная критика в адрес «традиционных» противников объединений работников, таких, как, например, партия свободных демократов (СвДП), так как конкуренция и условная угроза с их сто-

---

¹ AfD und Gewerkschaften. URL: <https://clck.ru/3DStcR> (дата обращения 01.04.2024).

роны могла оцениваться как несопоставимо меньшая. В представленной профсоюзами картине политический ландшафт Германии перед выборами был разделен на две части: «Альтернатива» – с одной стороны, и с другой – все остальные партии.

Опасения профсоюзов оказались не напрасными. В таблице 1 сопоставлены данные по результатам голосования немецких избирателей в общем и членов объединений работников (по данным с официального сайта Объединения немецких профсоюзов)¹.

Таблица 1. Результаты голосования немецких избирателей в общем и членов объединений работников

Партия	Голоса избирателей (в целом по ФРГ)	Голоса избирателей (члены профсоюзов)
Христианско-демократический союз (ХДС)	30,0%	24,8%
«Альтернатива для Германии»	15,9%	18,5%
Социал-демократическая партия Германии (СДПГ)	13,9%	18,1%
Союз 90/Зеленые	11,9%	12,5%
Блок Сары Вагенкнехт	6,2%	5,7%
Свободная демократическая партия Германии (СвДП)	5,2%	3,8%
«Левая»	2,7%	3,0%
Другие партии	14,2%	13,6%

Результаты «Альтернативы для Германии» оказались более чем убедительными. Партия заняла второе место, уступив только столпу и непререкаемому авторитету немецкой политики – консервативной ХДС, и оставив позади старейшую партию страны – социал-демократов, а также молодых, но довольно популярных «зеленых». Еще более драматично смотрится статистика по голосованию членов профсоюзов, где «Альтернатива» также на втором месте, но со значительно меньшим отрывом от лидера. Но наиболее болезненным ударом для тред-юнионов стало то, что их сторонники поддержали АдГ в большей степени, чем средний немецкий избиратель.

Я. Фахими, председатель ОНП, выступила со специальным заявлением по итогам выборов: «Несмотря на то, что глубочайшим образом обеспокоена положительными результатами на выборах в Европе правых популистов и крайне правых, от этих выборов исходят важные сигналы. Демократические силы, сформировавшиеся в последние месяцы, должны сохранять свою при-

¹ Europa 2024: So haben Gewerkschafter*innen gewählt. URL: <https://clck.ru/3Da7S3> (дата обращения 01.04.2024).

верженность и продолжать выступать за мирную, справедливую и социальную Европу»¹. Лидер профсоюзов ФРГ добавила, что эти выборы должны стать хорошим стимулом для заботы о правах трудящихся, что, на наш взгляд, можно понимать и таким образом, что голосование за правых могло быть оценено как протестное.

Соответствующие оценки высказало и руководство ряда отраслевых профсоюзов. Председатель *ver.di* Ф. Вернеке по итогам выборов заявил: «Хотя каждый голос за крайне правые партии — это на один голос больше, чем нужно, подавляющее большинство избирателей, участвовавших в голосовании, отдали свой выбор демократическим партиям». Он высказал слова благодарности избирателям и, особенно, активистам *ver.di*, которые постоянно поддерживали свой тред-юнион².

Профсоюзы своими заявлениями показывают сторонникам, что не могут примириться с достижениями своего главного политического противника на данном этапе, но также и то, что «держат удар» и демонстрируют готовность к дальнейшей борьбе.

Анализ деятельности профсоюзов в ходе выборов в Европарламент в 2024 году показывает, что, не являясь прямыми участниками выборов, они, тем не менее, приняли активное участие в кампании и, по нашему мнению, оказали на нее существенное влияние.

Объединения работников сформулировали и официально опубликовали свои требования к политическим программам партий по всему спектру вопросов, относящихся к полномочиям Европейского союза. Профсоюзы взяли на себя как роль центров выработки решений и политических компетенций, так и функцию лоббирования интересов своих сторонников.

Тред-юнионы развернули масштабную агитационную кампанию, оказывали влияние на политические симпатии своих членов. В частности, они выразили свою полную поддержку СДПГ и «Левой», подав четкий сигнал избирателям. При этом, как мы выяснили, еще более важной задачей для профсоюзов было снижение рейтингов «Альтернативы для Германии», и проведенная в этом направлении работа показала их способность выступать консолидированно и концентрировать значительные ресурсы на решении важнейших задач. Несмотря на впечатляющие успехи «правых» на выборах профсоюзы дали понять, что для них схватка не закончена и они позиционируют себя как мощный противовес данной политической силе. Для кон-

---

¹ DGB – Vorsitzende Fahimi zur Europawahl: Engagement für friedliches, gerechtes und soziales Europa aufrechterhalten. URL: <https://clck.ru/3DStfJ> (дата обращения 01.04.2024).

² Europawahl 2024. URL: <https://www.verdi.de/europawahl> (дата обращения 01.04.2024).

статации субъектности имеет значение само взаимодействие с другими акторами, которое может носить и конфликтный характер.

Сознательным образом и целенаправленно изменяя политическую действительность в своих интересах и в интересах своих сторонников, профсоюзы проявляют свою политическую субъектность. В достижении поставленных целей они используют сформированный на протяжении многих десятилетий авторитет в немецком обществе, законодательно закрепленные гарантии деятельности, широкие возможности продвижения предлагаемых идей через наработанные информационно-коммуникационные возможности и, главное, многомиллионную армию своих членов. Несмотря на кадровые издержки, понесенные с 1990-х гг., тред-юнионы по-прежнему сильны, число входящих в эти объединения людей кратно превосходит численность немецких политических партий, а такие объединения, как Промышленный профсоюз металлистов (IG Metall) и Объединённый профсоюз работников сферы услуг (ver.di) – не только крупнейшие в Германии, но и одни из крупнейших в мире. Уникальная профсоюзная система ФРГ остается политическим игроком высшей лиги.

Литература

1. Жаркова С.Л., Кузьменков А.А. Роль профсоюзов в создании устойчивого общественного положения в социальной сфере // Альманах Крым. 2023. №38. С. 53-67.
2. Избиенова Т.А., Шемякин Р.К. Европейский опыт регулирования коллективных трудовых отношений в пандемию // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. №4. С. 54-56. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2021-4-54-56>
3. Климова С.Г. Профсоюзы в поисках влияния // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва: Институт социологии РАН, 2006. С. 231-247.
4. Конуров А.И., Будылин К.Ю. Субъектность как политологическая категория // Власть. 2012. 6. С. 148-152.
5. Модели профсоюзного движения: история и современность (зарубежный опыт) / Д.В. Лобок, Г.М. Бирженюк, О.Н. Громова [и др.]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2020. 240 с.
6. Рожин А.А. Профсоюзы в Германии: вызовы и решения // Современная Европа. 2023. №6. С. 154-166. <https://doi.org/10.31857/S020170832306013X>
7. Хунагов Р.Д. Политическая субъектность: философско-политический анализ: автореф. дис. ... к. ф. н. Ростов-на-Дону, 1993. 20 с.
8. Artus I., Holland J. Trade Unions, Collective Bargaining and Gender in Germany. In: Elomäki, A., Kantola, J., Koskinen Sandberg, P. (eds) Social Partners and Gender Equality. Gender and Politics. Palgrave Macmillan, Cham. 2022. P. 223-244. https://doi.org/10.1007/978-3-030-81178-5_10
9. Cecchetti L. The European Court of Justice and Trade Union Power in Europe. In: Colfer, B. (eds) European Trade Unions in the 21st Century. St. Antony's Series. Palgrave Macmillan, Cham. 2022. P. 45-69. https://doi.org/10.1007/978-3-030-88285-3_3

10. Dörre K. Gewerkschaften und Rechtspopulismus — gibt es einen Zusammenhang? // Rechte Orientierungen bei Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmern. Dokumentation im Auftrag der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn, 2007. S. 24–34.
11. Dörre K. In der Warteschlange. Arbeiterinnen und die radikale Rechte. Verlag Westfälisches Dampfboot. Münster, 2020.
12. Knudsen K. Syndicalism and strikes in Denmark, 1917–1920: The Syndicalist Challenge to Social Democratic Trade Union Leadership. In: Jørgensen, J., Mikkelsen, F. (eds) Trade Union Activism in the Nordic Countries since 1900. Palgrave Studies in the History of Social Movements. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 69–91. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08987-9_4
13. Mikkelsen F., Jørgensen J. Trade Union Activism in the Nordic Countries: Introduction. In: Jørgensen, J., Mikkelsen, F. (eds) Trade Union Activism in the Nordic Countries since 1900. Palgrave Studies in the History of Social Movements. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 1–14. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08987-9_1
14. Olstad F. The Norwegian Experience: Trade Union Opposition and Local Activism, 1900–1939. In: Jørgensen, J., Mikkelsen, F. (eds) Trade Union Activism in the Nordic Countries since 1900. Palgrave Studies in the History of Social Movements. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 47–67. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08987-9_3
15. Oyelere M., Ige-Olaobaju A., Maini R. Trade Union Revitalisation: The Impact of Artificial Intelligence and Gig Economy. In: Adisa, T.A., Mordi, C. (eds) HRM in the Global South. Palgrave Macmillan, Cham. 2022. P. 399–424. https://doi.org/10.1007/978-3-030-98309-3_15
16. Rechtspopulismus und Gewerkschaften. Eine arbeitsweltliche Spurensuche / D. Sauer, U. Stöger, J. Bischoff [et al.]. Hamburg: VSA, 2018.

References

1. Zharkova S.L., Kuz'menkov A.A. Rol' profsoyuzov v sozdanii ustoichivogo obshchestvennogo polozheniya v sotsial'noi sfere. Al'manakh Krym. 2023. №38. S. 53–67.
2. Izbienova T.A., Shemyakin R.K. Evropeiskii opyt regulirovaniya kollektivnykh trudovykh otnoshenii v pandemiyu. Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2021. №4. S. 54–56. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2021-4-54-56>
3. Klimova S.G. Profsoyuzy v poiskakh vliyaniya. Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik – 2005 / Otv. red. L.M. Drobizheva. Moskva: Institut sotsiologii RAN, 2006. S. 231–247.
4. Konurov A.I., Budylin K.Yu. Sub"ektnost' kak politologicheskaya kategoriya. Vlast'. 2012. 6. S. 148–152.
5. Modeli profsoyuznogo dvizheniya: istoriya i sovremennost' (zarubezhnyi opyt) / D.V. Lobok, G.M. Birzhenyuk, O.N. Gromova [i dr.]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gumanitarnyi universitet profsoyuzov, 2020. 240 s.
6. Rozhin A.A. Profsoyuzy v Germanii: vyzovy i resheniya. Sovremennaya Evropa. 2023. №6. S. 154–166. <https://doi.org/10.31857/S020170832306013X>
7. Khunagov R.D. Politicheskaya sub"ektnost': filosofsko-politicheskii analiz: avtoref. dis. ... k. f. n. Rostov-na-Donu, 1993. 20 s.
8. Artus I., Holland J. Trade Unions, Collective Bargaining and Gender in Germany. In: Elomäki, A., Kantola, J., Koskinen Sandberg, P. (eds) Social Partners and Gender Equality. Gender and Politics. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. P. 223–244. https://doi.org/10.1007/978-3-030-81178-5_10

9. Cecchetti L. The European Court of Justice and Trade Union Power in Europe. In: Colfer, B. (eds) *European Trade Unions in the 21st Century*. St. Antony's Series. Palgrave Macmillan, Cham. 2022. P. 45–69. https://doi.org/10.1007/978-3-030-88285-3_3
10. Dörre K. Gewerkschaften und Rechtspopulismus — gibt es einen Zusammenhang? Rechte Orientierungen bei Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmern. Dokumentation im Auftrag der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn, 2007. S. 24–34.
11. Dörre K. In der Warteschlange. Arbeiterinnen und die radikale Rechte. Verlag Westfälisches Dampfboot. Münster, 2020.
12. Knudsen K. Syndicalism and strikes in Denmark, 1917–1920: The Syndicalist Challenge to Social Democratic Trade Union Leadership. In: Jørgensen, J., Mikkelsen, F. (eds) *Trade Union Activism in the Nordic Countries since 1900*. Palgrave Studies in the History of Social Movements. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 69–91. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08987-9_4
13. Mikkelsen F., Jørgensen J. Trade Union Activism in the Nordic Countries: Introduction. In: Jørgensen, J., Mikkelsen, F. (eds) *Trade Union Activism in the Nordic Countries since 1900*. Palgrave Studies in the History of Social Movements. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 1–14. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08987-9_1
14. Olstad F. The Norwegian Experience: Trade Union Opposition and Local Activism, 1900–1939. In: Jørgensen, J., Mikkelsen, F. (eds) *Trade Union Activism in the Nordic Countries since 1900*. Palgrave Studies in the History of Social Movements. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. P. 47–67. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08987-9_3
15. Oyelere M., Ige-Olaobaju A., Maini R. Trade Union Revitalisation: The Impact of Artificial Intelligence and Gig Economy. In: Adisa, T.A., Mordi, C. (eds) *HRM in the Global South*. Palgrave Macmillan, Cham. 2022. P. 399–424. https://doi.org/10.1007/978-3-030-98309-3_15
16. Rechtspopulismus und Gewerkschaften. Eine arbeitsweltliche Spurensuche / D. Sauer, U. Stöger, J. Bischoff [et al.]. Hamburg: VSA, 2018.

Д.И. Каминченко

D. Kaminchenko

**«СОЮЗ САРЫ
ВАГЕНКНЕХТ» КАК
НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СИЛА ГЕРМАНИИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ФРЕЙМ-
АНАЛИЗА**

**“BÜNDNIS SAHRA
WAGENKNECHT” AS A
NEW POLITICAL FORCE IN
GERMANY: RESULTS OF
FRAME-ANALYSIS**

Аннотация

Когда в странах с парламентской системой правящая коалиция теряет поддержку избирателей, а самыми популярными партиями становятся их оппоненты, это способно вызвать внутривнутриполитический кризис. Одним из вероятных ответов на него может стать появление новой политической силы, способной сплотить вокруг себя часть электората других партий и стать весомым игроком для формирования коалиции. Подобная ситуация сложилась в современной Германии, а новая сила – это «Союз Сары Вагенкнехт», созданный в сентябре 2023 года. Данная работа посвящена изучению такой научной проблемы, как влияние кризисных явлений на появление новых политических сил, а её цель – изучив программу указанной партии, выявить основные смысловые рамки-фреймы, используемые её представителями. С помощью фрейм-анализа в работе рассмотрены программные документы и заявления лидеров «Союза». Наиболее часто в проанализированном информационном массиве данных встречались такие фреймы, как «Цели партии», «Инструменты достижения целей партии», «Текущая ситуация в стране» и «Отношения с партией «Левые». Установлены и менее распространенные фреймы «второго эшелона» – «Желания и устремления граждан страны», «Возвращение разумной политики», «Противодействие радикализму», «Борьба с ограничением прав граждан», «Отношение к вопросу иммиграции», «Ценности», «Устремленность в будущее» и т.д. Выявлены глубинные смысловые, интерпретационные шаблоны, используемые

Abstract

When, in countries with a parliamentary system, the ruling coalition loses the support of voters, and their opponents become the most popular parties, this can cause an internal political crisis. One of the likely answers to this may be the emergence of a new political force capable of rallying around itself part of the electorate of other parties and becoming a significant player in forming a coalition. A similar situation has developed in modern Germany, and the new force is the “Bündnis Sahra Wagenknecht”, created in September 2023. This research is devoted to the study of such a scientific problem as the influence of crisis phenomena on the emergence of new political forces. The research goal is to study the program of the specified party and identify the main semantic frames used by its representatives. Using frame analysis, there is a consideration of policy documents and statements by the leaders of the “Bündnis Sahra Wagenknecht”. The most common frames in the analyzed information array were “Party Goals”, “Tools for Achieving Party Goals”, “Current Situation in the Country” and “Relations with the Left Party”. Less common “second echelon” frames have also been established - “The desires and aspirations of the country’s citizens”, “The return of reasonable policies”, “Countering radicalism”, “The fight against restrictions on the rights of citizens”, “Attitudes towards the issue of immigration”, “Values”, “Aspiration into the future”, etc. The deep semantic and interpretive patterns used by party representatives and determining the content of the frames have been identified - (1) the

представителями партии и определяющие содержание фреймов – (1) необходимость глубоких изменений в обществе; (2) примат национального над глобальным и интернациональным; (3) готовность к объединению и консолидации с другими общественными и политическими силами. Полученные результаты и выводы позволяют более основательно разобраться в складывающейся партийно-политической картине в современной Германии.

Ключевые слова:

политическая партия, парламентская система, политический кризис, Германия, «Союз Сары Вагенкнехт», фрейм-анализ, интерпретационные шаблоны.

need for profound changes in society; (2) the primacy of the national over the global and international; (3) readiness to unite and consolidate with other social and political forces. The results obtained and the conclusions drawn allow to more thoroughly understand the emerging party-political picture in modern Germany. They can be used in the future to study political changes occurring in times of crisis in countries with a parliamentary model.

Key words:

political party, parliamentary system, political crisis, Germany, "Bündnis Sahra Wagenknecht", frame analysis, interpretive patterns.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-103-118>

Различные политические системы в своем функционировании проходят разные этапы, включая как периоды зарождения, расцвета и устойчивого развития, так – и колебаний, кризисов и трансформаций. Кризисные периоды развития политических систем проявляются через призму различных общественных и политических процессов. Не остаются в стороне от подобных эпизодов и парламентские системы, которые могут оказываться в состоянии правительственного кризиса, вызванного, например, длительными переговорами между политическими партиями по поводу создания коалиции и формирования кабинета министров (как это было, в частности в Федеративной Республике Германия в 2017-2018 гг. или в Швеции в 2018 году) или объявлением вотума недоверия правительству со стороны парламента (как это произошло в 2021 году в Швеции).

Помимо непосредственно институциональной проекции кризиса парламентской системы возникают и ситуации, когда партии-участницы коалиции теряют поддержку со стороны общества, и заметно большую популярность приобретают их оппоненты. Правительство сегодняшней Германии сформировано так называемой «светофорной коалицией» (основные цвета партий-членов коалиции – «Социал-демократической партии Германии» (СДПГ), «Свободной демократической партии» (СвДП) и партии «Зеленые» – совпадают с цветами светофора). При этом по разным данным текущих опросов общественного мнения (20-е числа февраля 2024 года – период проведения данного исследования), самый высокий электоральный рейтинг (демонстрирующий готовность респондента проголосовать за конкретную партию в случае, если выборы пройдут в ближайшие выходные дни) у консервативного

блока «Христианско-демократический союз/Христианско-социальный союз» (ХДС/ХСС), а на втором месте – праворадикальная партия «Альтернатива для Германии» (АдГ). В свою очередь, показатель электорального рейтинга СДПГ более чем в 2 раза уступает аналогичному показателю партии ХДС/ХСС и занимает третье место¹. Причем, следующие выборы в Бундестаг состоятся только в 2025 году, поэтому теоретически текущий кабинет министров должен проработать в нынешнем составе ещё порядка 1,5 года.

Снижение уровня поддержки правящей коалиции может быть вызвано разочарованием немецкого общества в проводимой правительством политике и заключать в себе запрос на приход к власти альтернативных сил, а также – возможно, и на появление новых политических игроков, в целом. Это подтверждается тем, что в октябре 2023 года в Германии было объявлено о начале формирования новой политической партии – «Союза Сары Вагенкнехт», а уже в феврале 2024 года уровень её электоральной поддержки превысил показатели СвДП и партии «Левые» (экс-члены которой и сформировали «Союз»)². Подобная динамика общественно-политических настроений свидетельствует о появлении на немецкой политической сцене нового игрока, способного в будущем оказать определенное влияние на формирование правящей коалиции. Причем, электоральный рейтинг «Союза Сары Вагенкнехт» в таких землях, как Бранденбург и Тюрингия, где осенью 2024 года пройдут выборы в региональные парламенты, ощутимо выше, чем в среднем по стране³.

Данное исследование направлено на изучение программы указанной политической партии, а ключевая цель работы заключается в выявлении основных смысловых рамок-фреймов, выражаемых партией и её лидером.

В последнее время теме изучения особенностей партийной системы ФРГ, в целом, и деятельности различных немецких политических партий уделено немало внимания в научной литературе [4; 8; 9; 11; 12; 14; 17; 19].

Одним из направлений исследований в указанной предметной области является анализ позиций политических партий Германии по тому или иному вопросу или проблеме, в том числе, декларируемой по каналам различных средств массовой информации. Например, в относительно недавно опубликованной работе коллектива авторов – Р. Кёстерса и др.– изучается то, в какой степени в СМИ отражены основные интерпретационные, смысловые рамки-фреймы, используемые популярными немецкими партиями в дебатах на тему миграции и присутствия беженцев на территории ФРГ. Степень же

---

¹ Sonntagsfrage Bundestagswahl. 2024. URL: <https://www.wahlrecht.de/umfragen/> (дата обращения 01.04.2024).

² Там же.

³ Landtagswahlumfragen. 2024. URL: <https://www.wahlrecht.de/umfragen/landtage/> (дата обращения 01.04.2024).

подобного «политического параллелизма» («politischen Parallelismus») ученые определяют благодаря проведению контент-анализа материалов СМИ и документов семи партий, представленных в парламенте – Бундестаге [13]. При этом они отмечают, что фрейминг и формируемые с его помощью интерпретационно-смысловые рамки применительно к общественным процессам и проблемам столь же противоречивы, как и политические позиции, с которыми они ассоциируются [13, р. 466].

Общественная дискуссия, развернувшаяся в Германии вокруг европейского экономического кризиса 2010 года и отражение данной темы в политических ток-шоу, рассматривается в работе Д. Лихтенштайна и А. Половников. Авторы указанной работы изучают содержание публичного обсуждения темы сохранения зоны евро (через призму политизации возникших в Европейском Союзе проблем) и участия в нем различных акторов. Причем, политические партии и другие акторы с экспертным статусом («Akteure mit Expertenstatus») рассматриваются учеными как возможные движущие силы политизации данного вопроса. В их исследовании также используется контент- и фрейм-анализ: авторы выделяют два генеральных тематических фрейма-рамки – экономический и институциональный (и приводят их различия) [15, р. 209].

Востребованным в последнее время является и такое направление исследований политических партий Германии, как изучение особенностей их поддержки со стороны избирателей. В недавно опубликованной работе Д. Барона и А. Гёртц среди прочего изучается вопрос о том, какую роль сыграло изменение отношения немецких граждан к миграционной и экономической ситуации в трансформации их партийных предпочтений, в частности, уход от поддержки «Христианско-демократического союза/Христианско-социального союза» и «Социал-демократической партии Германии» в сторону партии «Альтернатива для Германии» [5]. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что среди избирателей обеих партий фактор беспокойства относительно иммиграции существенно влияет на возможность их «электорального перехода» к поддержке АдГ. В свою очередь, фактор восприятия экономической ситуации как неопределенной в этом вопросе играет меньшую роль [5, р. 345].

Комплексный сравнительный анализ факторов, способствующих электоральной поддержке крайне правых популистских сил в Австрии и Германии, проводят в одной из своих работ Ю. Партеймюллер и Ш. Вальтер [18, р. 534]. По мнению ученых, полученные ими результаты, в целом, указывают на значительное сходство факторов, влияющих на голосование избирателей двух государств за праворадикальные партии. Причем, такие факторы, как антииммигрантские и популистские настроения, а также – идеологическая близость показали похожие для обеих стран эффекты, в то время как

«экономический пессимизм» («economic pessimism») имел большее значение в Австрии, чем в Германии [18, p. 548].

Более того, ученые на примере Германии изучают и готовность людей к партийной активности, определяя роль в этом вопросе мотивации и вовлеченности индивида в социальные сети [6]. Помимо прочего они выдвигают такие гипотезы, как: «высокий уровень политического интереса приводит к усилению мотивации на активное участие в деятельности партии»; «сильная вовлеченность в профессиональные и социальные сети способствует повышению степени готовности к участию в партийной жизни»; «высокий уровень доверия к политическим партиям приводит к повышению готовности активно участвовать в их деятельности» и т.д. [6, p. 34-35].

Как показали результаты исследования, интерес индивида к политике относительно ряда других факторов оказывает существенное влияние на его готовность к сотрудничеству с политической партией, а вот гипотеза о влиянии фактора интенсивной вовлеченности человека в социальные и профессиональные сети на его готовность к партийной деятельности своего подтверждения не нашла. Вместе с тем, в работе подтверждается идея о том, что высокий уровень доверия индивида к политическим партиям способствует повышению степени готовности к сотрудничеству с ними [6, p. 37; 40].

Взаимосвязь партийной системы и других элементов и особенностей политической структуры немецкого государства также анализируется в научном сообществе. В качестве примера приведем недавно опубликованное исследование Ф. Граэба и П. Бернхагена, в котором изучается вопрос о том, в какой степени такие факторы, как размер муниципалитета, избирательные и партийные системы, воспринимаемая индивидами значимость политики локального уровня, способствуют объяснению различий в участии избирателей на местных выборах. Для этой цели они анализируют особенности явки избирателей на местных выборах 2014 года в девяти федеральных землях Германии [10]. По результатам проведенного ими регрессионного анализа, в частности, установлено наличие значительной и при этом отрицательной связи между показателем размера муниципалитета и уровнем явки избирателей в нем. Кроме того, в муниципалитетах, где в избирательном бюллетене используется принцип открытых списков, явка избирателей оказалась на 4,6-11,4 процентных пункта меньше, чем в муниципалитетах, где используется принцип закрытых списков [10, p. 489-490].

Отдельное и актуальное направление исследований составляют работы, посвященные влиянию современных информационно-коммуникационных технологий на партийно-политические процессы. Отталкиваясь, в том числе и от особенной политической коммуникации последних лет в Германии, Ф.

Дариус и А. Рёммеле в одной из своих работ рассматривают потенциальные последствия внедрения и использования текущих приложений генеративно-искусственного интеллекта для проведения демократических выборов и политических кампаний в отношении трех групп действующих акторов: политические кандидаты и партии; «формально независимые» от политических кампаний граждане, неправительственные организации (НПО) и другие зарубежные государства; «субъекты управления избирательной кампанией» («Governance Akteure von Kampagnenumgebungen») [7, p. 200-201].

Несмотря на наблюдаемый в последнее время, немалый исследовательский интерес к теме изучения особенностей функционирования политических партий и партийной системы в Германии, в указанном предметном направлении сохраняются определенные лакуны, в частности, по-прежнему актуальным и востребованным остается выявление и анализ закономерностей, присущих кризисным политическим ситуациям, как-то: потеря поддержки правящей коалиции партий со стороны большинства немецкого общества. Безусловной актуальностью обладает и изучение изменений партийного ландшафта, вызванных появлением новых политических партий, способных оказать влияние на процесс построения коалиций на разных уровнях (как федеральном, так и региональном). Речь в данном случае может идти, например, о такой партии, как «Союз Сары Вагенкнехт». Поэтому в текущей работе предпринята попытка рассмотрения содержания программы новой партии и установления её основных смысловых рамок-фреймов.

Теоретико-концептуальную основу исследования составляет теория символического интеракционизма. В её основе, как пишет Г. Блумер, находятся три послышки, одна из которых заключается в том, что «люди действуют в отношении вещей исходя из значений, которые эти вещи для них имеют», а вторая послышка состоит в том, что «значение вещей выводится или возникает из социального взаимодействия, в которое человек вступает с окружающими». Третья послышка символического интеракционизма заключается в том, что «значения используются и преобразуются в ходе интерпретативного процесса, посредством которого человек обращается с вещами, с которыми сталкивается» [2, с. 38-39]. В программных заявлениях и документах политических субъектов отражается отношение политиков к тем или иным вопросам и проблемам, причем содержательно эта оценка может быть результатом проявления индивидуального или коллективного характера, т.е. в ней находят свое отражение, как интересы отдельных индивидов, так и групп. В ней же проецируются и результаты интерпретации индивидом и группой тех или иных вопросов и процессов.

Понятие «символ», по мнению А.Г. Кузнецова, в фокусе указанной теории решает проблему присутствия/отсутствия, причем «в ходе взаимодей-

ствия символы позволяют замещать что-то (события, вещи...), что отсутствует здесь и сейчас, а до и после взаимодействия – замещать само это взаимодействие и его перипетии, делая возможным согласованное (коллективное) действие» [3, с. 69]. Изучение знаково-символического наполнения программы политической партии и заявлений её лидеров позволяет выявить основные смысловые конструкты, которыми оперирует партия и её представители. Более того, анализ взаимодействия между собой различных знаково-символических элементов позволяет выявить демонстрируемые политическим актором акценты, а также – их специфику, тем самым, наделяя исследователя релевантным инструментарием для сравнительного изучения программных документов и речей различных субъектов политики. Всё это объясняет выбор обозначенной теории в качестве основной для проводимого исследования.

Ключевой эмпирический метод, используемый в работе – фрейм-анализ. Представители научного сообщества нередко обращают свое внимание на указанный метод [1; 16; 20]. В частности, в одной из своих работ Н.И. Андреев отмечает, что «в избирательном дискурсе можно различать фреймы-структуры, фреймы-планы, фреймы-сценарии, фреймы-ситуации и др.», приводя в качестве примера используемые парламентскими политическими партиями Германии фреймы-ситуации – «Коалиционный договор», «Правительственный кризис», «Окружающая среда» и т.д. Он выделяет и типовые слоты – элементы, конкретизирующие содержание определенной смысловой части фрейма – например, в рамках фрейма-сценария «Выборы» он указывает такие слоты, как «разработка программ», «выдвижение кандидатов», «привлечение избирателей» и т.д. [1, с. 197].

В русле данной работы необходимо обратить внимание и на концепцию фрейминга. Фрейминг, по мнению Б. Шёйфеле, означает акцентированную фокусировку внимания на каких-либо определенных классах объектов и отношений, представляющих фрагменты действительности, а – не на других (классах объектов и отношений). Схожим образом фрейминг подразумевает применение и определенных стандартов интерпретации к выбранным типам объектов [20, р. 34-35].

Программные документы и заявления политических лидеров и партий презентуют собой целый набор фреймов и конкретизирующих их элементов – слотов, которые в свою очередь, позволяют установить и наличие определенных интерпретационных стандартов, используемых субъектами политики. Выявленные стандарты интерпретации нередко отражаются в названии, как самих слотов, так и образуемых ими фреймов. В текущем исследовании мы попытаемся рассмотреть не только фреймы, но и конкретизирующие их эле-

менты, которые представлены партией «Союз Сары Вагенкнехт» в своих программных документах и заявлениях.

Информационный блок данных, используемых для анализа, составили тексты программы новой партии¹, коллективного обращения лидеров партии², посвященного её созданию и выступлений Сары Вагенкнехт на дебатах в немецком парламенте в период после появления изучаемой партийной организации³. Выбранный массив вполне соответствует поставленной в работе цели. Объем текстовой выборки представляется достаточным для проведения анализа преимущественно качественного типа.

По итогам проведения текстового анализа удалось выявить целый ряд фреймов, встречающихся в информационном массиве. Во-первых, самым популярным, на наш взгляд, является фрейм, который можно обозначить, как «Цели партии». Его содержание составляют следующие слоты: (1) «Развитие экономики» («Мы стремимся к инновационной экономике с честной конкуренцией, хорошо оплачиваемыми и безопасными рабочими местами и высоким показателем добавленной стоимости в промышленности, справедливой налоговой системой и сильным средним классом»); (2) «Технологическое развитие» («Нам нужно больше технологий будущего, сделанных в Германии...»); (3) «Борьба с изменением климата и разрушением окружающей среды» («...разработка ключевых инновационных технологий для климатически нейтральной и экологически чистой экономики будущего»); (4) «Развитие социума» («Мы хотим остановить распад социальной сплоченности и снова привести политику в соответствие с общим благом. Наша цель – справедливое, меритократическое общество с реальными равными возможностями и высоким уровнем социальной защищенности»); (5) «Поддержание международной безопасности» («Мы стремимся к новой эре разрядки и новым договорам по разоружению и общей безопасности»; «Наша цель – независимая Европа суверенных демократий в многополярном мире, а не новая межблоковая конфронтация...»); (6) «Защита демократических прав и свобод» («Мы хотим возродить демократическое волеизъявление, расширить демократическое участие и защитить личную свободу»)⁴; (7) «Строительство

---

¹ Unser Gründungsmanifest. Bündnis Sahra Wagenknecht. February 2024. URL: <https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/bsw/> (дата обращения 01.04.2024).

² Warum wir Die Linke verlassen. 2024. URL: <https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/aktuelles/> (дата обращения 01.04.2024).

³ Die Ampel befindet sich nicht in einer Notlage, sie ist die Notlage. Rede von Sahra Wagenknecht in der Bundestagsdebatte vom 15.12.2023 zur Haushaltsnotlage. 2024. URL: <https://clck.ru/3Da79e>; Senken Sie die Energiepreise, bevor es zu spät ist". Rede von Sahra Wagenknecht in der Haushaltsdebatte des Bundestags. 2024. URL: <https://clck.ru/3Da7Ao> (дата обращения 01.04.2024).

⁴ Unser Gründungsmanifest. Bündnis Sahra Wagenknecht. 2024. URL: <https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/bsw/> (дата обращения 01.04.2024).

новой партии» («Мы также хотим создать для них (членов партии «Левые» – примечание автора) новый политический дом с помощью новой партии»)¹.

Во-вторых, популярным стал и такой фрейм, как «Инструменты достижения целей партии», включающий в себя ряд следующих содержательных слотов: (1) «Реформирование экономики» («Для этого мы хотим ограничить власть рынка и изменить роль доминирующих в нем компаний»; «Нам нужны фонды для поддержки инновационных местных компаний и стартапов, а не субсидии для зарубежных корпораций»²; «Снизьте цены на энергоносители – пока не стало слишком поздно...»)³; (2) «Общие изменения в социальной и управленческой среде» («Чтобы предотвратить экономический спад в нашей стране, необходимы масштабные инвестиции в нашу систему образования, нашу общественную инфраструктуру и в компетентное и эффективное управление»; «Приватизация и коммерциализация основных услуг, таких как здравоохранение и уход за людьми... должны быть остановлены; некоммерческие поставщики услуг должны иметь приоритет в этих секторах»); (3) «Выстраивание стабильных торговых отношений с максимально возможным числом стран» («Германия нуждается во внешнеторговой политике, которая опирается на стабильные торговые отношения с как можно большим количеством партнеров вместо формирования новых блоков и чрезмерных санкций и которая обеспечивает нам поставки сырья и недорогой энергии»); (4) «Разоружение и построение новой архитектуры безопасности» («Вместо инструмента силы для достижения геополитических целей нам нужен оборонительный альянс, который уважает принципы Устава ООН, стремится к разоружению, а не к перевооружению... Европе нужна стабильная архитектура безопасности, которая в долгосрочной перспективе должна включать и Россию»)⁴.

В-третьих, одним из самых распространенных стал фрейм – «Текущая ситуация в стране» с абсолютным доминированием в нем слота – «Кризис в Германии» («Наша страна находится не в лучшей форме»)⁵. В рамках обозначенного слота целесообразно выделить сразу несколько подгрупп: (1) «Кризис внутреннего управления и представительства» («Нет, «светофор» находится не в аварийном состоянии. «Светофор» – это чрезвычайная ситуа-

---

¹ Warum wir Die Linke verlassen. 2024. URL: <https://clck.ru/3Da7JT> (дата обращения 01.04.2024).

² Unser Gründungsmanifest. Bündnis Sahra Wagenknecht. 2024. URL: <https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/bsw/> (дата обращения 01.04.2024).

³ Senken Sie die Energiepreise, bevor es zu spät ist. Rede von Sahra Wagenknecht in der Haushaltsdebatte des Bundestags am 31.01.2024. 2024. URL: <https://clck.ru/3Da7HW> (дата обращения 01.04.2024).

⁴ Unser Gründungsmanifest. Bündnis Sahra Wagenknecht. 2024. URL: <https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/bsw/> (дата обращения 01.04.2024).

⁵ Там же.

ция для нашей страны»¹; «В течение многих лет правительства игнорировали пожелания большинства»; «Многие люди потеряли доверие к государству и больше не чувствуют себя представленными ни одной из существующих партий»); (2) «Кризис в экономике» («Энергия внезапно стала дороже, нашей стране грозит потеря важных производств и сотен тысяч хорошо оплачиваемых рабочих мест»; «Политика, на которую влияют корпорации, а также провал антимонопольных органов создали рыночную экономику, в которой многие рынки больше не функционируют»); (3) «Кризис в социальной сфере» («Неравенство в нашей стране растет уже много лет»; Многие пожилые люди не могут наслаждаться выходом на пенсию после долгой трудовой деятельности, потому что у них унижительно низкие пенсии»)²; (4) «Кризис внешнеполитического курса» («Внешняя политика Германии разжигает конфликты вместо поиска мирных решений. Конфликты на международном уровне обостряются, формирование нового блока представляет собой угрозу миру во всем мире и приведет к масштабным экономическим потрясениям»).

Отдельно в рамках указанного фрейма выделим слот – «Кризис внутри партии «Левые» («История партии «Левые» после европейских выборов 2019 года – это история политических поражений»), а также – «Рост популярности партии «Альтернатива для Германии» («Неспособность правительства справиться с кризисами нашего времени и сужение принятого коридора мнений («die Verengung des akzeptierten Meinungskorridors») выдвинули АдГ на вершину»)³.

В-четвертых, популярным стал и такой фрейм, как «Отношения с партией «Левые». Это неслучайно, так как в информационный массив анализируемых данных авторами отобран документ – коллективное обращение лидеров партии, посвященное её созданию – в котором особое внимание уделено вопросам коммуникации с партией левых. В рамках обозначенного фрейма выделяется несколько слотов, среди них: (1) «Трудность отделения от партии «Левые» («Мы решили покинуть партию «Левые» и построить новую партию. Этот шаг дался нам нелегко, потому что «Левые» были нашим политическим домом на протяжении многих лет или даже десятилетий»); (2) «Конфликт внутри партии левых» («Мы неоднократно предупреждали, что акцент на городской, молодой и активистской среде отталкивает наших традиционных из-

---

¹ Die Ampel befindet sich nicht in einer Notlage, sie ist die Notlage“. Rede von Sahra Wagenknecht in der Bundestagsdebatte vom 15.12.2023 zur Haushaltsnotlage. 2024. URL: <https://clck.ru/3Da7Cx> (дата обращения 01.04.2024).

² Unser Gründungsmanifest. Bündnis Sahra Wagenknecht. 2024. URL: <https://clck.ru/3Da7Ev> (дата обращения 01.04.2024).

³ Warum wir Die Linke verlassen. 2024. URL: <https://clck.ru/3Da7Fo> (дата обращения 01.04.2024).

бирателей. Мы неоднократно пытались остановить упадок партии, изменив ее политический курс»; (3) «Отсутствие оппозиции по отношению к партии «Левые» («Левые» не являются нашим политическим оппонентом») и т.д.¹

По степени представленности четыре обозначенных фрейма наиболее популярны в изученном текстовом массиве. Определить количественный показатель частоты встречаемости каждого из них, к сожалению, представляется крайне затруднительным, так как выбор единицы счета в этом случае не выглядит очевидным. Помимо уже указанных выделим ещё ряд фреймов, распространенность которых ощутимо меньше.

К фреймам «второго эшелона» можно отнести – (1) «Желания и устремления граждан страны» («Они (граждане – примечание автора) хотят ответственной политики для поддержания нашей экономической мощи, социального баланса и справедливого распределения ресурсов, мирного сосуществования между народами...»); (2) «Возвращение разумной политики» («Мы – за возвращение разума в политику»); (3) «Противодействие радикализму» («Мы отвергаем правые экстремистские, расистские и «жестокие» идеологии любого рода»); (4) «Борьба с ограничением прав граждан» («Мы осуждаем попытки всестороннего мониторинга и манипулирования людьми со стороны корпораций, спецслужб и правительств»); (5) «Отношение к вопросу иммиграции» («Иммиграция и сосуществование различных культур могут обогатить страну. Однако это применимо только до тех пор, пока приток мигрантов остается ограниченным до уровня, который «не перегружает» («nicht überfordert») нашу страну и ее инфраструктуру...»); (6) «Ценности» («Мы противопоставляем этому наши идеи общности, ответственности и единения, которым мы хотели бы снова дать шанс, изменив баланс сил. Наша цель – общество, в котором общее благо превалирует над корыстными интересами...»²; «Но демократия требует разнообразия мнений и открытых дебатов»); (7) «Устремленность в будущее» («Мы обязаны снова серьезно отнестись к борьбе за выбор политического курса страны и её будущее»; «Для этого мы хотим создать новую политическую силу, демократический голос социальной справедливости, мира, разума и свободы»³) и т.д.

Анализ выявленных фреймов и слотов позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, учитывая программный характер изученных документов и заявлений представителей политической партии, вполне очевидно, что существенный акцент в них сделан именно на целях и инструментах для их достижения. Цели

¹ Там же.

² Unser Gründungsmanifest. Bündnis Sahra Wagenknecht. 2024. URL: <https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/bsw/> (дата обращения 01.04.2024).

³ Warum wir Die Linke verlassen. 2024. URL: <https://clck.ru/3Da7JT> (дата обращения 01.04.2024).

партии носят комплексный характер, включая как внутри- и внешнеполитические, так и экономические, социальные, институциональные и иные цели. Вместе с тем обращает на себя внимание и фокусировка партии на теме кризиса в современной Германии. Соответствующий фрейм представлен целым рядом содержательных слотов, что демонстрирует восприятие представителями партии этого кризиса как системного, требующего комплексного подхода. Содержательное наполнение слотами фрейма, посвященного отношениям с партией левых, свидетельствует о тщательном подходе «Союза Сары Вагенкнехт» к позиционированию себя по отношению к данной партии, в котором признается роль левых в генезисе новой политической силы, отмечаются мнения и взгляды членов образованного союза, а также указывается на нежелание конкурировать и бороться с партией «Левые» в дальнейшем (выделяя контрпродуктивный характер подобной поведенческой модели).

Во-вторых, пересечение направленности и содержания слотов сразу нескольких распространенных фреймов говорит о последовательности программно-партийных заявлений «Союза Сары Вагенкнехт», что проявляется, например, между фреймами, посвященными нынешнему кризису в Германии и целям партии. В частности, представители партии указывают на игнорирование правительствами пожеланий большинства немецкого населения (подгруппа №1 слота «Кризис в Германии», фрейма «Ситуация в стране») и при этом отмечают собственное стремление возродить демократическое волеизъявление народа, а также – расширить уровень демократического участия в стране (слот №6 фрейма «Цели партии»). С одной стороны, отмечается обострение международных конфликтов и риски для безопасности от возможного появления новых межгосударственных блоков в мире (подгруппа №4 слота «Кризис в Германии», фрейма «Ситуация в стране»), а с другой – стремление членов партии к построению независимой Европы, состоящей из суверенных государств, не находящихся в рамках каких-либо межблоковых конфронтаций (слот №5 фрейма «Цели партии»).

Содержательно-смысловое пересечение слотов, составляющих фреймы «Цели партии» и «Инструменты достижения целей партии» (например, слоты «Развитие экономики» и «Реформирование экономики» в рамках двух обозначенных фреймов), вполне объяснимо и также свидетельствует о последовательном, а ещё – и о детализированном характере программных заявлений представителей новой внутривнутриполитической силы Германии.

Анализ наиболее популярных фреймов позволяет сделать вывод о том, что «Союз Сары Вагенкнехт» позиционирует себя, прежде всего, как антикризисная политическая партия, четко представляющая основные проблемные стороны развития современной Германии и артикулирующая последова-

тельную и конкретную (при этом – комплексную) программу действий по выходу страны из сложившейся ситуации. Кроме того, партией демонстрируется готовность к сотрудничеству с другими политическими силами, в том числе – с партией «Левые», которая воспринимается не как оппонент, а как возможный партнер в ходе политических дискуссий и переговоров.

В-третьих, анализ выявленных фреймов позволяет сделать выводы относительно ценностно-нормативных аспектов программы изучаемой политической партии. С этой точки зрения в ней представлен ценностный симбиоз, включающий в себя, с одной стороны, идеи единства и сплоченности, где «общее благо превалирует над корыстными интересами», а с другой – идеи защиты демократических прав и свобод, таких, как свобода слова и плюрализм мнений. Кроме того, ключевой политической ценностью, которая должна определять курс государства, называется рационализм (что воплощается в призыве вернуть разум в политику). Он проявляется, например, в сдержанном и взвешенном отношении к вопросу иммиграции (отметим, что, несмотря на актуальность данного вопроса, в программе партии ему уделена сравнительно небольшая доля внимания).

В условиях декларирования обозначенных ценностей «Союз Сары Вагенкнехт» может занять заметное место в левоцентристской политической нише, став важным игроком для формирования коалиции с другими силами. Более того, «Союз» вполне способен претендовать не только на часть электората партий «Левые» и СДПГ, но и на голоса сторонников других партий или неопределившихся избирателей, которые разочарованы как сложившейся ситуацией в Германии в целом, так и действиями, и заявлениями традиционных, крупных политических партий, представленных в Бундестаге.

В-четвертых, результаты проведенного фрейм-анализа позволяют выявить некоторые интерпретационные стандарты-модели, являющиеся основополагающими и смыслообразующими для той картины мира, которая демонстрируется и декларируется представителями изучаемой политической партии в своих программных документах и заявлениях. Эти интерпретационные стандарты-модели во многом определяют наличие/отсутствие и смысловое содержание используемых политиками фреймов, которые, в свою очередь, выступают, своего рода, некой, наполненной определенными символами формой, заключающей в себе тот или иной стандарт интерпретации. Одним из них, на наш взгляд, является необходимость глубоких изменений в обществе, что подтверждается, например, заявлениями представителями партии о потере доверия немецких граждан к государству и правительству или о происходящем распаде сплоченности и единства социума.

Ещё одним интерпретационным стандартом является примат национального над глобальным и интернациональным. «Союз» делает четкий акцент на том, что необходимо развивать собственную экономику за счет, прежде всего, поддержки местного бизнеса, разрабатывать как можно больше технологий будущего именно на территории самой Германии, а для предотвращения экономического спада целесообразно инвестировать средства в немецкую систему образования и общественную инфраструктуру. Кроме того, партия декларирует нацеленность на независимость Европы, состоящей из суверенных государств, что подразумевает проведение национально ориентированной и самостоятельной внутренней и внешней политики страны.

Два обозначенных выше интерпретационных стандарта, по нашему мнению, ключевые, причем они находятся в символично-смысловом взаимодействии друг с другом, так как примат национального над глобальным – это один из основных принципов, которого следует придерживаться при осуществлении глубоких изменений в стране, необходимость которых, в свою очередь, стала возможной благодаря слабой выраженности либо отсутствию обозначенного принципа в проводимой предыдущими и действующими властями Германии политике.

Здесь же можно выделить и ещё один стандарт интерпретации – готовность к объединению и консолидации с другими общественными и политическими силами. Впрочем, по сравнению с двумя ключевыми, указанными выше, он проявляется слабее, хотя и присутствует в логике партийных заявлений и документов. Наиболее наглядно это выражается в декларировании возможности сотрудничества с партией «Левые», несмотря на существующие с ней расхождения. Вместе с тем это проявляется и в высказываемой идее о необходимости сплоченности немецкого общества, что, в любом случае, подразумевает консолидацию и взаимодействие с другими общественными и политическими акторами.

В функционировании политической системы могут наблюдаться различные периоды, связанные с её расцветом или, наоборот, с кризисом и упадком. Парламентская модель реализации системы управления не является исключением. Одним из вариантов появления в ней признаков кризиса является наступление ситуации, когда на протяжении длительного периода после оглашения результатов выборов в парламент не удастся сформировать коалиционный кабинет министров. Ещё один тип ситуаций – когда действующая, правящая коалиция ощутимо теряет популярность среди собственного населения, а до проведения следующих выборов остаётся ещё продолжительный период времени. Подобная ситуация сегодня наблюдается в Германии. Одна из возможных реакций самой политической системы в

сложившихся условиях – это возникновение и/или оформление на политической арене новой силы, способной бросить вызов традиционным субъектам политики. В качестве такой силы может выступать недавно появившийся на немецкой партийно-политической сцене «Союз Сары Вагенкнехт».

Проанализировав содержание программных заявлений данной партии и её лидеров, удалось установить основные фреймы и составляющие их слоты, а также – фреймы «второго эшелона». Фрейм-анализ, тем самым, позволил детально изучить смысловое наполнение программы партии. «Союз» выступает и позиционирует себя, прежде всего, как антикризисная политическая сила, обладающая комплексным взглядом на структуру и особенности сложившейся ситуации в политической, экономической и социальной сферах Германии, и предлагающая системный ответ, включающий точечный набор целей и инструментов их достижения по основным кризисным направлениям. С ценностной и идеологической точек зрения новая партия относится скорее к левоцентристам, но одновременно вполне может опереться и на тех избирателей, кто испытывает разочарование от политики, проводимой традиционными, крупными парламентскими партиями. В этой связи становится крайне актуальным вопрос о стратегии и тактике политической партии на ближайший период, в частности, готова ли она к сотрудничеству с другими политическими силами (если да – то, с какими из них) или она будет стараться двигаться обособленно, чтобы наращивать новый, не теряя при этом уже имеющийся, электорат.

References

1. Andreev N.I. Freimovaya spetsifika politicheskogo diskursa novoi bol'shoi koalitsii Germanii. Russkaya germaniistika. Ezhegodnik Rossiiskogo soyuza germani-stov. 2019. S. 194-203. (In Russ)
2. Blumer G. Simvolicheskii interaksionizm: perspektiva i metod. Moskva: Elementarnye formy, 2017. 346 s. (In Russ)
3. Kuznetsov A.G. Simvolicheskii interaktsionizm i aktornetevaya teoriya: tochki peresecheniya, puti raskhozhdeniya i zona obmena. Sotsiologiya vlasti. 2014. №1. S. 64-74. (In Russ)
4. Angenendt M. Rage against the party machine? Wählergemeinschaften als Alternative im kommunalpolitischen Wettbewerb. Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2021. Vol. 31. № 4. P. 627-641. <https://doi.org/10.1007/s41358-021-00301-3> (in Ger)
5. Baron D., Görtz A. Sozioökonomische und einstellungsbezogene Ursachen für Wanderungen von CDU/CSU - und SPD-Wähler*innen zur AfD bei der Bundestagswahl 2017. Politische Vierteljahresschrift. 2023. Vol. 64. №2. P. 325-351. (in Ger) <https://doi.org/10.1007/s11615-022-00435-1>
6. Borucki I., Masch L., Jakobs, S. Grundsätzlich bereit, aber doch nicht dabei – Eine Analyse der Mitarbeitsbereitschaft in Parteien anhand des Civic Voluntarism Models. Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2021. Vol. 31. №1. P. 25-56. (in Ger) <https://doi.org/10.1007/s41358-021-00251-w>

7. Darius Ph., Römmele A. KI und datengesteuerte Kampagnen: Eine Diskussion der Rolle generativer KI im politischen Wahlkampf / in: Informationsflüsse, Wahlen und Demokratie, Festschrift für Rüdiger Schmitt-Beck. Nomos, Baden-Baden. 2023. Vol. 63. P. 199-212. (in Ger) <https://doi.org/10.5771/9783748915553-199>
8. Debus M. Parteienwettbewerb und Wahrscheinlichkeit verschiedener Koalitionsoptionen bei der Bundestagswahl 2021. Politische Vierteljahresschrift. 2022. Vol. 63. №1. P. 73-88. <https://doi.org/10.1007/s11615-021-00361-8>
9. Fastenrath F., Marx P. Wann setzen sich linke Parteien für die Besteuerung hoher Einkommen und Vermögen ein? Lehren aus dem Bundestagswahlkampf von 2021. Politische Vierteljahresschrift. 2023. Vol. 64. №2. P. 353-378. (in Ger) <https://doi.org/10.1007/s11615-022-00441-3>
10. Graeb F., Bernhagen P. Lokale Hauptwahl oder nationale Nebenwahl? Politische Vierteljahresschrift. 2023. Vol. 65. P. 475-504. <https://doi.org/10.1007/s11615-023-00506-x>
11. Irmert N., Mummert K., Nikolai R., Mergele L., Zierow L. Wer leitet die deutschen Bildungsministerien? Ein neuer Datensatz zur Analyse von biografischen Merkmalen von Bildungsminister:innen der Bundesländer, 1950-2020. Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2023. Vol. 33. №3. P. 535-554. (in Ger) <https://doi.org/10.1007/s41358-023-00343-9>
12. Jankowski M. Support for strategic voting campaigns: evidence from a survey experiment during the German General Election of 2021'. Politische Vierteljahresschrift. 2023. Vol. 64. №2. P. 379-393. <https://doi.org/10.1007/s11615-023-00456-4>
13. Kösters R., Jandura O., Weiß R., Schreiber J. Diskursallianzen in der Migrationsdebatte?. Politische Vierteljahresschrift. 2021. Vol. 62. №3. P. 461-487. (in Ger) <https://doi.org/10.1007/s11615-021-00324-z>
14. Leidecker-Sandmann M., Geise S. Tradition statt Innovation. Die deutsche Presseberichterstattung über die Wahlkampfstrategien der Parteien zur Bundestagswahl 2017. Studies in Communication and Media. 2020. Jahrgang 9. Heft 2. P. 264-307. (in Ger) <https://doi.org/10.5771/2192-4007-2020-2-264>
15. Lichtenstein D., Polownikow A. Krisen-TV. Die Politisierung der Eurorettung in deutschen Talkshows. Medien & Kommunikationswissenschaft. 2015. Jahrgang 2. Vol. 63. №2. P. 208-228. (in Ger)
16. Matthes J., Kohring M. Die empirische Erfassung von Medien-Frames. Medien & Kommunikationswissenschaft. 2004. Vol. 52. №1. P. 56-75. (in Ger)
17. Michels D., Borucki I. Die Organisations reform der SPD 2017-2019: Jung, weiblich und digital? Politische Vierteljahresschrift. 2021. Vol. 62. №1. P. 121-148. (in Ger) <https://doi.org/10.1007/s11615-020-00271-1>
18. Partheymüller J., Walter St. Voting for the populist radical-right in Austria and Germany: A comparative analysis / in: Informationsflüsse, Wahlen und Demokratie, Festschrift für Rüdiger Schmitt-Beck. Nomos, Baden-Baden. 2023. Vol. 63. P. 533-558. <https://doi.org/10.5771/9783748915553-533>
19. Pesthy M., Mader M., Schoen H. Why is the AfD so successful in Eastern Germany? An analysis of the ideational foundations of the AfD vote in the 2017 Federal Election. Politische Vierteljahresschrift. 2021. Vol. 62. №1. P. 69-91. (in Ger) <https://doi.org/10.1007/s11615-020-00285-9>
20. Scheufele B. Framing-Effekte auf dem Prüfstand. Eine theoretische, methodische und empirische Auseinandersetzung mit der Wirkungsperspektive des Framing-Ansatzes. Medien & Kommunikationswissenschaft. 2004. Vol. 52. №1. P. 30-55. (in Ger)

Б.П. Гуселетов

B. Guseletov

**ИТОГИ ПАРЛАМЕНТСКИХ
ВЫБОРОВ В
ЛЮКСЕМБУРГЕ:
КОНСЕРВАТОРЫ
ОБХОДЯТ СОЦИАЛИСТОВ
И ЛИБЕРАЛОВ**

**LUXEMBOURG
PARLIAMENTARY
ELECTION RESULTS:
CONSERVATIVES BYPASS
SOCIALISTS AND
LIBERALS**

Аннотация

Статья посвящена анализу итогов очередных парламентских выборов в Люксембурге, которые прошли 8 октября 2023 года. Для выявления динамики изменения политической ситуации в этой стране-члене Евросоюза было проведено сравнение результатов, которые ведущие люксембургские политические партии добились на выборах 2018 и 2023 гг., а также представлены характеристики партий, которые были представлены в парламенте этой страны (Палата депутатов) в предыдущие пять лет. Дан анализ итогов деятельности правительства Люксембурга во главе с лидером «Демократической партии» (ДП) Ксавье Беттелем, отмечены его успехи, особенно в социально-экономической сфере. Рассмотрено как пандемия коронавируса, энергетический кризис и военный конфликт на Украине и действия правительства по преодолению их последствий повлияли на ход и результаты выборов. Дана оценка деятельности ведущих политических партий Люксембурга за период, прошедший после предыдущих выборов. Рассмотрен ход избирательной кампании, включая ее основные темы, а также позиции политических партий, которые по итогам прошедших выборов были представлены в парламенте: «Люксембургская социалистическая рабочая партия», ДП, «Христианско-социальная народная партия», партия «Зеленые», партия «Альтернативных демократических реформ» и «Левая» партия. Представлен анализ итогов выборов и показаны возможные варианты формирования нового коалиционного правительства Люксембурга.

Abstract

The article analyzes the results of the regular parliamentary elections in Luxembourg, which were held on October 8, 2023. To identify the dynamics of changes in the political situation in one of the EU countries, a comparison was made of the results that the leading Luxembourg political parties achieved in the elections of 2019 and 2023, as well as the characteristics of the parties that were represented in the parliament of this country (Chamber of Deputies) in the period from 2018 to 2023. The analysis of the results of the activities of the Luxembourg government led by the leader of the "Democratic Party" (DP) L. Bettel, noted his successes, especially in the socio-economic sphere. It is considered how the coronavirus pandemic, the energy crisis and the military conflict in Ukraine and the actions of the Socialist government to overcome their consequences affected the course and results of the elections. The assessment of the activities of the leading political parties in Luxembourg over the period since the previous elections is given. The course of the election campaign, including its main topics, as well as the positions of the political parties that were represented in the Parliament following the results of the last elections: the Luxembourg Socialist Workers' Party, the DP, the Christian Social People's Party, the Green Party, the Alternative Democratic Reform Party and the Left Party are considered the party. The analysis of the election results is presented and possible options for the formation of a new coalition government of Luxembourg are shown.

Ключевые слова:

Люксембург, выборы, парламент, правительство, политические партии, Ксавье Беттель, Люк Фриден, Полетт Ленерт.

Key words:

Luxembourg, elections, parliament, government, political parties, Xavier Bettel, Luc Frieden, Paulette Lenert.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-119-132>

8 октября 2023 года в Люксембурге прошли очередные парламентские выборы членов Палаты депутатов (ПД), единственной палаты парламента этой страны.

Люксембург является конституционной монархией, во главе которого стоит великий герцог Генрих. Однопалатный Парламент: Палата депутатов. включает 60 представителей, избираемых сроком на 5 лет по пропорциональной системе. Для организации этих выборов страна делится на 4 избирательных округа: юг (кантоны Эш-сюр-Азетт и Капеллен), в котором избирается 23 депутата; центр (кантоны Люксембург и Мерш) – 21 депутат; север (кантоны Дикирх, Реданж, Вильц, Клерво и Вианден) – 9 депутатов и восток (кантоны Гревенмахер, Ремих и Эхтернах) – 7 депутатов.

Каждый избиратель имеет количество голосов, равное числу депутатов, избираемых в его избирательном округе. Распределение мест осуществляется по методу Хагенбаха-Бишоффа. Голосование является обязательным и в случае необоснованного отказа от участия в выборах на виновного налагается штраф в размере от €100 до €250, а в случае повторного нарушения в течение 5 лет он может достигать €500 или €1000. Но граждане Люксембурга, проживающие за границей или за пределами муниципалитета, к которому они приписаны для голосования, а также избиратели старше 75 лет, освобождены от этого обязательства.

По итогам предыдущих парламентских выборов, прошедших 14 октября 2018 года, в Палате депутатов были представлены семь политических партий:

- правоконсервативная «Христианско-социальная народная партия» (ХСНП), основанная в 1944 г. и возглавляемая депутатом ПД К. Вислером и адвокатом Э. Марг, член «Европейской народной партии» [1], имела 21 депутата;
- либеральная «Демократическая партия» (ДП) действующего премьер-министра К. Беттеля, основанная в 1955 году и возглавляемая министром туризма Л. Деллес, член «Альянса либералов и демократов за Европу» [1], имела 12 депутатов;
- «Люксембургская социалистическая рабочая партия» (ЛСРП), созданная в 1902 году, член действующей правительственной коалиции, воз-

главляемая членами ПД Д. Бьянкаланой и Ф. Клозенером, член «Партии европейских социалистов» [1], имела 10 депутатов;

– левоцентристская, экологическая партия «Зеленые», созданная в 1983 году, член действующей правительственной коалиции, возглавляемая членом ПД Д. Бернармом и политологом М. Шеховичем, является членом «Европейской партии зеленых» [1], имела 9 депутатов;

– правопопулистская партия «Альтернативных демократических реформ» (ПАДР), созданная в 1987 году и возглавляемая членом ПД Ф. Кеупом, член «Европейской партии консерваторов и реформистов» [1], имела 4 места;

– леворадикальная партия «Левые», основанная в 1999 году, ее руководство осуществляется на коллективной основе, член партии европейских левых [1], имела 2 депутата;

– центристская «Пиратская партия» (ПП), созданная в 2009 году, возглавляемая муниципальным депутатом С. Флором и партийным функционером Р. Лау, имела 2 депутатов.

Социально-экономическая ситуация в Люксембурге накануне выборов

По итогам выборов 2018 года в Люксембурге было сформировано трехпартийное коалиционное правительство с участием ДП, ЛСРП и «Зеленые» во главе с премьер-министром К. Беттелем (ДП). Основными приоритетами этого правительства, которые были отражены в бюджете страны, стали: сохранение высокого уровня государственных инвестиций в проекты, связанные с инфраструктурой и качеством жизни населения; увеличение размеров социальных выплат; охрана окружающей среды; повышение уровня цифровизации экономики; обеспечение доступности жилья и поддержка системы образования.

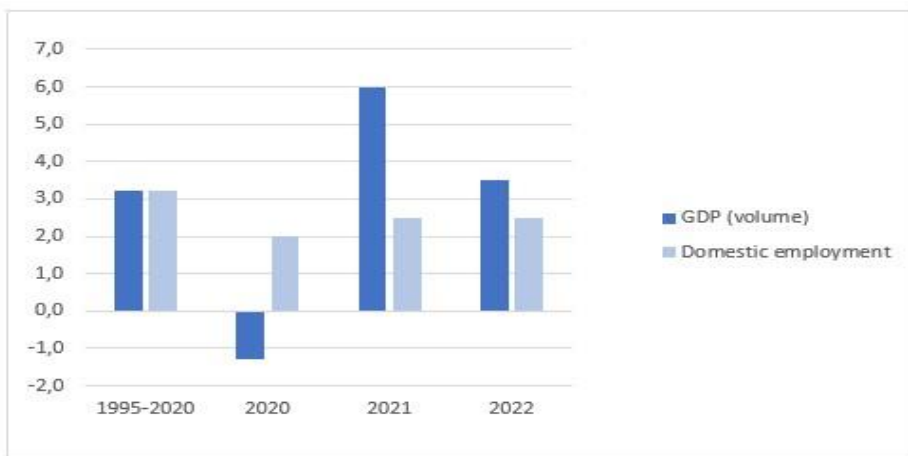
Ключевыми сферами экономики страны в последние годы являлись финансовый сектор (банки и вспомогательные финансовые службы), сфера деловых услуг, направленных на поддержку бизнеса, транспорт и связь. Доля промышленного сектора, также, как и сельского хозяйства, в последние годы заметно снизилось. При этом темпы роста ВВП и уровня занятости в 2020-2022 гг. оставались на достаточно высоком уровне (диаг. 1). По прогнозам в 2023 году рост ВВП замедлится до 0,8% после 1,6% в 2022 году, а затем в 2024 году увеличится до 2%. Внутреннее потребление в 2023 и

2024 гг. сохранится на уровне 2022 года. В 2022 году ВВП на душу населения составил \$ 107 660, а средняя зарплата - € 6 308 в месяц [2].

Правительство Беттеля продолжило реализацию стратегии увеличения государственных инвестиций. В 2021 году прямые и косвенные инвестиции достигли 4,3% ВВП, значительно превысив средний уровень в 3,7% за период с 2015 по 2019 гг. На защиту окружающей среды и климата, развитие общественного транспорта и повышение мобильности трудовых ресурсов в бюджете 2021 года было выделено около 20% от всех госинвестиций.

Для повышения привлекательности страны как места для ведения бизнеса правительство оказало дополнительную поддержку финансовому сектору, приняло меры для усиления кибербезопасности, цифровизации системы государственного управления и развития технологической инфраструктуры. Было создано более 20 центров обработки данных, в результате чего Люксембург превратился в один из крупнейших центров по обработке данных в Европе.

Дополнительные бюджетные средства были направлены на повышение доступности жилья, а также на поддержку устойчивости и конкурентоспособности люксембургской экономики. В бюджете 2022 года на школьное образование и поддержку молодежь было выделено 14,19%, что соответствует € 3 152 850 168, плюс ещё 2,72% на высшее образование и научные исследования, т.е. € 605 217 876 [3].

Диаграмма 1 – Темпы роста ВВП и уровня занятости в Люксембурге в 1995-2022 гг¹.

¹ STATEC. Note de conjoncture N° 1/2021. La situation économique au Luxembourg. Evolution récente et perspectives. URL: <https://clck.ru/3DRE3t> (дата обращения 01.04.2024).

Благодаря активным действиям правительства Беттеля Люксембург сумел быстро оправиться от кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Экономические последствия пандемии были сравнительно умеренными. После падения ВВП на 1,3% в 2020 году его рост быстро вернулся к привычному уровню. Частное потребление упало на 9,4% в 2020 году, но потом восстановилось. Все это произошло во многом из-за того, что правительство заметно увеличило государственные инвестиционные расходы, а также отказалось проводить радикальную реформу налоговой системы. Государственный долг в 2021 году остался на сравнительно низком уровне – 26% ВВП [4].

Страна имеет экспортноориентированную экономику с постоянным торговым дефицитом. В 2020 году ее торговый баланс составил 10% ВВП, что несколько ниже, чем в 2019 годом, когда он находился на уровне 11,9% ВВП. Соотношение объемов экспорта и импорта составило 65,3%. Объем торговли услугами в 2020 году составил €172,8 млрд, почти в 6 раз превысив объем торговли товарами: €30,2 млрд, в основном за счет финансовых услуг (€17,4 млрд в 2020 году).

Основными торговыми партнерами Люксембурга остаются страны-члены ЕС. В 2020 году на трех его соседей: Бельгию, Германию и Францию, пришлось 65,8% всего товарооборота. Основным покупателем люксембургских товаров и услуг является Германия (более 27,2%), а ведущим поставщиком — Бельгия (34,1%). Другими важными партнерами являются Нидерланды (5,4%), Италия (3,2%) и Великобритания (2,8%). Из государств, не входящими в ЕС, главными торгово-экономическими партнерами Люксембурга были США (седьмое место, 2,5%), Китай (10-е место, 1,6%) и Япония (11-е место, 1,3%). Основу люксембургского экспорта составляют: финансовые услуги, промышленные товары, включая железо, сталь, химическую и резиновую продукцию, стекло, электрическое и электронное оборудование [5].

Но при этом ряд социально-экономических проблем страны так и не был решен. Правительство не пошло на проведение пенсионной реформы, о необходимости которой уже давно говорили представители оппозиции и экспертного сообщества. Не удалось снизить нормативное давление на бизнес, что тормозило рост производительности труда и диверсификацию экономики. Высоким остается уровень безработицы, особенно среди молодежи [3].

Избирательная кампания: позиции основных политических сил

За четыре месяца до парламентских выборов 11 июня 2023 года в Люксембурге состоялись выборы депутатов 100 муниципальных советов. Уверенную победу на них одержала ведущая оппозиционная «Христианско-социальная народная партия». Она победила в 56 крупнейших городах страны. ЛСРП, член правящей коалиции сохранила свои позиции на муниципальном уровне, добившись наилучших результатов на юге стране, где она традиционно пользуется большой популярностью и смогла добиться самых высоких результатов. «Демократическая партия» тоже сумела удержать свои позиции, в отличие от партии «Зеленые», результат которой оказался совершенно провальным [6]. И хотя контексты этих двух выборов заметно различались, муниципальные выборы позволяли сделать осторожный прогноз по поводу возможных итогов предстоящих парламентских выборов.

В борьбе за мандаты членов ПД приняли участие 643 кандидата, представлявших 12 политических партий, причем из 60 действующих депутатов 57 предприняли попытку переизбраться на новый срок.

Исследование Polindex 2023, проведенное учеными Университета Люксембурга и института изучения общественного мнения Ires по заказу ПД позволил выявить основные проблемы, волнующие люксембургских избирателей, и их приоритеты. Основной проблемой была доступность жилья. При этом представители старшего поколения в большей мере, были готовы поддерживать старейшие партии ХСНП и ЛСРП. А вот наименее обеспеченные и малообразованные избиратели отдавали предпочтение ПАДР [7].

ДП в ходе предвыборной кампании основной акцент сделала на обсуждении итогов деятельности правительства, возглавляемого лидером ее избирательного списка Беттелем. Ее программа была сконцентрирована на таких темах, как обеспечение доступности жилья, повышение покупательной способности населения и осуществление максимально безболезненного для граждан энергетического перехода. ДП поддержала проведение налоговой реформы, направленную на установление единой налоговой ставки, которую предыдущий состав ПД отклонил. Демократы отказались поддерживать идеи сокращения рабочего времени до 36 часов в неделю и повышения корпоративного налога, но при этом выступили за освобождение от налогообложения оплату сверхурочных работ для госслужащих [8]. Руководство ДП заявило, что будет готово обсуждать любые варианты формирования правящей коалиции, но без крайне правой ПАДР и крайне левой партии «Левых».

В предвыборной программе ЛСРП, которую на выборы вела вице-премьер Полетт Ленерт, основное внимание было уделено вопросам здравоохранения, жилья и налогов. Социалисты заявили также, что продолжат свою борьбу со спекуляциями землей и будут требовать, чтобы доходы ниже размера минимальной заработной платы не облагались подоходным налогом. При этом для граждан, получающих сверхвысокие доходы, они предложили ввести две дополнительные налоговые шкалы прогрессивного налогообложения: выше €300,000 и выше €500,000 в год. ЛСРП предложила сократить продолжительность рабочей недели с 40 до 38 часов и ввести шестинедельный ежегодный оплачиваемый отпуск. Ленерт заявила, что ее партия готова к участию в новом коалиционном правительстве вместе с ХСНП [9].

Главный сюрприз в ходе избирательной кампании преподнесла «Христианско-социальная народная партия», Национальный совет которой 1 февраля 2023 года единогласно выдвинул в качестве лидера предвыборного списка и потенциального кандидата на пост премьер-министра Л. Фридена. Фриден, бывший ранее членом правительства и депутатом парламента, последние десять лет отошел от политики, предпочтя заняться бизнесом. Но в ходе своей речи перед членами Национального совета ХСНП он заявил, что «Если ты любишь страну, то должен сказать, что в трудные времена готов взять на себя ответственность», и пообещал ради этого оставить свою профессиональную деятельность. По мнению Фридена новому правительству Люксембурга предстоит решить следующие основные проблемы: преодоление последствий войны в Европе, обуздание высоких цен на энергоносители и жилье, торможение неуклонного роста инфляции и налогов. При этом он отметил, что действующему правительству не хватает свежего взгляда на то, как нужно решать эти серьезнейшие вопросы, потому что в нем одни министры блокируют работу других его членов [10].

После десяти лет нахождения в оппозиции новый лидер ХСНП поставил перед собой задачу вернуть партию в правительство в качестве его лидера. Для этого он обозначил ряд основных направлений реформирования государственной политики в таких областях, как здравоохранение, за счет создания медицинских домов ежедневной доступности; жилищного строительства посредством расширения частно-государственного партнерства в этой сфере и снижения для строительных инвесторов НДС с 17 до 3% и внутренней безопасности путем увеличения в течение ближайших 5 лет на 700 человек штата полиции и улучшения системы видеонаблюдения. Он

также предложил повысить покупательную способность люксембуржцев за счет снижения налогов для всех категорий налогоплательщиков и предоставления молодым людям, начинающим свою трудовую карьеру, налоговых вычетов в течение первых трех лет.

В качестве главы списка партии «Зеленых» была выбрана министр юстиции и культуры Саманта Тэнсон, которая должна была помочь экологам преодолеть негативные последствия их проигрыша на недавних муниципальных выборах. Партия в своем предвыборном манифесте обозначила следующие приоритеты: защита благосостояния граждан и сохранение окружающей среды; борьба с социальным неравенством и растущей бедностью; создание экономических возможностей для будущего развития страны, а также сохранения социальной сплоченности; предоставление каждому гражданину возможности иметь крышу над головой; обеспечение гарантий безопасной и свободной жизни жителям Люксембурга, независимо от их места происхождения, убеждений или пристрастий; создание предпосылок для мирного развития, в условиях различных военных конфликтов и стремительного технологического развития. «Зеленые» предложили также удвоить финансовые вложения в защиту зданий от потерь тепла, а также в железнодорожную инфраструктуру. Они постоянно напоминали избирателям о том, что благодаря их стараниям инвестиции в энергетический переход от ископаемых источников энергии к возобновляемым в 2022 году составил € 174 млн евро, в то время как в 2017 году они находились на уровне лишь € 40 млн. И именно благодаря этому производство возобновляемой энергии в Люксембурге за последние пять лет выросло с 3,5 до 12% [11].

ПАДР на выборы вел член ПД Фред Кеуп под лозунгом «Люби Люксембург». Эту сравнительно молодую партию, образованную в 1987 году с единственной целью добиться равного пенсионного обеспечения для всех категорий граждан, поддерживают в основном бывшие избиратели ХСНП, которые не получили особых дивидендов от роста экономики в их стране. Ее союзниками стали третий по размерам Нейтральный профсоюз люксембургских рабочих и Люксембургская ассоциация пенсионеров и инвалидов [12]. В предвыборной программе ПАДР основное внимание было уделено вопросам роста доходов, доступности жилья, безопасности, включая тему миграции, и семье. Партия предлагала перейти к политике умеренного экономического роста, чтобы поддержать наименее защищенные слои населения. Ф. Кеуп предложил провести референдум по проблеме иммиграции, подчеркнув, что за последние

20 лет население страны выросло на 400-600 тысяч, что создало ряд серьезных проблем, в том числе: рост цен на недвижимость, постоянные дорожные пробки, перегрузки в системе здравоохранения и пр.

Пиратская партия (ППЛ), лидером списка которой был член ПД Свен Клемент, выбрала своим предвыборным лозунгом «Справедливое решение сегодня и завтра». Пираты требовали отменить пропорциональную систему налогообложения, чтобы «к каждому человеку будет равное отношение, независимо от его гражданского статуса» Они предложили также ввести для каждой семьи, имеющей детей, специальное пособие [12], чтобы «каждый мог сам решать, хочет ли он, чтобы за его детьми присматривали в детском саду или, предпочитает оставаться дома со своими детьми». ППЛ предложила ввести выплату ежемесячной климатической премии за экологически правильное поведение. С. Клемент заявил, что его партия является центристской, не намерена опираться на протестный электорат и надеется сформировать в новом парламенте собственную депутатскую группу [13].

«Левая партия», которая традиционно предпочитает коллективное руководство, не имела лидера своего предвыборного списка. Она выступала за ограничение размеров арендной платы за жилье, повышение на € 300 в месяц размера минимальной зарплаты, переход к 2030 г. на 32-часовую рабочую неделю без снижения зарплаты и введение специального налога на богатство. Левые также настаивали на выходе Люксембурга из НАТО [14]. Интересно отметить, что еще в 2022 году член ПД от «Левой партии» Н. Обервайс заявила по поводу украинского кризиса, что мирное разрешение этого конфликта, которое поддержали бы и Россия, и Украина, необходимо найти как можно быстрее, но для этого нужно отказаться от вступления Украины в НАТО [15].

Стоит также отметить, что в этих выборах впервые участвовала партия «Вольт-Люксембург», которая является люксембургским филиалом общеевропейской партии «Вольт Европа», выступающей за федерализацию Евросоюза. Это единственная европартия, которая опирается не на национальные партии, а на свои филиалы в различных странах-членах ЕС [1]. Первый электоральный опыт «Вольт-Люксембург» оказался не совсем удачным. Партия заняла последнее 12-е место, набрав 0,19% голосов избирателей, которые не поддержали ее предвыборную программу, призывающую к созданию единой Европы [16].

Согласно опросу общественного мнения, который был проведен институтом Ifges в середине августа 2023 года по заказу мультимедийной группы RTL и ежедневной газеты Luxemburg Wort, победу на этих выборах должна была одержать ХСНП с результатом 28,3% голосов. На втором месте должна оказаться ЛСРП - 19,8%, затем ДП - 17,4%, «Зеленые» - 10,7%, ППЛ - 9,9%, ПАДР - 6,9% и, наконец, Левые - 5%. Наиболее популярным политиком оставался К. Беттель, деятельность которого положительно оценивали 34% опрошенных. Кроме того, 39% опрошенных высказали мнение, что в новом правительстве должны быть представлены только две партии, а 29% предпочли, чтобы правящая коалиция включала три партии [17].

Итоговые результаты выборов в целом соответствовали этим предвыборным прогнозам (см., табл. 1). ХСНП, список которой возглавлял Л. Фриден, уверенно победил, набрав 29,21% голосов и получив 21 депутатское место, как и на предыдущих выборах 2018 года. Второе место заняла ЛСРП, во главе с П. Ленерт, которая получила 18,91% и 11 депутатов (+ 1 по сравнению с 2018 года). ДП, список которой возглавлял К. Беттель, получила 18,7% голосов и 14 мест в ПД (+ 2 по сравнению с 2018 годом).

Вслед за лидирующей тройкой расположились ПАДР во главе с членом ПД Ф. Кеупом, которая набрала 9,27% и будет иметь 5 депутатов (+ 1 в сравнении с 2018 годом).

Партия «Зеленых», ведомая С. Тэнсоном, получила 8,55% голосов, что дало ей 4 депутатских места (-5 по сравнению с 2018 годом), что не позволит ей сформировать собственную парламентскую группу в ПД. ППЛ, список которой возглавил С. Клемент, набрала 6,74% и будет иметь 3 депутата (+ 1 в сравнении с 2018 годом).

И наконец, партия «Левых», получившая 3,93%, вновь будет иметь 2 членов ПД.

Таблица 1. Итоги выборов в Палату депутатов Люксембурга, состоявшихся 08.10.2023 г., и их сравнение с результатами выборов 14.10.2018¹

№	Политическая партия	Число голосов в ПД (% голосов)		Число членов ПД	
		2018	2022	2018	2022
1.	ХСП	999,381 (28,31%)	1,099,427 (29,21%)	21	21
2.	ЛСРП	621,332 (17,60%)	711,890 (18,91%)	10	11
3.	ДП	597,080 (16,91%)	703,833 (18,7%)	12	14
4.	ПАДР	292,388 (8,28%)	348,990 (9,27%)	4	5
5.	«Зеленые»	533,893 (15,12%)	321,895 (8,55%)	9	4
6.	ППЛ	227,549 (6,45%)	253,554 (6,74%)	2	3
7.	«Левые»	193,594 (5,48%)	147,839 (3,93%)	2	2
8.	Другие	64,752 (1,85%)	490,352 (4,96%)	-	-
9.	Всего	3,529,969 (100%)	3,763,680 (100%)	60	60

Л. Фриден после объявления итогов выборов заявил, что его партия получила от избирателей очевидный мандат на формирование нового правительства. И предположил, что возможны два варианта правящей коалиции: либо с ДП, что позволит правительству опираться на 35 членов ПД, либо с ЛСРП – 32 члена ПД, при условии, что ему удастся согласовать с новым партнером по коалиционному правительству его новую программу действий. Скорее всего, Л. Фриден станет новым премьер-министром Люксембурга.

Лидер ДП и теперь уже бывший премьер-министр К. Беттель, который баллотировался в центральном округе и набрал на 3 019 голосов больше, чем Фриден, сказал по итогам выборов, что он и его коллеги по партии готовы работать в новом правительстве, и выразил уверенность в том, что избиратели поддержат коалицию в составе ХСП и ДП.

Руководство ЛСРП также выразило готовность к сотрудничеству с ХСП в рамках будущего правительства, тем более что две эти партии после окончания Второй мировой войны в течение 43 лет были членами правящих коа-

¹ Élections législatives 2023: Résultats officiels. Le site officiel des élections au Grand-Duché de Luxembourg. URL: <https://elections.public.lu/fr.html> (accessed 20.10.2023); Élections législatives 2018: Résultats officiels. Le site officiel des élections au Grand-Duché de Luxembourg. URL: <https://elections.public.lu/fr/elections-legislatives/2018.html> (accessed 20.10.2023).

лиций. Однако в поддержку создания коалиции с ХСНП во главе с Л. Фриден-ном должны выступить большинство членов ЛСРП, что, по мнению некоторых активистов этой партии, далеко не очевидно. И нельзя не отметить позицию вице-президента Европарламента, в прошлом члена ПД от ЛСРП (2004-2019 гг.) М. Анхеля, который считает, что «христианские демократы начали коалиционные переговоры с либералами, поскольку считают их более подходящими для программы и дают им более сильное большинство. Это означает, что ЛСРП, несмотря на свой хороший результат, скорее всего, больше не будет частью правительства». Тем не менее, Анхель уверен, что в условиях усиления правых партий Люксембурга (ХСНП, ПАДР) «крайне важно иметь сильную ЛСРП, которая продолжит защищать фундаментальные ценности, быть амбициозной в отношении изменения климата и неустанно призывать к большей социальной справедливости и борьбе с неравенством» [18].

По мнению Ю. Когалова возможны три варианта формирования новой правительственной коалиции: ХСНП+ПАДР, ХСНП+ДП и ХСНП_ЛСРП, но какой из них является наиболее предпочтительным он не уточняет¹.

После официального объявления результатов выборов Великий герцог люксембургский Генрих принял бывшего премьер-министра Беттеля, спикера ПД, председателя Государственного совета и лидеров всех политических партий, которые имеют свое представительство в новом составе парламента. По итогам этой встречи он назначил Л. Фридену ответственным за формирования нового правительства страны.

Люку Фридену 60 лет, он окончил Университет Париж-1 по специальности «частное право», а затем получил диплом магистра сравнительного правоведения в Королевском колледже Кембриджа и еще один диплом магистра права в Гарвардской школе права. Впервые был избран членом ПД в 1994 г. по списку ХСП, став в 30 лет самым молодым депутатом. В 1998 году работал министром юстиции, казначейства и бюджета в правительстве Ж.-К. Юнкера. С 2004 по 2006 годы занимал пост министра обороны, а с 2009 по 2013 годы министра финансов. В течение 15 лет Фриден занимал пост управляющего Всемирным банком (ВБ), а в 2012 году стал председателем Совета управляющих Международного валютного фонда и группы ВБ [20]. Затем он на десять лет ушел с политической арены Люксембурга, став пре-

---

¹ Когалов Ю. На выборах в Люксембурге победила оппозиционная Христианско-социальная народная партия / Российская газета. 09.10.2023. <https://rg.ru/2023/10/09/na-vyborah-v-liuksemburge-pobedila-oppozicionnaia-hristianskosocialnaia-narodnaia-partiia.html> (дата обращения 20.12.2023).

зидентом Торговой палаты страны, а в 2022 году занял пост президента Ассоциации европейских торгово-промышленных палат.

Прошедшие в октябре 2023 года в Люксембурге парламентские выборы привели к вполне ожидаемым результатам. Предыдущий правящий альянс, состоящий из либералов (ДП), социалистов (ЛДРП) и экологов (партия «Зеленые») не смог удержать своих позиций из-за слабого выступления последних. В результате одержавшая на этих выборах победу консервативная ХСНП во главе с бывшим министром финансов Л. Фриденом получила право сформировать новое правительство, в которое скорее всего помимо консерваторов войдет и либеральная ДП.

Новое правительство, главой которого по всей видимости станет Фриден, в основном продолжит политику своих предшественников, особенно в экономической и социальной сферах. Но делать это он постарается более динамично и эффективно за счет большей сплоченности.

Социалистам из ЛСПР придется уйти в оппозицию, что, учитывая их достаточно высокую популярность, даст им возможность более основательно подготовиться к следующим парламентским выборам 2028 года, чтобы попытаться на них улучшить свой результат и вернуться в правительство.

References

1. Guseletov B.P. Obshcheevropeiskie partii v XXI veke: stanovlenie, razvitie, perspektivy. Doklady IE RAN. №388. Moskva, 2022. 196 s. <http://dx.doi.org/10.15211/report22022-388>. (In Russ)
2. Ekonomika Lyuksemburga. Statistika onlain. Profit.org. URL: <https://take-profit.org/statistics/countries/luxembourg/> (In Russ)
3. Luxemburg. Sustainable Governance Indicators. SGI-network. URL: https://www.sgi-network.org/2022/Luxembourg/Economic_Policies (access 20.12.2023).
4. Luxemburg. Political, social and economic background and trends 03.08.2023. URL: <https://eurymice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems/luxembourg/political-and-economic-situation> (access 20.12.2023).
5. The statistics portal. Central balance. Statistiques.public.lu. URL: <https://statistiques.public.lu/en/services-public/centrale-bilans.html> (access 20.12.2023).
6. Communal elections 2023. Official elections website of the Grand Duchy of Luxembourg. URL: <https://elections.public.lu/en/elections-communales/2023/resultats/communes/luxembourg.html> (access 20.12.2023).
7. La synthèse de l'étude POLINDEX 2023 sur les comportements électoraux est disponible. Chambre des Députés du Grand Duché de Luxembourg. 26.09.2023. URL: <https://www.chd.lu/lu/node/1969> (access 20.12.2023).
8. Walprogramm 2023. Democratic parry web-site. URL: https://www.demokrateschpartei.lu/_files/ugd/4488b1_b46d2c544e6749338359c4b6ee001556.pdf (access 20.12.2023).

9. Luxembourg Socialist Workers' Party in Luxembourg — Lëtzebuenger Sozialistesche Aarbechterpartei (LSAP). Luxtoday.lu. 06.10.2023. URL: <https://luxtoday.lu/en/knowledge/lsap-socialist-workers-party-in-luxembourg> (access 20.12.2023).

10. Dickes R., Rasqué D. and Ries J. De Luc Frieden ass prett, fir CSV-Spëtzekandidat ze ginn. 02.02.2023. RTL.lu. URL: <https://www.rtl.lu/news/national/a/2025671.html> (access 20.12.2023).

11. Our Manifesto 2023. Green party web site. URL: https://gremglokal.lu/content/uploads/sites/51/2023/09/WahlProgramm_NW2023_EN.pdf (access 20.12.2023).

12. All about the Alternativ Demokratësch Reformpartei (ADR). Luxtime.lu. 06.10.2013. URL: <https://www.luxtimes.lu/luxembourg/all-about-the-alternativ-demokratesch-reformpartei-adr/1261643.html> (access 20.12.2023).

13. Fair solutions for today&tomorrow. Pirate party web site. URL: <https://piraten.lu/en/> (access 20.12.2023).

14. Alles ze gewanne mat déi Lénk. Eise Walprogramm. Dei-link party web site. 12.07.2023. URL: <https://dei-lenk.lu/2023/07/12/alles-ze-gewanne-mat-dei-lenk-eise-walprogramm/> (access 20.12.2023).

15. Ukraine: Fir Déi Lénk ass e Friddensaccord den eenzegen Auswee. 100komma7.lu. 14.06.2022. URL: <https://www.100komma7.lu/article/aktualiteit/2022-06-14-ivd-nathalie-oberweis> (access 20.12.2023).

16. Hoffmann D. Mer kënnen nëmme gewannen, wa mer méi Europa hunn. RTL.lu. 17.08.2023. URL: <https://www.rtl.lu/news/national/a/2104085.html> (access 20.12.2023).

17. Kinsch F., Mart C., Nesser C. and Kayser K. Blo-Rout-Gréng ëmmer nach 31, CSV elo 19 Sätz. RTL.lu. 13.09.2023. URL: <https://www.rtl.lu/news/national/a/2110228.html> (access 20.12.2023).

18. Angel M. Why the Socialists are more important than ever. Progressivepost.eu. 12.10.2023. URL: <https://progressivepost.eu/why-the-socialists-are-more-important-than-ever/> (access 20.12.2023).

19. Luc Frieden elected President of Board of Governors of IMF and World Bank. Bangkok.mae.lu. 13.10.2012. URL: <http://bangkok.mae.lu/en/News/Luc-Frieden-elected-President-of-Board-of-Governors-of-IMF-and-World-Bank> (access 20.12.2023).

**И.В. Самаркина,
Е.В. Савва**

**I. Samarkina,
E. Savva**

**ОБРАЗ ЕВРОПЫ В
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ:
ПЕРСОНЫ И ТRENДЫ**

**THE IMAGE OF EUROPE IN
THE VIEWS OF STUDENT
YOUTH: PERSONS
AND TRENDS**

Аннотация

Актуальность изучения самоидентификации россиян, в том числе отдельных социально-профессиональных групп, возрастает. Это связано с усилением конкурентности мирового порядка, в котором идентичность является важным ресурсом конкуренции. Целью исследования является выявление персоналистских образов Европы и динамики этих образов в представлениях студентов Кубанского государственного университета.

Исследование персоналистских индикаторов Европы продемонстрировало, что данный регион в представлении участников фокус-групп ассоциируется главным образом с людьми, олицетворяющими события истории, авторами научных открытий и произведений искусства.

Лидерами по количеству упоминаний среди политических деятелей прошлого являются те, кто связан с Россией войнами. Это можно объяснить более длительным и глубоким изучением отечественной истории по сравнению с историей других регионов.

Главными факторами узнаваемости персонализированных символов Европы являются школьные образовательные программы и находящаяся в свободном доступе информация, предоставленная как средствами массовой информации, так и социальными сетями.

Выбор символов Европы студенты делали, учитывая связь человека-символа с государством, входящим в узкий круг европейских лидеров: Великобритания, Германия, Франция.

Выбор отечественных исторических деятелей в качестве символов Европы не был сколько-нибудь массовым в нашем исследовании.

Abstract

The relevance of studying the self-identification of Russians, including certain socio-professional groups, is growing. This is due to the increasing competitiveness of the world order, in which identity is an important resource of competition. The aim of the study is to identify personalistic images of Europe and the dynamics of these images in the views of students of the Kuban State University.

A study of personalistic indicators of Europe showed that this region, in the view of focus group participants, is associated mainly with people who personify historical events, authors of scientific discoveries and works of art.

The leaders in terms of the number of mentions among political figures of the past are those who are connected with Russia by wars. This can be explained by a longer and deeper study of Russian history compared to the history of other regions.

The main factors of recognition of the personalized symbols of Europe are school educational programs and freely available information provided by both the media and social networks.

The choice of personal political symbols of Europe by students is greatly influenced by the belonging of a person-symbol to a country that is one of the three European leaders: Great Britain, Germany, France.

The choice of domestic historical figures as symbols of Europe was not massive in our study. Based on the analysis of these single choices, only cautious assumptions can be made. The choice of domestic characters as symbols of Europe is an important direction for further research of

довании. На основе анализа этих единичных выборов можно делать лишь осторожные предположения. Выбор отечественных персонажей в качестве символов Европы является актуальным направлением дальнейшего исследования персоналистских индикаторов Европы у российской молодежи.

Ключевые слова:

самоидентификация молодых людей, образ Европы, детерминанты политического восприятия, политические ценности, персоналистские индикаторы.

personalistic indicators of Europe among Russian youth.

Key words:

self-identification of young people, image of Europe, determinants of political perception, political values, personal indicators.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-133-153>

В периоды социально-политической турбулентности особенно значимыми становятся вопросы консолидации общества, общих ценностей и идентичности. Несомненно, исследования в этой сфере составляют сегодня мейнстрим отечественной политической науки.

В исследованиях идентичности несколько аспектов обращают на себя внимание в первую очередь: национально-государственная идентичность, социальная, в том числе политическая идентичность отдельных социально-демографических и профессиональных групп, формирующаяся или укрепляющаяся гражданская идентичность россиян. Идентичность социально-профессиональных групп российского общества является важным фактором социальных изменений и выступает актуальным объектом исследования. Рост значимости знаний о самоидентификации россиян определен усилением напряженности отношений центров принятия решений на планете. Мировой порядок становится все более конкурентным, и идентичность граждан выступает в качестве важного ресурса такой конкуренции.

Это направление политических исследований имеет важное практическое значение для формирования стратегии и определений технология политики идентичности. В то же время в ситуации динамичных изменений социальных и политических систем исследователи имеют уникальную возможность ответить на фундаментальные вопросы, детализирующие наше понимание содержания, структуры и факторов, влияющих на актуализацию и трансформацию идентичностей. В частности, важное значение для формирования идентичности является образ Другого (в разных его ипостасях: Иной, Другой, Чужой), от которого сообщество отстраивает свое Мы. Общим положением при исследовании социальной идентичности является утверждение,

что она формируется через образ Другого. Таким «другим» для россиян служит образ Европы. Он является важной частью картины мира россиян. Значимость образа Европы определяется тем, что Европа – классический Запад. Это макрорегион, где зародилась и сформировалась демократия. Европейский Союз – один из политических центров современного мира. Восприятие Европы характеризует отношение россиян к такому политическому феномену, как коллективный Запад.

В последние годы в реальной политике наблюдается значительное изменение геополитического ландшафта, что находит свое отражение и в восприятии политики россиянами. Так, исследования общественного мнения фиксируют значительные изменения в отношении россиян к Европе, по данным ВЦИОМ в 2022 году доля россиян, которые плохо относятся к Европе (странам Евросоюза), выросла практически вдвое, на столько же сократилась доля тех, кто относится хорошо¹. Исследователи говорят о том, что социальная база «европеизма» значительно сокращается².

Предлагаемые к обсуждению результаты исследования иллюстрируют динамику персонифицированных индикаторов представлений студенческой молодежи о Европе.

Эмпирическую базу исследования составили результаты международного проекта РГНФ – Государственный комитет по науке Министерства образования Республики Армения (ГКН МОН РА) №16-23-20001 «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана)», в рамках которого были определены особенности восприятия европейского региона, в том числе, как компонента «коллективного Запада» российской и армянской молодежью, имеющей опыт непосредственных социокультурных контактов с Европой, так и без такового. Проект был реализован в 2016–2017 гг. Эмпирические данные собирались в серии фокус-групповых дискуссий с разными группами молодежи, результаты исследования опубликованы [18; 19]. В 2022 году в Кубанском государственном университете исследовательский коллектив (в рамках инициативного исследования) этой же методике повторил исследование восприятия Европы. В статье представлены результаты сравнения полученных данных в одном из аспектов: персонализированных индикаторов

---

¹ Россия и Европа: на расходящихся курсах / ВЦИОМ. 29.04.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-evropa-na-raskhodjashchikhsja-kursakh> (дата обращения 27.02.2024).

² Россия и Европа: вчера, сегодня... но будет ли завтра? / ВЦИОМ. 28.07.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-evropa-vchera-segodnja-no-budet-li-zavtra> (дата обращения 27.02.2024).

образа Европы. В ситуации геополитических трансформаций меняется ли структура и содержание Другого в субъективном пространстве политики?

Молодежь выступает особо актуальным объектом изучения. Исследование образа Европы в восприятии молодых людей дает возможность делать выводы об уровне их восприимчивости к информационному воздействию. Выбор символов, которые олицетворяют для молодых людей Европу, делается главным образом на основе информации, циркулирующей в России. У большинства молодых людей еще недостаточно личных впечатлений о Европе, сформированных поездками в страны этого региона и личной коммуникацией с европейцами. Исследователь может уверенно предполагать, что впечатления о европейском мире создаются во время учебы, то есть в средней школе и затем, для студентов, в высшем учебном заведении, а также под воздействием социальных сетей и средств массовой информации (СМИ).

Достоверная информация об образе Европы в восприятии молодых людей обладает значительным прогнозным потенциалом. Изучение выявленных сегодня установок молодых людей относительно Европы позволит с достаточно высокой степенью уверенности представить основные тренды общественного мнения российского общества через два-три десятилетия, то есть в период, когда нынешнее молодое поколение будет доминировать в принятии политических решений в России.

Современные зарубежные исследования обозначенного предметного поля охватывают различные аспекты актуализации, становления, трансформации идентичностей в сложных противоречивых процессах геополитических процессах.

Исследователи акцентируют внимание на изучении разных уровней социальной идентичности (макро и мега сообществ), космополитической идентичности [33; 34], в том числе влияния таких глобальных факторов как COVID на процессы формирования идентичности [44; 57]. В фокусе исследовательского интереса находятся разные уровни идентичности, в том числе локальная идентичность и ее особенности в городских и сельских сообществах в Европе [25], а также в Китае [45], идентичность в сложных процессах глокализации и деглобализации [28; 49; 52], содержание и динамика политических трансформации и связанных с ними трансформаций идентичностей в так называемых разделенных обществах [36; 47], а также публичный дискурс идентичности на материалах СМИ [50].

Идентичность в зарубежных исследованиях чаще всего изучается в контексте миграционных процессов [31], в том числе, как феномен множественной идентичности [39], в контексте ценностей и динамики интеграционных процессов в Европе [24]. Социальная идентичность рассматривается

зарубежными учеными также в контексте конфликта гражданской и этнической бинарности [29] и поиска ее устойчивости под влияние внешних угроз и факторов [30].

Значительное внимание уделяется исследованиям политизации экологической идентичности [46; 55], ее связи с идентичностью глобальной [53], влиянием на другие параметры, в том числе на поведение представителей городских и сельских сообществ [56].

Актуальными являются исследования ценностного единства в ситуации гражданского противостояния [26], феномен разворачивающейся войны идентичностей и «отмены культуры» [35; 48], влияние травмирующих событий на формирование идентичности [58], проблемы идентичности в контексте цивилизационного подхода, который декларируют сегодня Россия и Китай [51]; исследователей интересуют процессы идентификации и ценностной консолидации в России [37]. Следует отметить, что в зарубежных исследованиях идентичность тоже рассматривается в контексте воспитания и технологий работы с детьми и молодежью [40], часто в контексте формирования глобальной (космополитической) идентичности [41; 42].

Идентитарные исследования являются одним из мейнстримом социально-политических научных работ, однако исследования отдельных аспектов персонификации имеют отношение к бизнес-процессам [38], работы по этой тематике в современной зарубежной науке отсутствуют.

Исследовательский интерес к проблемам формирования идентичности в отечественной политической науке высок. Наиболее ярким отражением этого интереса в политических исследованиях является серия изданий, посвященных рефлексии изменяющейся политической идентичности как научной категории и как социального феномена [10; 11].

В последние годы в отечественной литературе появился целый ряд работ, посвященных различным аспектам формирующейся политической идентичности молодежи. В частности, проблемам влияния социокультурных факторов на самовосприятие российской молодежи посвящены исследования Ю.А. Зубок, Н.А. Селиверстовой, Е.В. Чанковой, В.И. Чупрова [6; 7; 8; 9]. Авторы приходят к выводу о корреляции между типами культуры, с которыми идентифицирует себя молодежь и теми ценностями общения, которые они объявляют значимыми для себя [8, с. 18]. Тема молодежи в современном мире рассматривается указанными авторами сквозь призму постоянно меняющихся смысловых оснований реальности [6, с. 10]. Результаты исследования О.В. Поповой и Н.В. Гришина показывают, что в России сохраняется значительная часть молодежи с несформированной установкой политической идентичности [17]. Вопросам исторической и социальной памяти моло-

дежи посвящена коллективная монография Г.И. Осадчей, А.А. Кочербаевой, М.П. Вартановой, О.А. Волковой, Е.Ю. Киреева, Е.Е. Киселевой, М.В. Рославцевой, И.А. Селезневой, А.А. Черниковой [15].

Идентичность молодежи формируется под влиянием многих факторов. Среди политических факторов особую роль играет целенаправленная молодежная политика, проводимая государством. Сравнительному анализу молодежной политики в Азербайджане, Беларуси, России и Казахстана посвящена статья Г.А. Аббасова [1]. Специфика реализации молодежной региональной политики на примере Краснодарского края рассматривается в статьях В.В. Касьянова, Д.В. Кротова, С.И. Самыгина [12; 13]. На необходимости учета социокультурного контекста в молодежной политике указывает П.А. Меркулов. Автор считает, что на формирование ценностных ориентаций российской молодежи оказывали влияние трансформационные сдвиги, которые представляли собой эффект качелей» – от советской модели к либеральной модели в период 1990-х гг. (фактически выживания основных социальных страт) и от либеральной модели к возврату к некоторым институтам советского времени с ориентиром на традиционалистские ценности и государственный дирижизм [14, с. 17].

Исследований персонифицированных индикаторов различных видов идентичности в отечественной науке не много [3].

В качестве концептуальной модели исследования авторами использовался подход к анализу восприятия политических субъектов, который обоснован представителями школы политико-психологических исследований МГУ под руководством Е.Б. Шестопал [5; 23], в рамках которой в фокусе исследования должны находиться объект восприятия, особенности субъекта восприятия, система внутренних и внешних факторов, которые обуславливают процесс восприятия, а также собственно образ политического (или геополитического объекта) как результат восприятия в субъективном пространстве политики его носителя.

Как полагают авторы, концепция Р. Инглхарта и уходящая корнями в идеи Д. Рисмэна [54] и Д. Бэлла [27], позволяет непротиворечиво анализировать факторы политического восприятия. Содержательным ядром указанной концепции является размежевание политических ценностей на две основные группы. К первой принадлежат материалистические ценности, относящиеся к безопасности и благополучия, а также условно постматериалистические. Во вторую группу входят принадлежность к сообществу, качество жизни и самовыражение [43].

Ожидания людей влияют на их политическое восприятие иногда сильнее реальности. По мнению классиков политической психологии Дж. Бруне-

ра и Л. Постмана, восприятие в значительной степени определено ожиданиями, построенными на предыдущем взаимодействии человека с его окружением. В случае, если ожидания не соответствуют реальности, поведение воспринимающего можно описать как сопротивление распознаванию неожиданного или несоответствующего [32]. Такая сопротивление выступает в роли информационного фильтра. Человек воспринимает социальный мир через личную систему ценностей. Эти ценности могут быть разного уровня, по определению Г.М. Андреевой, они являются глобальными или приближенными к обыденной жизни. В условиях стабильной системы ценностей индивид отбирает новую информацию таким образом, чтобы не разрушить структуру ценностно-нагруженных категорий [2]. Как указывает А.В. Селезнева, в случае политического восприятия главным основанием для когнитивной работы человека с информацией являются политические ценности [21].

В мире происходят глубокие трансформации государств как социально-политических пространств. Р. Сеннет констатирует снижение привлекательности публичной сферы. Многие государства как социально-политические пространства уже не рассматриваются их гражданами как гомогенные, скрепленные общностью судеб живущих там людей [22]. Можно предположить, что этот процесс оказал влияние на восприятие самых различных политических субъектов.

Природу политических ценностей можно определить, как психосоциальную и двойственную. Она создается в процессе политической социализации людей и определяется ее социально-историческим контекстом [20, с. 42]. Одним из важных ценностных оснований россиян при формировании образа страны является безопасность.

Исследования восприятия политических субъектов молодыми людьми, в том числе студентами, имеет определенную специфику [18]. Восприятие России представителями разных поколений различается, и эти отличия объясняет концепция Р. Инглхарта. Существенные изменения системы ценностей в сторону постматериалистических происходит у поколения, которое взрослело в период благополучия и стабильности. В России в настоящее время завершается процесс социализации поколение, система ценностей которого формировалась в относительно стабильный и благополучный (в сравнении с переходными 90-ми годами прошлого века) период с начала XXI века. Данный вывод является дополнительным подтверждением актуальности исследования восприятия политических субъектов студенческой молодежи.

В исследовании был использован метод персоналистских индикаторов. Персоналистский идентификатор авторы понимают вслед за В.Д. Бедерсоном

как структурный элемент региональной идентичности, в основе которого лежит образ персоналии. Его можно охарактеризовать так же, как персонифицированный или персоналистский [4, с. 195].

С целью выявления персонифицированных индикаторов образа Европы была разработана методика неоконченных предложений «Персоны» для использования в ходе фокусированных групповых дискуссий. На экспертной сессии были определены ключевые сферы, относительно которых участникам дискуссии предлагалось высказаться: история (деятели истории), современная политика (политики современности), современная социальная жизнь (общественно значимые неполитические деятели), наука (ученые), искусство (популярные деятели искусства). Этот перечень областей деятельности характеризует образ Европы системно, он охватывает все наиболее важные сферы жизни, которые традиционно являются открытыми для общества и о которых современный человек формирует представление на основании публичных источников информации.

В ходе фокус-групп модератор предлагал участникам определить трех, с их точки зрения на наиболее известных персон в каждой из этих сфер. Участники фиксировали свой выбор в раздаточном материале, озвучивали свой выбор, обсуждали полученные списки [19, с. 14]. Письменная фиксация выбора участников позволяет использовать количественные методы анализа. Обсуждение списков людей, выбранных студентами в качестве символов Европы, дало возможность собрать информацию о мотивах сделанных предпочтений.

Исследование включало пять фокус-групп, участниками которых были студенты Кубанского государственного университета. Задачей студентов было назвать по три человека, которые, по их мнению, олицетворяют Европу. Студенты, принявшие участие в фокус-группах, выбирали как исторических деятелей, так и современных политиков, общественных деятелей, представителей науки, искусства, других известных людей.

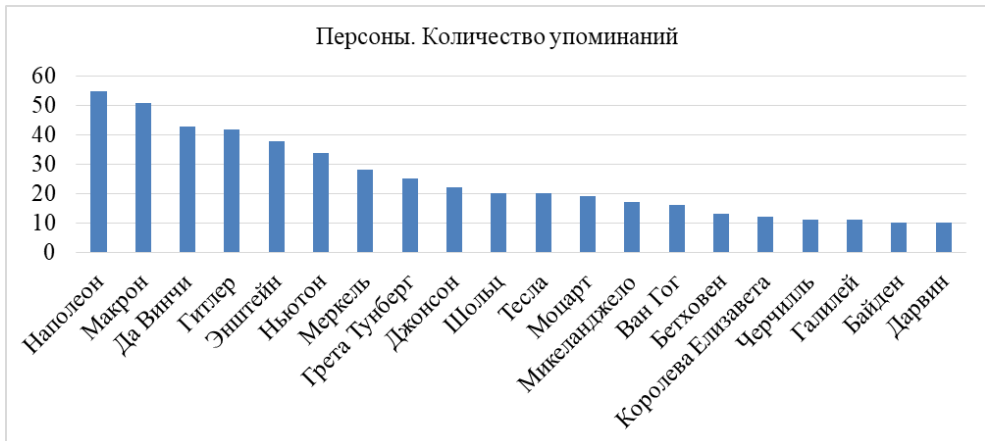
Как показывают полученные данные, наиболее часто студенты упоминали исторических деятелей – 22,9% от общего числа упоминаний. На втором месте деятели науки – 22,5%, на третьем – деятели искусства – 22,3%. Четвертое место по частоте упоминаний заняли политические деятели – 21,0%, пятое с большим отрывом – общественные деятели – 8,5%. Меньше всего участники фокус-групп называли другие персоны, которые ассоциируются с Европой – 2,8% от общего количества упоминаний (диаг. 1).

Диаграмма 1 – Количество упоминаний людей, ассоциативно связанных с Европой, по категориям

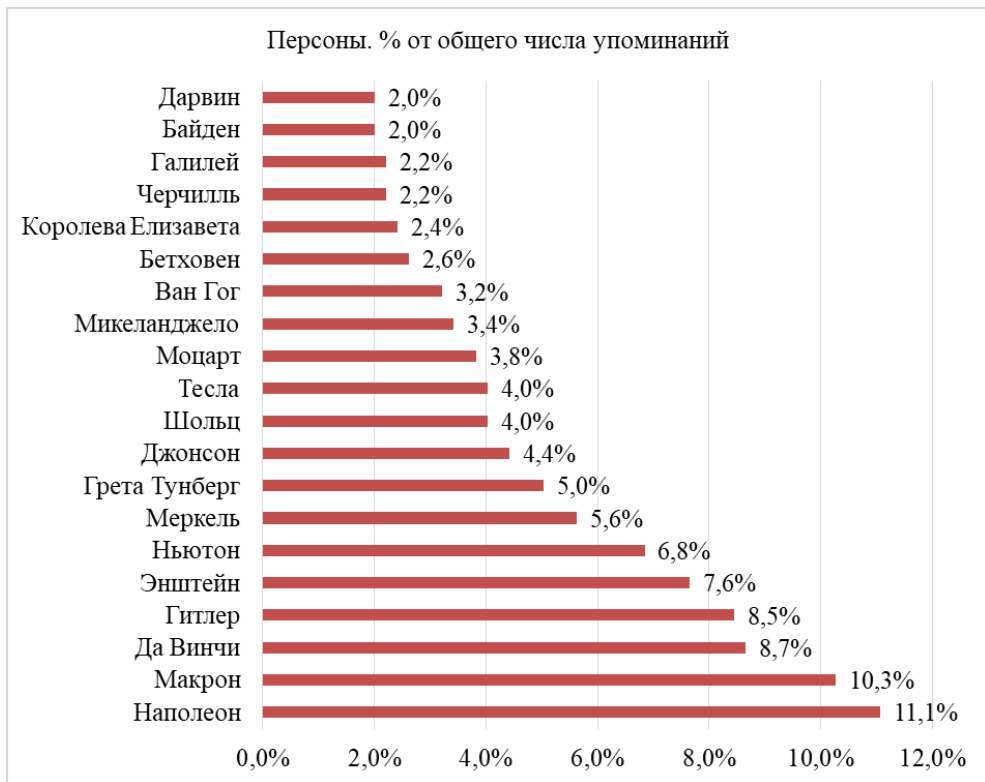
Таким образом, Европа в представлении студентов ассоциируется прежде всего с людьми, олицетворяющими события истории, авторами научных открытий и произведений искусства.

Студенты в ходе фокус-групп сделали 904 выбора. На диаг. 2 приведены распределения абсолютных количественных значений предпочтений участников фокус-групп.

Диаграмма 2 – Распределение людей, ассоциативно связанных с Европой, по абсолютному количеству упоминаний

Простые процентные распределения упоминаний персоналий (диаг. 3) демонстрируют следующие закономерности. Участники фокус-групп наиболее часто называли Наполеона, на которого пришлось 11,1% от общего количества упоминаний. Второе место по количеству упоминаний занял президент Франции Э. Макрон – 10,3%, на третьем оказался Леонардо да Винчи с 8,7%, на четвертом – А. Гитлер – 8,5%. Разбежность упоминаний Леонардо да Винчи и А. Гитлера меньше, чем статистическая погрешность. Необходимо указать, что важные персонифицированные идентификаторы не обязательно однородны по шкале позитивных – негативных оценок. Образ Европы является многосторонним, и символизирующие этот образ люди различны.

Диаграмма 3 – Распределение людей, ассоциативно связанных с Европой, по проценту упоминаний

О мотивах выбора людей, которые в восприятии студентов связаны с Европой, дают представление комментарии участников фокус-групп. Студенты, назвавшие Наполеона в качестве символа Европы, указали на исторический факт, а именно его войны с Россией. Достаточно часто анализ

комментариев демонстрировал взаимосвязь – Наполеона называли вместе с Гитлером. По количеству упоминаний нацистский диктатор занял четвертую позицию. Комментарии участников фокус-групп можно обобщить следующим образом: эти люди оказали большое влияние на исторический процесс. Вне зависимости от негативной моральной оценки этих деятелей они влияли на миропорядок в Европе. По мнению некоторых студентов, личности Наполеона и Гитлера могут служить выражением Европы определенных исторических периодов. Необходимо специально отметить, что среди зарубежных исторических фигур лидерами по количеству упоминаний являются те, кто ассоциирован с Россией агрессией по отношению к нашей стране. Можно предположить, что это объясняется более долгим и глубоким изучением российскими студентами отечественной истории по сравнению с зарубежной историей. Наиболее известные студентам политические деятели прошлого, ассоциативно связанные с Европой, часто упоминаются в курсе отечественной истории.

Президента Франции Э. Макрона наиболее часто вспоминали среди наиболее значимых политических деятелей современности. Обосновывая свой выбор, студенты из числа участников фокус-групп приводили аргументы из следующих групп: он пытается наладить коммуникацию с российскими дипломатами, и у него это получается; он является лидером одной из ведущих европейских стран и обладает большим влиянием; он относится к немногочисленной группе наиболее обсуждаемых людей; он непосредственно формирует европейскую политику. Выбор Э. Макрона легко объяснить его активным присутствием в период проведения исследования в сводках российских новостей, информирующих о попытках урегулировать международный кризис.

Леонардо да Винчи студенты определили количеством выборов как наиболее значимого для них европейского деятеля в области искусства, при этом известного также в других сферах деятельности. Комментарии к выбору Леонардо можно обобщить следующим образом: он является одним из крупнейших деятелей искусства как своего времени, так последующего периода. При этом его творчество лежит как в сфере науки, так искусства, и он создавал новые жанры. Леонардо да Винчи широко представлен в популярной российской литературе, этой персоне большое внимание уделено как документальных, так и художественным кино. Среди деятелей науки по количеству упоминаний на первом месте находится А. Эйнштейн (6,8%): «Альберт Эйнштейн, потому что гениальный физик». Завершающую часть своей жизни А. Эйнштейн провел в США, однако он является для участников фокус-групп человеком, олицетворяющим Европу. Вероятно, мы имеем дело с отождествлением студентами Европы и «коллективного Запада». Именно коллектив-

ный Запад в настоящее время является наиболее значимым «иным» для участников фокус-групп. В не очень четко определенных границах этого «иногo» различия между его элементами размываются, и российские студенты склонны ставить знак равенства между Европой и «Западом».

Трудности у участников фокус-групп вызвал вопрос об общественных деятелях Европы. По словам одного из студентов: «Тут слово «общественный» смущает». Не все студенты понимали, кого можно отнести к общественным деятелям. Чаще всего участники фокус-групп называли Грету Тунберг – 5%. Среди мотивов ее выбора наиболее типичным был мотив широкой известности Г. Тунберг в связи с попытками решить острую глобальную проблему. Студенты говорили в комментариях, что Тунберг стала инициатором экологической революции в общественном сознании, ее слова заставили некоторых участников фокус-групп задуматься о собственном экологическом поведении.

Европа воспринимается студентами как олицетворение «коллективно-го Запада». Видимо этим объясняется упоминание американских деятелей как европейских: президент США Д. Байден был упомянут 10 раз, американский изобретатель Н. Тесла, связанный с Европой лишь ранними годами жизни – 20 раз.

Авторы используют результаты исследования 2022 года для оценки динамики представлений молодых людей об образе Европы за шесть лет. Исследователями уже был сформулирован вывод, что события 2022 года, начало специальной военной операции, оказали большое влияние на установки массового сознания [16, с. 473]. В то же время шестилетний срок авторы данной статьи рассматривают как достаточный для сравнительного анализа. Как будет показано ниже, в формировании узнаваемости «символов Европы» большую роль играет обучение в школе. Шесть лет – это более чем половина всего периода обучения в школе. За это время изменение школьных программ и практик обучения становится настолько значимым, что оказывает влияние на восприятие социально-культурных и политических фактов.

В 2016-2017 гг. организаторы исследования провели 12 коллективных полуструктурированных интервью (фокус-групп) с участием студентов и работающей молодежи (в том числе из сельских поселений) в Краснодаре и Краснодарском крае. В ходе этих фокус-групп, проведенных по сопоставимой методике, была выделена тройка лидеров – наиболее часто упоминаемые люди, как исторические деятели, так и наши современники, которые для молодых людей ассоциируются с Европой: Меркель (169 упоминаний), Наполеон (120 упоминаний), Гитлер (103 упоминания). В 2022 году первые три места заняли соответственно Наполеон, Макрон и Да Винчи. На четвертом месте по количе-

ству упоминаний Гитлер, причем разрыв в количестве упоминаний между Да Винчи и Гитлером минимален – 0,2%.

Сравнение списков лидеров упоминаний 2016 и 2022 гг. позволяет сделать ряд выводов. Исторические персонажи в этом списке, а именно Наполеон и Гитлер, стабильно сохраняют свои позиции. Это можно объяснить тому вниманию, которое школьная программа истории уделяет этим историческим деятелям. Трансляция школьникам информации о событиях, связанных с Наполеоном и Гитлером, осуществляется на протяжении поколений и является устойчивой традицией. Вне зависимости от направленности высшего образования, которое получают молодые люди – участники исследования, они уже в школе формируют представление об этих персонажах. Другими словами, Наполеона и Гитлера делает узнаваемыми для российской молодежи именно школьная программа.

Если исторические персонажи – лидеры списка «символов Европы» устойчиво занимают позиции в денном списке, то наши современники ситуативно появляются и исчезают. Это наглядно на примере бывшего канцлера ФРГ Ангелы Меркель и президента Франции Эммануэля Макрона. В 2016 году А. Меркель была лидером списка, в 2022 году Э. Макрон занял в нем второе место. При этом как в 2016, так и в 2022 году два других персонажа в первых тройках были деятелями прошлого. Школьная программа истории не дает информации о современности, в том числе о политических лидерах стран Европы. Высокая узнаваемость политических деятелей формируется у молодых людей средствами массовой информации, в первую очередь новостными передачами, и социальными сетями. В 2016 году в доступном для молодежи информационном потоке наиболее часто упоминалась канцлер Федеративной Республики Германия (в то время) А. Меркель. Высокая частота упоминаний этого политика в российском информационном поле определялась большой ролью А. Меркель в международных процессах, длительностью пребывания на должности канцлера, тесным взаимодействием России и Германии. Однако, осенью 2021 года А. Меркель ушла в отставку с должности канцлера и прекратила политическую активность. Это неизбежно привело к значительному уменьшению количества ее упоминаний в СМИ и социальных сетях. В то же время, Э. Макрон в начале 2022 года часто фигурировал в информационном поле как в связи с кризисом взаимоотношений между Россией и военным блоком НАТО, так и в связи с завершением первого срока его полномочий и выборами президента Франции, которые состоялись в апреле 2022 года.

Нужно отметить интересный ряд российских исторических деятелей, которые ассоциировались у участников фокус-групп с Европой в ходе ис-

следования 2022 года. В группе исторических личностей были названы Ленин, Сталин и Петр Первый. Ни Ленин, ни Сталин объективно не могут быть символами Европы в ее классическом понимании как региона классической демократии. Двух названных выше политических деятелей скорее можно охарактеризовать как изоляционистов, которые создали труднопреодолимый барьер между Россией и Европой. Лишь такой участник данного списка, как Петр Первый, символизирует сближение России и Европы. Выбор отечественных исторических деятелей в качестве символов Европы не является массовым, поэтому на основе анализа этого выбора можно делать лишь осторожные предположения. В то же время этот анализ определяет одно из возможных направлений дальнейшего исследования персоналистских индикаторов Европы у российской молодежи.

В группе политических деятелей прошлого в 2016 году первые места занимали соответственно Наполеон, Гитлер и Черчилль. Исследователи объяснили это глубокой включенностью названных деятелей в успешные для России внешнеполитические события. Необходимо согласиться с тем, что высокая связанность данных исторических деятелей с Россией определяет их высокую узнаваемость. В 2022 году три топовых места по количеству упоминаний в ходе фокус-групп также занимали Наполеон, Гитлер и Черчилль. Высокая устойчивость выбора данных персон можно объяснить, как было уже показано выше, высокой частотой их упоминаний в школьном курсе истории.

Три первых места в списке современных политиков в 2016 году заняли А. Меркель, Елизавета II и президент Франции Ф. Олланд. Все трое ярко символизировали политический потенциал Европы, поскольку в то время они возглавляли государства-лидеров континента. В 2022 году первые три места в группе современных политических деятелей заняли представители тех же стран: президент Франции Э. Макрон, бывший канцлер ФРГ А. Меркель, премьер-министр Великобритании (ко времени написания статьи – уже бывший) Б. Джонсон. Можно предположить, что на выбор символов Европы в политической сфере значительно влияет принадлежность человека к государству, которое входит в тройку европейских лидеров. В то же время, конкретные люди, которых называют в качестве символов, меняются со временем. Это подтверждает замена в 2022 году представителя Великобритании. Елизавета II остается королевой, однако значительно уступила по количеству выборов активному и популярному в медиа Б. Джонсону. 2016 год был юбилейным для королевы Великобритании, которая отмечала свое 90-летие. С этим событием было связано значительное увеличение ее присутствия в медиа. В этом смысле попадание Елизаветы II в тройку лидеров было ситуа-

тивным. До и после юбилейного года символическая роль монарха в британской политической системе определяет ее скромное присутствие в информационном пространстве.

Высокую устойчивость в течение 6 лет продемонстрировала группа лидеров группы «деятели науки». Как в 2016, так и в 2022 году первые три места в одинаковой последовательности занимали А. Эйнштейн, Ньютон и Н. Тесла. Такой выбор научных символов Европы сформирован сложной системой факторов. А. Эйнштейн и Ньютон среди лидеров являются результатом школьного образования. Эти ученые-энциклопедисты, известные также своими философскими работами, упоминаются в разных учебных курсах на протяжении всей старшей школы. Имя Никола Тесла стало брендом такого инновационного продукта, как электромобиль. Сохранение Н. Теслы в топе выборов в 2022 году можно объяснить той же причиной. За прошедшие 6 лет количество электромобилей марки «Тесла» значительно увеличилось. «Тесла» становится нарицательным названием электромобиля, как в свое время нарицательной стала модель копиров Хегех.

Таким образом, исследование персоналистских индикаторов Европы в восприятии студентов Кубанского государственного университета продемонстрировало, что Европа в представлении участников фокус-групп ассоциируется прежде всего с людьми, олицетворяющими события истории, авторами научных открытий и произведений искусства.

Лидерами по количеству упоминаний среди политических деятелей прошлого являются люди, ассоциативно связанные с нашей страной лишь тем, что они вели с ней войны. Это можно объяснить более длительным и глубоким изучением отечественной истории по сравнению с историей других регионов.

Главными факторами узнаваемости персонифицированных символов Европы являются школьные образовательные программы и находящаяся в свободном доступе информация, предоставленная как СМИ, так и социальными сетями. На выбор студентами персональных политических символов Европы большое влияние оказывает ситуативный информационный поток в России.

Выбор отечественных исторических деятелей в качестве символов Европы не являлся в нашем исследовании массовым. На основе анализа этих единичных выборов можно делать лишь осторожные предположения. В то же время, можно предположить, что выбор отечественных персонажей в качестве символов Европы является актуальным направлением дальнейшего исследования персоналистских индикаторов Европы у российской молодежи.

Литература

1. Аббасов Г.А. Формирование и развитие молодежной политики в контексте транс-национальных процессов: возможности и вызовы // PolitBook. 2023. №3. С. 118-142.
2. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. №6(20). С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>
3. Антонова Н.Л. Молодежь в поисках городской идентичности: уровни и индикаторы // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. №11(91). С. 16–19.
4. Бедерсон В.Д. В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России // Символическая политика. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Политические функции мифов. Москва: ИНИОН РАН, 2015. С. 192–209.
5. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / отв. ред. Е.Б. Шестопал. Москва: Весь Мир, 2019. 656 с.
6. Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология управления. 2022. №1. С. 10–30.
7. Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. №3. С. 39–52.
8. Зубок Ю.А., Чанкова Е.В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. №1. С. 18–30.
9. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: особенности социального регулирования // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Р. Вишневский и др. Белгород: ООО Эпицентр, 2021. С. 24–27.
10. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Весь мир, 2023. 512 с.
11. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Весь мир, 2017. 992 с.
12. Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Особенности реализации региональной молодежной политики Краснодарском крае // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №7. С. 22–25.
13. Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Региональные особенности реализации государственной молодежной политики в Ростовской области и Краснодарском крае: компаративный анализ по итогам 2018 года // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №8. С. 45–51.
14. Меркулов П.А. Влияние молодёжных проблем на социально-политическую стабильность в условиях трансформационных сдвигов // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, №1. С. 15–42.
15. Осадчая Г.И., Кочербаева А.А., Вартанова М.П. и др. Социальная память молодёжи государств-участников евразийской интеграции / под общ. ред. Г.И. Осадчей, А.А. Кочербаевой, М.П. Вартановой. Бишкек: Издательство КРСУ, 2023. 274 с.
16. Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможные оценки на основе статистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, №2. С. 471–485.
17. Попова О.В., Гришин Н.В. Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов // Политическая наука. 2023. №2. С. 140–162. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.06>
18. Сазантович А.Б. Визуальный образ Европы в представлениях кубанской молодежи // Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 171–182.
19. Самаркина И.В. Методология и методики исследования образа Европы в представлениях молодежи // Восприятие Европы в молодежной среде в контексте со-

временных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 6–14.

20. Селезнева А.В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, №3. С.47–60. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4>.

21. Селезнева А.В. Ценностные детерминанты политического восприятия. Психология политического восприятия в современной России: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия. 12. Политические науки. 2013. №6. С. 124–126.

22. Сеннет Р. Падение публичного человека. Москва: Логос, 2002. 424 с.

23. Шестопал Е.Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, №4. С. 16–28. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11402>

24. Akaliyski P., Welzel C., Hien J. A Community of Shared Values? Dimensions and Dynamics of Cultural Integration in the European Union // Journal of European Integration. 2021. Vol. 44, №2. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1956915>

25. Belanche D, Casalo L., Rubio M. Local Place Identity: A Comparison between Residents of Rural and Urban Communities // Journal of Rural Studies. 2021. Vol. 82, №1. P. 242–252. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.01.003>

26. Belcher J. Cold Civil War: Overcoming Polarization, Discovering Unity, and Healing the Nation. Westmont, Illinois: IVP, 2022. 352 p.

27. Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. №7. P. 102–118.

28. Bieber F. Debating Nationalism: The Global Spread of Nations. London: Bloomsbury Academic, 2020. 246 p.

29. Blackburn M. The Persistence of the Civic-Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe // National Identities. 2022. Vol. 24, №3. P.1–20. DOI: 10.1080/14608944.2021.2006169

30. Breakwell G.M. Identity Resilience: Its Origins in Identity Processes and Its Role in Coping with Threat // Contemporary Social Science: Journal of the Academy of Social Sciences. 2021. Vol. 16, №2. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/21582041.2021.1999488>

31. Brock J. Migration and Political Theory. Cambridge: Polity Press, 2021. 224 p.

32. Bruner J.S., Postman L. On the Perception of Incongruity: A Paradigm // Journal of Personality. 2006. №18. P. 206–223. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1949.tb01241.x>

33. Carmona M., Guerra R., Dovidio J.F. et al. Unpacking All-inclusive Superordinate Categories: Comparing Correlates and Consequences of Global Citizenship and Human Identities // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13:986075. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.986075>

34. Carmona M., Guerra R., Hofhuis J. What Does It Mean to be a “Citizen of the World”: A Prototype Approach // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2022. Vol. 53, №1. P. 547–569. <https://doi.org/10.1177/00220221221088332>

35. Clark N.D. Drag Them: A Brief Etymology of So-Called “Cancel Culture” // Communication and the Public. 2020. Vol. 5, №3–4. P. 88–92. <https://doi.org/10.1177/2057047320961562>

36. Guelke A. Peace Settlements and Political Transformation in Deeply Divided Societies. Rethinking Northern Ireland and South Africa. London: Routledge, 2022. 216 p.

37. Gulevich O.A., Osin E.N. Generalized Trust and Military Attitudes in Russia: The Role of National and Global Human Identification // The British Journal of Social Psychology. 2023. Vol. 62, №3. P. 1566–1579. <https://doi.org/10.1111/bjso.12648>

38. Gunasti K., Ross W., Kara S. My Brand Identity Lies in the Brand Name: Personified Suggestive Brand Names // Journal of Brand Management. 2020. Vol. 27, №3. P. 607–621. <https://doi.org/10.1057/s41262-020-00201-x>

39. HackPolay D., Mahmoud A., Kordowicz M. et al. “Let Us Define Ourselves”: Forced Migrants’use of Multiple Identities as a Tactic for Social Navigation // BMC Psychology. 2021. Vol. 9:125. <https://doi.org/10.1186/s40359-021-00630-6>

40. Hagel M.L., Trutzenberg F., Eid M. Perceived Parenting and Identification with All Humanity: Insights from England and Germany // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13:924562. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.924562>
41. Hamer K., McFarland S. The Role of Early Intergroup Experiences for Identification with All Humanity in Adulthood // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14:1042602. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1042602>
42. Hamer K., Penczek M., McFarland S. et al. Identification with All Humanity – A Test of the Factorial Structure and Measurement Invariance of the Scale in Five Countries // *International Journal of Psychology*. 2021. Vol. 56, №1. P. 157–174. <https://doi.org/10.1002/ijop.12678>
43. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 p.
44. Lantos N.A., Engyel M., Hadarics M. et al. Identification with All Humanity Predicts Prosocial and Political Action Intentions During COVID19 // *Frontiers in Political Science*. 2022. Vol. 4:855148. <https://doi.org/10.3389/fpos.2022.855148>
45. Lin S., Wu F., Liang Q., Li Z., Guo Y. From Hometown to the Host City? Migrants' Identity Transition in Urban China // *Cities*. 2022. Vol. 122. №1. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103567>
46. Mackay C., Cristoffanini F., Wright J.D. et al. Connection to Nature and Environmental Activism: Politicized Environmental Identity Mediates a Relationship Between Identification with Nature and Observed Environmental Activist Behaviour // *Current Research in Ecological and Social Psychology*. 2021. Vol. 2:100009. <https://doi.org/10.1016/j.cresp.2021.100009>
47. Milan Ch. Navigating Ethnicity: Collective Identities and Movement Framing in Deeply Divided Societies // *Nationalities Papers*. 2021. Vol. 50, №6. P. 1–14. <https://doi.org/10.1017/nps.2021.29>
48. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? // *Political Studies*. 2021. Vol. 71, №1. P. 145–174. <https://doi.org/10.1177/003232172111037023>
49. O'Neil Sh.K. *The Globalization Myth: Why Regions Matter*. Yale: Yale University Press, 2022. 240 p.
50. Ostroglazova N.A. Conceptualization of National Identity in International Media: Casestudy of The Economist Publications // *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2021. Vol. 5, №2. P. 21–28. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-21-28>
51. Pabst A. Civilization and Liberal Democracy // *Polis. Political Studies*. 2021. №4. P. 26–42.
52. Paul T.V. The Specter of Deglobalization // *Current History*. 2023. Vol. 122. №840. P. 3–8. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.04>
53. Pong V., Tam K.P. Relationship between Global Identity and ProEnvironmental Behavior and Environmental Concern: A Systematic Review // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14:1033564. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1033564>
54. Riesman D. *Work and Leisure in Postindustrial Society* // *Mass Leisure* / ed. by E. Larabee, R. Meyersohn. Clencoe: Free Press, 1958. P. 363–389.
55. Schulte M., Bamberg S., Rees J., Rollin P. Social Identity as a Key Concept for Connecting Transformative Societal Change with Individual Environmental Activism // *Journal of Environmental Psychology*. 2020. Vol. 72(1):101525. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101525>
56. Sierra-Baron W., Olivos P., Gomez-Acosta A., Navarro O. Environmental Identity, Connectedness with Nature, and Well-Being as Predictors of Pro-Environmental Behavior, and Their Comparison between Inhabitants of Rural and Urban Areas // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, №5. <https://doi.org/10.3390/su15054525>
57. Wang Z., Jetten J., Steffens N. K. A World Together: Global Citizen Identification as a Basis for Prosociality in the Face of COVID19 // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2023. Vol. 26, №1. P.71–95. <https://doi.org/10.1177/13684302211051619>
58. Waterman A.S. "Now What do I do?": Towards a Conceptual Understanding of the Effects of Traumatic Events on Identity Functioning // *Journal of Adolescents*. 2020. Vol. 79, №3. P. 59–69. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2019.11.005>

References

1. Аббасов Г.А. Формирование и развитие молодежной политики в контексте транснациональных процессов: возможности и вызовы. PolitBook. 2023. №3. С. 118-142.
2. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. Психологические исследования. 2011. №6(20). С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>
3. Антонова Н.Л. Молодежь в поисках городской идентичности: уровни и индикаторы. Общество: социология, психология, педагогика. 2021. №11(91). С. 16-19.
4. Бедерсон В.Д. В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России. Символическая политика. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Политические функции мифов. Москва: ИНИОН РАН, 2015. С. 192-209.
5. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / отв. ред. Е.Б. Шестопап. Москва: Весь Мир, 2019. 656 с.
6. Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи. Научный результат. Социология управления. 2022. №1. С. 10-30.
7. Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры. Наука. Культура. Общество. 2023. №3. С. 39-52.
8. Зубок Ю.А., Чанкова Е.В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. №1. С. 18-30.
9. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: особенности социального регулирования. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Р. Вишневский и др. Белгород: ООО Эпицентр, 2021. С. 24-27.
10. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Весь мир, 2023. 512 с.
11. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Весь мир, 2017. 992 с.
12. Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Особенности реализации региональной молодежной политики Краснодарском крае. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №7. С. 22-25.
13. Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Региональные особенности реализации государственной молодежной политики в Ростовской области и Краснодарском крае: компаративный анализ по итогам 2018 года. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №8. С. 45-51.
14. Меркулов П.А. Влияние молодежных проблем на социально-политическую стабильность в условиях трансформационных сдвигов. Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, №1. С. 15-42.
15. Осадчая Г.И., Кочербаева А.А., Вартанова М.П. и др. Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции / под общ. ред. Г.И. Осадчей, А.А. Кочербаевой, М.П. Вартановой. Бишкек: Издательство КРСУ, 2023. 274 с.
16. Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможные оценки на основе статистического анализа. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, №2. С. 471-485.
17. Попова О.В., Гришин Н.В. Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов. Политическая наука. 2023. №2. С. 140-162. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.06>
18. Сазантович А.Б. Визуальный образ Европы в представлениях кубанской молодежи. Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 171-182.
19. Самаркина И.В. Методология и методики исследования образа Европы в представлениях молодежи. Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 6-14.
20. Селезнева А.В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки. Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, №3. С. 47-60. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4>.
21. Селезнева А.В. Ценностные детерминанты политического восприятия. Психология политического восприятия в современной России: материалы круглого стола. Вестник Московского университета. Серия. 12. Политические науки. 2013. №6. С. 124-126.
22. Сеннет Р. Падение публичного человека. Москва: Логос, 2002. 424 с.

23. Шестопап Е.Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами. Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, №4. С. 16–28. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11402>
24. Akaliyski P., Welzel C., Hien J. A Community of Shared Values? Dimensions and Dynamics of Cultural Integration in the European Union. *Journal of European Integration*. 2021. Vol. 44, №2. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1956915>
25. Belanche D, Casalo L., Rubio M. Local Place Identity: A Comparison between Residents of Rural and Urban Communities. *Journal of Rural Studies*. 2021. Vol. 82, №1. P. 242–252. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.01.003>
26. Belcher J. Cold Civil War: Overcoming Polarization, Discovering Unity, and Healing the Nation. Westmont, Illinois: IVP, 2022. 352 p.
27. Bell D. Notes on the Post-Industrial Society. *The Public Interest*. 1967. №7. P. 102–118.
28. Bieber F. Debating Nationalism: The Global Spread of Nations. London: Bloomsbury Academic, 2020. 246 p.
29. Blackburn M. The Persistence of the Civic-Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe. *National Identities*. 2022. Vol. 24, №3. P. 1–20. DOI: 10.1080/14608944.2021.2006169
30. Breakwell G.M. Identity Resilience: Its Origins in Identity Processes and Its Role in Coping with Threat. *Contemporary Social Science: Journal of the Academy of Social Sciences*. 2021. Vol. 16, №2. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/21582041.2021.1999488>
31. Brock J. *Migration and Political Theory*. Cambridge: Polity Press, 2021. 224 p.
32. Bruner J.S., Postman L. On the Perception of Incongruity: A Paradigm. *Journal of Personality*. 2006. №18. P. 206–223. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1949.tb01241.x>
33. Carmona M., Guerra R., Dovidio J.F. et al. Unpacking All-inclusive Superordinate Categories: Comparing Correlates and Consequences of Global Citizenship and Human Identities. *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13:986075. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.986075>
34. Carmona M., Guerra R., Hofhuis J. What Does It Mean to be a “Citizen of the World”: A Prototype Approach. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2022. Vol. 53, №1. P. 547–569. <https://doi.org/10.1177/00220221221088332>
35. Clark N.D. Drag Them: A Brief Etymology of So-Called “Cancel Culture”. *Communication and the Public*. 2020. Vol. 5, №3–4. P. 88–92. <https://doi.org/10.1177/2057047320961562>
36. Guelke A. *Peace Settlements and Political Transformation in Deeply Divided Societies. Re-thinking Northern Ireland and South Africa*. London: Routledge, 2022. 216 p.
37. Gulevich O.A., Osin E.N. Generalized Trust and Military Attitudes in Russia: The Role of National and Global Human Identification. *The British Journal of Social Psychology*. 2023. Vol. 62, №3. P. 1566–1579. <https://doi.org/10.1111/bjso.12648>
38. Gunasti K., Ross W., Kara S. My Brand Identity Lies in the Brand Name: Personified Suggestive Brand Names. *Journal of Brand Management*. 2020. Vol. 27, №3. P. 607–621. <https://doi.org/10.1057/s41262-020-00201-x>
39. HackPolay D., Mahmoud A., Kordowicz M. et al. “Let Us Define Ourselves”: Forced Migrants’use of Multiple Identities as a Tactic for Social Navigation. *BMC Psychology*. 2021. Vol. 9:125. <https://doi.org/10.1186/s40359-021-00630-6>
40. Hagel M.L., Trutzenberg F., Eid M. Perceived Parenting and Identification with All Humanity: Insights from England and Germany. *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13:924562. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.924562>
41. Hamer K., McFarland S. The Role of Early Intergroup Experiences for Identification with All Humanity in Adulthood. *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14:1042602. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1042602>
42. Hamer K., Penczek M., McFarland S. et al. Identification with All Humanity – A Test of the Factorial Structure and Measurement Invariance of the Scale in Five Countries. *International Journal of Psychology*. 2021. Vol. 56, №1. P. 157–174. <https://doi.org/10.1002/ijop.12678>
43. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 p.
44. Lantos N.A., Engyel M., Hadarics M. et al. Identification with All Humanity Predicts Prosocial and Political Action Intentions During COVID19. *Frontiers in Political Science*. 2022. Vol. 4:855148. <https://doi.org/10.3389/fpos.2022.855148>
45. Lin S., Wu F., Liang Q., Li Z., Guo Y. From Hometown to the Host City? Migrants’ Identity Transition in Urban China. *Cities*. 2022. Vol. 122. №1. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103567>
46. Mackay C., Cristoffanini F., Wright J.D. et al. Connection to Nature and Environmental Activism: Politicized Environmental Identity Mediates a Relationship Between Identification with Nature and Observed Environmental Activist Behaviour. *Current Research in Ecological and Social Psychology*. 2021. Vol. 2:100009. <https://doi.org/10.1016/j.cresp.2021.100009>
47. Milan Ch. Navigating Ethnicity: Collective Identities and Movement Framing in Deeply Divided Societies. *Nationalities Papers*. 2021. Vol. 50, №6. P. 1–14. <https://doi.org/10.1017/nps.2021.29>

48. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? *Political Studies*. 2021. Vol. 71, №1. P. 145-174. <https://doi.org/10.1177/003232172111037023>
49. O'Neil Sh.K. *The Globalization Myth: Why Regions Matter*. Yale: Yale University Press, 2022. 240 p.
50. Ostroglazova N.A. Conceptualization of National Identity in International Media: Casestudy of The Economist Publications. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2021. Vol. 5, №2. P. 21-28. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-21-28>
51. Pabst A. *Civilization and Liberal Democracy*. Polis. *Political Studies*. 2021. №4. P. 26-42.
52. Paul T.V. The Specter of Deglobalization. *Current History*. 2023. Vol. 122. №840. P. 3-8. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.04>
53. Pong V., Tam K.P. Relationship between Global Identity and ProEnvironmental Behavior and Environmental Concern: A Systematic Review. *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14:1033564. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1033564>
54. Riesman D. *Work and Leisure in Postindustrial Society*. Mass Leisure / ed. by E. Larabee, R. Meyersohn. Clencoe: Free Press, 1958. P. 363–389.
55. Schulte M., Bamberg S., Rees J., Rollin P. Social Identity as a Key Concept for Connecting Transformative Societal Change with Individual Environmental Activism. *Journal of Environmental Psychology*. 2020. Vol. 72(1):101525. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2020.101525>
56. Sierra-Baron W., Olivos P., Gomez-Acosta A., Navarro O. Environmental Identity, Connectedness with Nature, and Well-Being as Predictors of Pro-Environmental Behavior, and Their Comparison between Inhabitants of Rural and Urban Areas. *Sustainability*. 2023. Vol. 15, №5. <https://doi.org/10.3390/su15054525>
57. Wang Z., Jetten J., Steffens N. K. A World Together: Global Citizen Identification as a Basis for Prosociality in the Face of COVID19. *Group Processes & Intergroup Relations*. 2023. Vol. 26, №1. P. 71-95. <https://doi.org/10.1177/136843022111051619>
58. Waterman A.S. "Now What do I do?": Towards a Conceptual Understanding of the Effects of Traumatic Events on Identity Functioning. *Journal of Adolescents*. 2020. Vol. 79, №3. P. 59-69. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2019.11.005>

**Е.А. Тюрин,
Е.Н. Савинова,
М.В. Левочкина**

**E. Turin,
E. Savinova,
M. Levochkina**

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДИЗАЙН
ШОТЛАНДСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА
В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ТРАДИЦИОННОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

**ETHNOPOLITICAL DESIGN
OF SCOTTISH
NATIONALISM IN
CONDITIONS OF
TRANSFORMATION
TRADITIONAL
STATEHOOD**

Аннотация

В статье ставится вопрос о теоретической и практической значимости научного осмысления национализма в связи с актуализацией националистической повестки во многих регионах современного мира. Исследовательской целью авторы избрали осмысление эволюции этнополитического дизайна шотландского национализма, развивавшегося под влиянием общеевропейского процесса трансформации традиционной государственности. Теоретико-методологической основой статьи стали: социокультурный подход; концепция «государства-члена»; методы совмещения социологической и институциональной парадигм, системного и сравнительного анализа.

Рост политического влияния националистических сил во многих странах (в том числе, Шотландии) объясняется тем, что национализм продолжает сохранять потенциал катализатора возникновения новых моделей регионализма. В мире стали проявляться изменения традиционной государственности, современная политико-институциональная модернизация которой обусловлена вытеснением исторических форм национально-государственного суверенитета глобалистским наднациональным управлением, функционирующим в условиях

Abstract

This article raises the question of the theoretical and practical significance of the scientific understanding of nationalism in connection with the actualization of the nationalist agenda in many regions of the modern world. The authors chose as their research goal to understand the evolution of the ethno-political design of Scottish nationalism, which developed under the influence of the pan-European process of transformation of traditional statehood. The theoretical and methodological basis of the article was: sociocultural approach; concept of "member state"; methods of combining sociological and institutional paradigms, systemic and comparative analysis.

The growth of the political influence of nationalist forces in many countries (including Scotland) is explained by the fact that nationalism continues to retain the potential to catalyze the emergence of new models of regionalism. 2. Changes in traditional statehood have begun to appear in the world, the modern political-institutional modernization of which is due to the displacement of historical forms of national-state sovereignty by globalist supranational governance, operating in the conditions of the crisis of neoliberalism and the imposition of cosmopolitan democracy. Against the backdrop of the crisis of neoliberalism, Scottish

кризиса неолиберализма и насаждения космополитической демократии. На фоне кризиса неолиберализма шотландские националисты в борьбе за национально-территориальное самоопределение прибегли к евроинтеграционной космополитической стратегии, создав противоречие между национализмом и еврофильством, неотделимым от дефицита демократии и продвижения интересов наднационального глобалистского бизнеса. Итог – снижение популярности SNP в шотландском обществе.

Процесс передачи полномочий в Великобритании оказался схожим с процессом антидемократического воздействия ЕС в отношении государств-членов – наметилась институциональная трансформация, предполагающая навязывание рассредоточенной, многоуровневой структуры подотчетности, подрывающей традиционные модели национальной государственности. Этнополитический дизайн шотландского национализма формировался в непростых условиях трансформации традиционной государственности, а современные подходы руководства SNP к стратегии борьбы за национально-территориальное самоопределение Шотландии свидетельствуют о наметившихся существенных изменениях в нем. Шотландия остается страной-регионом, где продолжается борьба за национально-территориальное самоопределение и сохраняется движение за устранение дефицита демократии.

Ключевые слова:

государственность, этнополитическая идентичность, национализм, Шотландия, суверенитет, Шотландская Национальная Партия.

nationalists, in the struggle for national-territorial self-determination, resorted to a European integration cosmopolitan strategy, creating a contradiction between nationalism and Europhilism, inseparable from the deficit of democracy and the promotion of the interests of supranational globalist business. The result is a decline in the popularity of the SNP in Scottish society.

The process of devolution in the UK turned out to be similar to the process of anti-democratic influence of the EU in relation to member states - there has been an institutional transformation that involves the imposition of a dispersed, multi-level accountability structure that undermines traditional models of national statehood. The ethnopolitical design of Scottish nationalism was formed in the difficult conditions of transformation of traditional statehood, and the modern approaches of the SNP leadership to the strategy of the struggle for national-territorial self-determination of Scotland indicate significant changes have emerged in it. Scotland continues to be a country-region where the struggle for national-territorial self-determination continues and the movement to eliminate the democratic deficit continues.

Key words:

statehood, ethnopolitical identity, nationalism, Scotland, sovereignty, Scottish National Party policy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-154-172>

Вопрос о необходимости научного осмысления национализма (как политической идеологии и практики) приобретает в наши дни особую теоретическую и практическую значимость. Наметившиеся в мире тенденции говорят о вступлении человечества в эпоху националистического ренессанса. Об этом свидетельствует характер и охват распространения националистической повестки. Поэтому любая попытка анализа проявлений национализма в

отдельных странах мира должна приветствоваться ввиду ее очевидной актуальности. В предлагаемой статье целью стало осмысление эволюции этнополитического дизайна шотландского национализма, развивавшегося под влиянием общеевропейского процесса трансформации традиционной государственности. В этой связи были определены некоторые задачи: рассмотрение основных этапов политико-институциональных изменений традиционной государственности в контексте кризиса неолиберализма; определение причин, по которым традиционные национальные государства с суверенитетом и этнополитической идентичностью оказываются под воздействием транснациональных требований подчинения глобалистскому «мировому порядку»; выявление факторов роста политического влияния национализма; рассмотрение противоречий, проявляющихся между еврофильством (как частным случаем глобалистской идентичности) и идеями борьбы за национально-территориальное самоопределение. Решение этих задач, затрагивающих довольно широкое предметное поле изучения, мы локализовали в этнополитическом пространстве Шотландии/Великобритании, делая акцент на эволюции этнополитического дизайна шотландского национализма и придерживаясь, тем самым, намеченной цели.

Оживление интереса экспертного сообщества к национально-территориальному устройству Великобритании и этнополитической повестке шотландских националистов проявилось на фоне результатов референдума о выходе Соединенного Королевства из Европейского Союза (ЕС). В ходе референдума 68% голосов шотландских избирателей были отданы за сохранение членства Великобритании в ЕС. Этот факт SNP, доминирующая в Парламенте Шотландии, активно использует сегодня, чтобы подчеркнуть глубину расхождений Эдинбурга с Лондоном, а также представить положительный образ шотландцев как нации с доминирующей европейской (или, даже, космополитической) идентичностью. Впрочем, представители политической социологии, такие как Н. Дэвидсон, М. Лиинпяя, М. МакБрайд, Н. Меер и другие, уже давно критикуют подобные идеологемы SNP [12; 36]. Псефологи Дж. Куртис и Д. МакКрон также задаются вопросом, действительно ли шотландские избиратели более благосклонны к ЕС [9], или это сиюминутное этнополитическое проявление национального протеста шотландцев против английского правления. Эту критику следует сопоставлять с некоторыми другими моментами. Так, несмотря на сложность основополагающих этнополитических настроений шотландских избирателей, межпартийный консенсус элиты в Шотландии оказался в подавляющем большинстве еврофильским. В данном контексте еврофильство можно рассматривать как тактику легитимации, используемую конкурирующими элитами для достижения целей тех или иных групп интересов. Впрочем, как верно отмечает Д. Торренс, даже это не может пролить свет на вопрос о том, каким образом Шотландия превратилась из наиболее евроскептического субъекта Соединенного Королевства –

в еврофильский [42]. На наш взгляд, в этом процессе явно наблюдалась эволюция взаимодействия этнополитической элиты с общественными настроениями. К реальному же усилению шотландского еврофильства привели, все-таки, разногласия между юнионистами, деволюционистами и националистами по поводу институционально-правовых форм национально-территориального самоопределения Шотландии.

Шотландский пример способен пролить свет и на более глобальные вещи, касающиеся причин современных трансформационных изменений традиционных форм национальной государственности. Это обстоятельство объясняет актуальность заявленной темы.

Теоретико-методологической основой проведенного нами анализа стал социокультурный подход (позволивший рассматривать этнополитическое пространство в контексте современных наднациональных и национальных процессов с учетом социокультурного фактора); метод совмещения социологической и институциональной парадигм (примененный при рассмотрении конкретных акторов этнополитического процесса); метод системного анализа (использованный при осмыслении шотландского национализма, развивающегося под влиянием многослойной шотландской идентичности и других внутренних факторов); сравнительный метод (применялся для осмысления этапов эволюции шотландского национализма и особенностей его проявления в этнополитическом процессе). Отдельно следует отметить концепцию, рассматривающую новую разновидность современного государства, обозначаемого понятием «государство-член» (ее использование позволило исследовать факторы и механизмы трансформации традиционной государственности национальных государств под влиянием евроглобалистской интеграционной динамики).

Рост политического влияния националистических сил во многих странах (в том числе, Шотландии) объясняется тем, что национализм продолжает сохранять потенциал катализатора возникновения новых моделей регионализма. В мире стали проявляться изменения традиционной государственности, современная политико-институциональная модернизация которой обусловлена вытеснением исторических форм национально-государственного суверенитета глобалистским наднациональным управлением, функционирующим в условиях кризиса неолиберализма и насаждения космополитической демократии. На фоне кризиса неолиберализма шотландские националисты в борьбе за национально-территориальное самоопределение прибегли к евроинтеграционной космополитической стратегии, создав противоречие между национализмом и еврофильством, неотделимым от дефицита демократии и продвижения интересов наднационального глобалистского бизнеса. В итоге, шотландский национализм, предлагавший моральную дистанцию от Вестминстера, дававший шотландцам надежду на стабильность без потрясений

Brexit, и привлекательный для либерализованного среднего класса Шотландии, оказался в ситуации снижения популярности самой SNP.

В рамках научного дискурса часто высказывается мысль о том, что ЕС работает не как наднациональное образование, а скорее, как механизм изоляции национальных элит от их претензий на государственную власть [8; 23]. Следовательно, меняются механизмы сделки между традиционными национальными государственными институциями и иными политическими субъектами конкретных стран, в результате чего центр принятия решений смещается на уровень транснационального управления.

Исходя из этого вывода, может показаться, что пример Шотландии противоречит критериям «государства-члена»: гражданская мобилизация в данной стране-регионе в ответ на Brexit была нацелена на восстановление условного шотландского национального суверенитета путем повторного присоединения к ЕС. Действительно, такой подход все чаще становится ключевым у оппозиционных сил, выступающих против наднациональной власти Лондона. Однако анализ этнополитического развития Шотландии раскрывает, по нашему мнению, более сложную картину. Шотландский этнополитический курс на независимость предстает как довольно противоречивый ответ на постнеолиберализм и кризис традиционной государственности.

Несмотря на то, что еврофильство оказалось полезным инструментом для конкурирующих сил в Шотландии, оно было преломлено сложившимся дефицитом демократии и требованиями восстановления суверенитета, привлекательными для разочарованных избирателей. Впрочем, необходимо сделать два дополнения, чтобы объяснить случай Шотландии. Во-первых, национальный суверенитет имеет сложную связь со своим государственным институциональным оформлением [15; 41]. Поэтому шотландский этнополитический курс на национально-территориальное самоопределение часто имел договорные отношения с Лондоном. Во-вторых, кризис традиционной национальной государственности выходит за рамки непосредственного вопроса о членстве в ЕС как Шотландии, так всей Великобритании. Это означает, что модернизация британской государственности путем деволуции включает в себя множество моментов, связанных с проблемами эффективности демократии и запутанной подотчетности, в итоге, способствуя расширению прав и возможностей национальных элит, в том числе, шотландских [25; 32].

Кроме того, следует иметь в виду, что давно подмечена взаимосвязь между трансформацией государственного института и суверенитетом [18; 27]. С одной стороны, суверенитет подразумевает автономное функционирование и национальные интересы государства, но, с другой – появилась убежденность (как следствие глобализации), что суверенитет больше неактуален, учитывая снижение роли национального государства [3; 28]. В итоге традиционный государственно-национальный суверенитет все более вытес-

няется глобалистским наднациональным управлением и переходом к космополитической демократии [2]. Впрочем, даже в таких условиях национализм будет сохраняться (несмотря на то, что его эффективные функции локомотива идентичностей в рамках государственного строительства будут вытесняться глобалистскими процессами). Национализм пока еще обладает потенциалом катализатора политических возможностей при формировании новых моделей регионализма [20] и в борьбе за национально-территориальное самоопределение.

Кроме того, на фоне кризиса неолиберализма некоторые страны-регионы с доминирующим в их этнополитической повестке национализмом (такие как Шотландия, Северная Ирландия, Каталония) прибегают для себя, одновременно, и космополитическую еврофильскую риторику. Это объясняется тем, что их претензии на суверенитет часто приводили к конфликту с глобалистскими правилами «мирового порядка». Отсюда следует, что субгосударственный национализм оказался способен не только сформировать основу для отстаивания этнополитической идентичности, но и вести борьбу за суверенитет до степени разрушения существующей государственной системы. Иными словами, тенденции таковы, что наднациональные силы и создаваемые ими структуры активно отстаивают идею всеобщей стабильности мирового порядка, противоречащую этнополитической повестке тех стран-регионов, которые пытаются бороться за национально-территориальное самоопределение и суверенитет.

Такое положение вещей заставляет задуматься о том, что суверенные государства с исторически сложившейся идентичностью трансформируются в результате подчинения транснациональным требованиям «мирового порядка». Так, например, ЕС несмотря на то, что сам не образует государство, тем не менее, трансформирует внутреннее институционально-функциональное содержание государств-членов, которые остались формально и юридически независимыми, но внутри этих стран взаимоотношения между исполнительной властью и национальными интересами сместились в ущерб последним. Это означает, что наднациональные межправительственные соглашения о соблюдении общих правил ограничивают национальный суверенитет, то есть ответственность государств как субъектов перед собственными народами. Именно такая новая модель отношений между властью и обществом (вызывающая дефицит демократии) получила название «государство-член» [4]. Итогом становится ситуация, в рамках которой наднациональные структуры не оформляются в государство нового типа, подразумевающего инвестиции в национальное самоуправление (как альтернативу глобалистскому космополитическому управлению), но, при этом, трансформируют национальный суверенитет государств-членов до степени его уничтожения.

Что же касается непосредственно шотландского кейса, то, по нашему мнению, критический взгляд на шотландский национализм (в какой-то мере,

равный гражданскому патриотизму) должен начинаться с пределов претензий последнего на суверенитет. Однако все зависит от практических обстоятельств, с которыми Шотландия столкнулась до и после Brexit. Пока же официальный националистический дискурс SNP изображает членство Шотландии в ЕС как основу и гарант шотландского суверенитета, и это утверждение пользуется значительной общественной поддержкой, что заметно по соответствующим лозунгам на фоне значительного оживления шотландского этнополитического пространства.

Роль Шотландии в составе Великобритании всегда была опосредована признанием национально-территориальной автономии [39]. На поверхностном уровне это берет свое начало с Акта о Союзе 1707 года, или даже и «Претензии о праве» («Claim of Right») 1689 года (провозглашавшей суверенитет шотландского народа), вплоть до судебных дебатов по поводу приостановки работы Парламента в 2019 году [38]. После Акта о Союзе роль Шотландии в многонациональном государстве трансформировалась под влиянием Британской империи, в становлении которой шотландцы играли большую роль [14; 29; 30]. Возможно, по этой причине национальный сепаратизм в Шотландии не был всегда очевиден [10]. Даже SNP изначально была привержена государственности, определенной параметрами Союза, а многие высокопоставленные члены и сторонники партии выказывали лояльность к Империи [13]. Сепаратизм же отстаивала небольшая проирландская левая партийная группа. И, все же, вопросы самоуправления и суверенитета присутствовали в этнополитической повестке Шотландии.

Конец Империи совпал со становлением национально-корпоративной государственной модели трансформации Соединенного Королевства [16]. В качестве аналога кейнсианства в управлении появился спрос на региональную политику, направленную, прежде всего, на устранение местных проблем безработицы, где от краха Империи сильно пострадала тяжелая промышленность Шотландии [19; 33; 34]. На этом фоне в британской этнополитике появились новые институты, которые Р. Бреннер называет «пространственным кейнсианством» [6]. В рамках формирующегося корпоративистского национального государства, построенного на переговорах о капитале и труде, возник ряд юнионистских институтов для обеспечения национальных интересов Шотландии. Первоначально означенные институты приняли форму добровольных бизнес-коалиций, которые взяли на себя задачу модернизации стареющих структур тяжелой промышленности Шотландии и решения проблем региональной безработицы, отчасти за счет привлечения внутренних инвестиций. Такие полудобровольные коалиции были призваны играть более явную роль в государственном развитии после войны, с большей примесью представительства рабочего класса. Большая часть этой роли выпала на долю переговорных функций шотландского офиса, шотландских секретарей и местных депутатов. Таким образом, роль Шотландии в послевоенном

корпоративистском государстве была обеспечена запутанной смесью функций представителей различных институций. Здесь важно помнить, что энтузиазм по поводу британскости в значительной степени формировался в режиме имперского космополитизма, который в период крушения Империи быстро отступал. Чуть позже британское государство «подкупило» шотландский пролетариат идеями лейборизма, не выросшего до уровня националистического понимания важности суверенитета. Современный же национализм можно объяснить специфическими идентичностями шотландцев и особенностями государственного развития. В этом смысле наследие Шотландии как ключевого региона, управляющего глобальной империей, оставило следы в виде предпочтений открытости и космополитизма. И наоборот, переход Британии к относительно закрытому кейнсианскому государству, ориентированному на национальное управление, укрепил шотландское этнополитическое самосознание и оставил соответствующие следы в виде национализма [22; 40]. На протяжении послевоенного периода Шотландия была реципиентом британского коллективизма: например, у нее был один из самых высоких показателей социального жилья в Западной Европе. Соответственно, коллективистская тема солидарности продолжает формировать общественное мнение о независимости. Так, по мнению Н. Дэвидсона «Движение за независимость 2014 года» было основано на парадоксальной защите британскости образца после 1945 года [11].

На наш взгляд, шотландский национализм как серьезная сила возник в конце 1960-х годов на фоне кризиса британской национально-корпоративистской государственности. Это совпало с особенностями развития самой Шотландии – упадком местной буржуазии, крахом региональной политики и одновременным открытием нефти в Северном море. Последнее событие дало импульс к актуализации проблемы «шотландской слаборазвитости», этнополитическим следствием чего стал внезапный всплеск популярности SNP, получившей тогда 11 мест в Вестминстере.

С одной стороны, нефть Северного моря укрепила представление о Шотландии как о стране, колонизированной Лондоном, с другой – экономический эффект от открытия нефти заключался в расширении возможностей шотландских демократических сил. Как выразился Г. Браун [7], впервые со времен Союза нефть и политическая реакция на нее изменили баланс влияния внутри Великобритании в пользу Шотландии, предоставив, в частности, шотландскому рабочему движению новые возможности для переговоров с властью. Т. Нэрн утверждает, что нефтяная промышленность как самая крупная, богатая, агрессивная и интернациональная форма капитализма в мире, обеспечила то, чего не смог сделать в Шотландии ранний литературный ренессанс, а именно, создать шотландское народное сопротивление [37]. Впрочем, национализм по-прежнему вызывал поляризацию в этнополитическом климате, который все еще определялся общебританскими

представлениями о солидарности. Таким образом, первый референдум о децентрализованной системе управления в 1979 году не получил достаточной поддержки. Пик доходов от нефти пришелся на период правления М. Тэтчер в начале 1980-х гг., в эпоху массовой безработицы, которая особенно поразила регионы, исторически отмеченные присутствием тяжелой промышленности. Результатом недовольства тогда стала тенденция постоянного нарастания актуализации националистических тем.

При М. Тэтчер безработица достигла беспрецедентного уровня. Шотландия, особенно ее наиболее пострадавшие регионы, продолжала в основном избирать представителей Лейбористской партии, но последние использовали все более воинственную риторику [21; 42]. С другой стороны, силы, ориентированные на стремление восстановить модель корпоративистского государства и получившие эпитет «шотландских лобби», не имели поддержки в Вестминстере, поэтому национально-корпоративная коалиция за передачу полномочий сложилась во главе с шотландскими лейбористами. Эта коалиция основывалась на массовых движениях (например, против закрытия заводов) и на теме суверенитета. В «Претензии о праве» («Claim of Right») 1989 года утверждалось суверенное право шотландского народа определять форму правления, наиболее подходящую его потребностям. Этот документ не был откровенно националистическим, но скорее отражал совокупность взаимосвязанных политически умеренных идей, сгруппированных вокруг Лейбористской партии, либерального гражданского общества и профсоюзной бюрократии. Д. Келлас, наоборот, подчеркивал, что темы «Претензии о праве» по своей сути были федералистскими, а не деволуционистскими: то есть исходили от народа снизу-вверх, и не были делегированием государства сверху вниз [24]. Однако эти темы никогда не рассматривались как сепаратистские, и до референдума 2014 года принципы «Претензии о праве» были подтверждены в Парламенте Шотландии всеми партиями (за исключением консерваторов).

Раскол внутри коалиции возник не из-за конституционных основ, а из-за социальных вопросов. Народная оппозиция тэтчеризму переросла в движение против подушного налога, который (как социальный эксперимент) был навязан Лондоном сопротивлявшейся Шотландии [42]. Это стало одним из двух послевоенных моментов, предшествовавших 2014 году, когда пролетарская идентичность и шотландский патриотизм эффективно соединились для сопротивления политике Вестминстера. Впрочем, разрыв между подлинно народным движением и избирательными фокусами лейбористов был неизбежен. Некоторые считали это расколом рабочего класса, и в равной степени были обеспокоены тем, что гражданское неповиновение погубит респектабельную коалицию интересов, отстаивающую альтернативные стратегии государственного развития, лежащие в основе долгого пути к передаче полномочий [5]. Эти внутренние процессы открыли новые возможности

для усиления националистической повестки, которая имела все шансы соединиться с этнополитическим самосознанием народа Шотландии. Краткосрочные последствия всех этих противоречивых процессов повлекли за собой шоковые выборы депутатов от SNP на места в Глазго, а в долгосрочной перспективе – формирование новых этнополитических представлений о роли рабочего класса в Шотландии, что повлияло на деволуционную политику, а позже и на кампанию «Да» на референдуме 2014 года.

Таким образом, на фоне антитэтчеризма в этнополитическом дизайне шотландского национализма сформировались две переплетающиеся силы, каждая из которых претендовала на то, чтобы отстаивать подлинный суверенитет народа Шотландии и направлять шотландское самоуправление против угнетателей. Одной из этих сил стала лоббистская элита, сгруппировавшаяся вокруг Лейбористской партии. Другая сила оказалась прародительницей современной коалиции «Да», черпавшей чувство аутентичности из собственных заявлений о том, что она представляет интересы безработных и политических аутсайдеров.

На наш взгляд, понять означенные процессы можно только в контексте современных трансформаций традиционной государственности (в том числе, британской). Усилия по встраиванию шотландских этнополитических сил в государственные институты достигли барьеров, связанных с концом Империи, упадком местной буржуазии и решимостью части правящего класса Великобритании использовать глобализацию для навязывания государственной рыночной дисциплины вопреки требованиям рабочих и интересам населения регионов (например, Шотландии). Именно на этом этапе партийная элита SNP начала активно склонять шотландцев к европейской самоидентификации.

На самом же деле историческая связь между настроениями шотландского народа и Европой возникла на удивление не так давно, совпав с более очевидным влиянием на Шотландию широких трансформаций в британском государстве, о которых шла речь выше. Поэтому еврофильство в Шотландии можно отнести к 1980-м гг., т.к. еще в конце 1970-х гг. и, возможно, даже в начале 1980-х гг. шотландские избиратели и политики были более враждебно настроены к европейскому проекту, чем их английские коллеги [42].

Шотландское еврофильство берет свое начало в реформах М. Тэтчер. Это может быть связано с неспособностью промышленного сопротивления оказать достаточное влияние на тэтчеристскую политику, разорвавшую предполагаемый социальный контракт британского государства с шотландским пролетариатом, которому изначально гарантировались рабочие места, чтобы успокоить шотландское общество. В результате различные левоцентристские силы Шотландии начали ориентироваться на ЕС. Этот этнополитический вектор потенциально содержал в себе надежду на уничтожение зависимости от Вестминстера, который при М. Тэтчер превратился для Шотландии из источника средств существования в истощение шотландских ре-

сурсов. Кроме того, центральной темой тэтчеризма стал дефицит демократии, который начал входить в противоречие с шотландской этнополитической идентичностью и препятствовать способности Шотландии сделать так, чтобы ее голос был услышан в мире (в отличие от Лондона Брюссель хорошо прислушивался к таким голосам). В результате британские левые признали поражение в своих прежних попытках справиться с безработицей и навязать социальное и региональное равенство. Вместо этого основное внимание было обращено на государственную трансформацию, вылившуюся в проект децентрализации и передачи полномочий (деволюции). Национально-территориальная архитектура современной Шотландии сформировалась в рамках, описанных выше процессов.

Передача полномочий была оформлена как восстановление национального суверенитета Шотландии, не находившего прежде полного этнополитического выражения в институциональных структурах Великобритании. Деволюция породила представительские атрибуты народного движения, охватившего гражданские институты Шотландии, профсоюзную бюрократию и лидеров политических партий. Однако передача полномочий таила в себе государственные изменения, связанные с более широкими процессами либеральной глобализации. Например, Г. Браун и Д. Александер утверждают, что законодательство о полномочиях Парламента Шотландии направлено на повышение благосостояния шотландского народа не в условиях экономики, защищаемой традиционным национальным государством, а в условиях новой глобальной экономики с ее многоуровневыми институтами [1]. Такое толкование показывает наличие неких общих оснований у передачи полномочий и членства в ЕС как процессов, сопровождающих упадок традиционного национального суверенитета и обусловленных глобализацией. Из этого следует, что традиционные формы функционирования государственного института теряют свою эффективность, поскольку национальные государства подвергаются воздействию новых сложных наднациональных космополитических сил. Следовательно, британская передача полномочий сопровождалась явной деполитизацией национальной экономики, поскольку политический контроль неотделим от национального корпоративизма. Таким образом, все указывает на противоречие между национальным шотландским суверенитетом и глобальными процессами трансформации традиционной государственности.

И все же, обиды эпохи М. Тэтчер породили чувство шотландской обособленности. То, что изначально задумывалось левоцентристскими силами как средство для достижения цели (контроль Шотландии над собственными ресурсами для спасения своей промышленности), стало самоцелью. Движение же за создание шотландского Парламента выросло из недовольства массовой безработицей и желания восстановить национально-корпоративный контракт с государством, согласно которому правительство несло особую ответственность за распределение рабочих мест в Шотландии.

Впрочем, Парламент Шотландии оказался уязвимым перед элитами транснационального капитала [32]. Передача полномочий была еще и следствием более широких процессов неолиберализации, вытекавших из кризиса либерализма. Деволюция не остановила рост неравенства и финансовализацию шотландской экономики, а деволюционный проект Лондона основывался на неспособности Шотландии как традиционного национального государства оказать серьезное влияние на регулирование экономической деятельности. В итоге лоббистские усилия неолибералов обеспечили влияние корпоративных интересов и гарантировали, что Парламент Шотландии никогда не поставит под угрозу посттэтчеровское урегулирование общebritанских механизмов распределения богатства и доходов. Хотя, в равной мере, это открыло возможность неолиберальному лоббизму добиться прогрессивных социальных реформ.

Тем не менее, передача полномочий сопровождалась снижением этнополитической мобилизации [21; 33], а Парламент Шотландии обозначил курс на национальное восстановление путем большей конкурентной адаптации к глобализации. Были разработаны новые формы гражданства и интеграции, ориентированные на фигуру предприимчивого гражданина. Все это сопровождалось неолиберальной технократической самокритикой государственной власти, которая предполагала, что национальный дух Шотландии ослаб из-за враждебности к предпринимательству. Стала формироваться новая этика, призванная облегчить положение малого и среднего предпринимательства. Национальная культура и традиционные институты тоже были переосмыслены, чтобы соответствовать потребностям глобального консенсуса (как цели действия деволюционных механизмов). Они стали открытыми для критического осмысления, измерения и неолиберальной модернизации, если их функционирование начинало противоречить задачам стимулирования предпринимательства и экономического роста. Тем не менее, глобальный консенсус не устраивал шотландских националистов, этнополитические взгляды которых институционализировались в программных документах SNP. Отметим, что принципиальные возражения националистов против передачи полномочий стали концептуально оформляться в связи с вопросом о значимости экономического суверенитета, который, по мнению тех же лейбористов, является излишним.

Под руководством Алекса Салмонда SNP сориентировалась на ирландскую экономическую модель «кельтского тигра», предполагающую, что небольшие предприятия в широком экономическом пространстве могут достичь экономического подъема за счет снижения корпоративных налогов и дерегулирования. Собственно, у Ирландии есть одно разительное отличие от Шотландии: первой не управляют из Лондона. Поэтому понимание А. Салмондом значимости шотландского экономического суверенитета в контексте процессов глобализации определялось следующей логикой. Имея преимущество

полного независимого членства в Европейском Союзе, SNP могла бы использовать членский статус своей страны для привлечения ресурсов с целью проведения политики, которая приносила бы пользу народу Шотландии, а шотландские власти могли бы контролировать национальную налоговую политику, приводя ее в соответствие с международными требованиями.

Последующая эволюция еврофильства как характерного элемента этнополитического дизайна шотландского национализма отражала особый дискурс национальных властей. И. Линдси, ключевой академический сторонник SNP и критик европейского проекта, предположил, что перспектива независимого членства в составе ЕС рассматривается как часть модернизационного процесса, позволяющего укреплять суверенитет и политическую активность Шотландии [26]. Правда, данная точка зрения не учитывает тот факт, что в условиях трансформации традиционной государственности, Европа может изменить в Шотландии исторически сложившиеся отношения между обществом и политикой.

В итоге в шотландском национализме сложились внутренние противоречия, во многом схожие с противоречиями в лейборизме. Оба унаследовали все то, что возникло в результате антитэтчеристского национально-народного сопротивления. Поэтому шотландские националисты не сомневались, что автономный Парламент был законным институциональным следствием означенных процессов. Кроме того, и националисты, и лейбористы считали ирландскую экономическую модель «кельтского тигра» образцовым ориентиром построения будущего Шотландии. И первые, и вторые оценивали правление М. Тэтчер в одинаковых терминах. По мнению Д. Александра и Г. Брауна, шотландцы считали неприемлемым для своей страны-региона в составе тэтчеристской Британии отсутствие приверженности Лондона принципам социальной справедливости [1].

Напрашивается вывод о том, что этнополитический дизайн шотландского национализма начал активно эволюционизировать под влиянием трансформаций традиционной государственности. В Великобритании соответствующие изменения прошли в XX-XXI вв. ряд этапов. На этапе Империи в Шотландии доминировали либеральные юнионисты и консерваторы, а во время национально-корпоративной фазы и после тэтчеристской доминировали лейбористы, роль которых в сопротивлении тэтчеризму через корпоративный альянс в рамках передачи полномочий обеспечила им устойчивую легитимность как партии шотландской государственности. Однако их кульминационный проект деволюции нес в себе двойственность и противоречия. С одной стороны, они представили передачу полномочий как восстановление национального суверенитета Шотландии, устраняющее возможность дефицита демократии и позволяющее находить шотландские решения шотландских проблем. С другой стороны, подчеркивалась пассивность национального государства перед лицом сил глобализации. Таким образом, дево-

люция представляла собой, своего рода, гибрид восстановления этнополитических прав шотландцев и признания невозможности контроля народом Шотландии процесса суверенного развития своей страны перед лицом глобальных экономических сил. Привело это к тому, что во время референдума 2014 года (и после него) шотландские лейбористы в вопросе национально-территориального самоопределения Шотландии стали, по сути, проводниками политики Вестминстера. И, хотя националисты, в сущности, референдум 2014 года проиграли, образ SNP в то время явно выигрывал в глазах всех патриотически настроенных шотландцев.

Сегодня же этнополитический дизайн шотландского национализма снова меняется под воздействием Brexit, социальная основа и политические последствия которого исследованы [17; 43]. Стоит подчеркнуть, что поддержка Brexit у простых шотландцев была выше, чем можно было бы предположить, т.к. до 2016 года эксперты констатировали лишь незначительные различия в Шотландии и Англии. Более того, к неудобству националистов, Brexit привлек немалое количество избирателей, проголосовавших в 2014 году за национальный суверенитет. Шотландские элиты, независимо от партийных предпочтений, тоже оказались единомышленными в еврофильстве.

Тем не менее, противостояние Brexit со стороны большинства шотландцев сформировалась, все же, под влиянием конкурирующей суверенистской кампании – Движение за независимость Шотландии. Это позволяет предположить, что напористое мнение шотландского националистического руководства и вопрос о независимости оказали большое влияние на итоговый результат.

Для нашей же проблематики важно, что эффект Brexit заключался в изменении шотландской националистической самоидентификации. Во время кампании 2014 года движение «Да» часто представлялось опасным или пустословным. Общей темой было то, что суверенитет является излишним и неуместным в глобализирующемся мире, что независимость – концептуальная ошибка, а традиционное национальное государство – это неуместная конструкция XVII века (а автономное национальное государство – еще более неподходящая для глобального мироустройства модель). Результатом Brexit стала отмена такой неолиберальной критики. Как все английские избиратели, так и сам Вестминстер подверглись со стороны шотландских националистов обвинениям в отсталости¹. И наоборот, изменилось отношение к SNP, поскольку партия обнаружила вновь обретенную респектабельность, отражающую ее роль в противодействии Brexit. Ведущие издания, которые ранее осуждали идею независимости Шотландии, перешли к симпатиям в отношении националистического шотландского правительства (тогда еще, во главе

---

¹ Penny L. I want my country back. 2016. URL: <https://clck.ru/3DNrkZ> (дата обращения 22.04.2024).

с Николой Стерджен). На данном же этапе притязания на суверенитет Шотландии остаются неотъемлемой частью привлекательности шотландского националистического Правительства. Руководство SNP продолжает заявлять, что с обретением независимости Шотландия будет контролировать 100% своих национальных ресурсов.

Мы постарались показать, что этнополитический дизайн шотландского национализма формировался в непростых условиях трансформации традиционной государственности. С 1990-х гг. эта тема стала центральной в националистических заявлениях о недовольстве доминированием Вестминстера. Этнополитическое пробуждение стало ключевым механизмом восстановления экономического контроля шотландцев над богатствами собственной страны. На первый взгляд, такая цель независимости должна была укрепить неолиберальную концепцию восстановления экономического здоровья Шотландии по ирландской экономической модели «кельтского тигра». Тем не менее, риторика SNP отчетливо утверждает, что экономические решения должны быть связаны с суверенным контролем народа Шотландии над экономическими вопросами¹. Иными словами, центральное место в националистической повестке SNP заняли экономический и этнополитический популизм.

Однако идет развитие концептуальных подходов SNP. В Комиссии по устойчивому росту, созданной для переориентации националистического экономического послания, тема национального контроля приобрела новый смысл. Националисты начали переориентировать свои управленческие цели не в направлении усиления национального контроля, а в сторону сохранения суверенитета в контролируемых пределах. В упомянутом документе вполне одобрительно упоминаются меры контроля, введенные международными институтами². По сути, мы видим, что шотландский национализм начал ориентироваться на концептуальную логику развития государства-члена, в соответствии с которой страна получает дополнительные возможности реагировать на глобальные вызовы, демонстрировать устойчивость управления, обеспечивать стабильность политических процессов, и, как следствие, достигать более высоких стандартов жизни³. Самым ярким предложением националистов в этой связи стала стратегия стерлингизации, что представляет собой радикальный шаг даже по сравнению с денежной системой государств-членов ЕС. Согласно этому предложению, независимая Шотландия в одностороннем порядке обязуется использовать британский фунт стерлингов в течение длительного переходного периода. Фактически это означает пере-

---

¹ Scottish Government. Scotland's Future. Edinburgh: Scottish Government. 2013. URL: <https://www.gov.scot/publications/scotlands-future/> (дата обращения 22.04.2024).

² The Sustainable Growth Commission Scotland – the New Case for Optimism. A Strategy for InterGenerational Economic Renaissance. Edinburgh: Sustainable Growth Commission. 2018. URL: <https://mercinon.files.wordpress.com/2020/05/cae93-sgcfullreport.pdf> (дата обращения 22.04.2024).

³ Там же. Р. 10.

дачу денежно-кредитной политики и ключевых механизмов финансового управления трансформированному британскому государству (как преемнику Соединенного Королевства). При этом Шотландия будет подчиняться решениям, принимаемым извне Банком Англии. Идея стерлингизации является крайним случаем даже по сравнению с другими двусмысленностями, возникающими вокруг шотландского суверенитета, поскольку Шотландия, в таком случае, после обретения независимости получит меньший контроль над собственными ресурсами, чем при юнионистском формате отношений с Лондоном. Есть и иные сферы, например, военная, где SNP решила, что Шотландия должна вступить в НАТО. Отметим, что до недавнего времени националисты вели речь о внеблоковом статусе независимой Шотландии. Более широкий смысл описанных перемен в этнополитическом дизайне шотландского национализма заключается не просто в том, что утверждение суверенитета Шотландии по своей сути предполагает уступки в пользу глобального управления. Более глубокая проблема заключается в том, что такая стратегия, взятая за основу национально-территориального самоопределения, заранее (до фактического обретения независимости) закрепляет тип суверенитета, присущий постдемократической эпохе с ее разделением общества и власти [31].

Мы вынуждены констатировать, что нынешние подходы руководства SNP к стратегии борьбы за национально-территориальное самоопределение Шотландии свидетельствуют о существенных изменениях в этнополитическом дизайне шотландского национализма. Прежние националистические лозунги, которые характеризовали мобилизацию кампании «Да» в 2014 году, теперь заменены риторикой, призывающей к стабильности, порядку и национальному единству, основанном на скромной практике управления, не отличающей националистов от лейбористов (предшественников SNP как правящей партии Шотландии). Кроме того, в каждом секторе управления SNP ощущается влияние крупного бизнеса и глобальных корпораций. Стремясь защитить интересы немногих влиятельных людей и структур, националисты рады покинуть рабочие сообщества под предлогом того, что руки SNP связаны правилами ЕС. Настоящая причина, на наш взгляд, заключается в том, что руководство SNP одержимо стремлением сблизиться с Брюсселем, хотя шансов на скорейшее вступление Шотландии в ЕС практически нет [35]. Таким образом, шотландский национализм сегодня, с одной стороны, развивает темы, присущие неолиберальной эпохе глобализации, с другой – сочетает формальную приверженность проекту независимости Шотландии с еврофильским навязыванием шотландской этнополитической повестке концепции государства-члена.

Что же касается процессов трансформации традиционной государственности, в условиях которых эволюционизировал этнополитический дизайн шотландского национализма, то, с одной стороны, Великобритания в рамках означенных процессов сохранила некоторые важные аспекты суве-

ренитета традиционного государства. С другой стороны, многонациональный характер Соединенного Королевства, который ранее был нивелирован лояльностью разных народов в пределах одной Империи (или внутри национально-корпоративного государства), вновь заявил о себе в ответ на кризис института классового представительства. В Англии (и, в меньшей степени, в Уэльсе) плебисцит по Brexit позволил проявить народный суверенитет, вырвавшийся из устоявшихся рамок парламентской политики. В Шотландии же ранее существовавшее национально-популистское движение столкнулось с Brexit, отреагировав на него как на захват власти Вестминстером (такая реакция шотландцев, кстати, заставляет задаться вопросом о том, как претензии народа на суверенитет связаны с этнополитической повесткой, в том числе, в ее националистическом воплощении).

Таким образом, процесс передачи полномочий в Великобритании оказался схожим с процессом антидемократического воздействия ЕС в отношении государств-членов – наметилась институциональная трансформация, предполагающая навязывание рассредоточенной, многоуровневой структуры подотчетности, подрывающей традиционные модели национальной государственности. Безусловно, сходство между передачей полномочий в Великобритании и управленческими подходами в рамках реализации концепции «государство-член» как двумя способами государственной трансформации требует дальнейшего изучения.

Шотландия же пока остается страной-регионом, где сохраняется движение за устранение дефицита демократии. Это движение воодушевляется чувством суверенитета, проистекающим частично из мифологизированного средневековья, но главным образом из последних пяти десятилетий шотландского народного сопротивления диктату Лондона. Сегодня борьба Шотландии за национально-территориальное самоопределение подпитывается в противовес Brexit – проекту, который сам по себе призван восстановить национальную автономию традиционного государства. Результатом же эволюции этнополитического дизайна шотландского национализма стало формирование национального блока, построенного на мифе о космополитической идентичности шотландцев, и мы вполне допускаем, что это может оказаться более мощной силой, нежели теряющая популярность SNP.

References

1. Alexander D., Brown G. *New Scotland New Britain*. London: Smith Institute. 1999. 47 p.
2. Beck U., Grande E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge: Polity. 2007. 328 p.
3. Bickerton C., Cunliffe P., Gourevitch A. *Politics Without Sovereignty: A Critique of Contemporary International Relations*. London: Routledge. 2006. 224 p.
4. Bickerton C.J. *European Integration: From Nation-States to Member States*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 217 p.
5. Booth S.A., Moore C. *Managing Competition: Meso-Corporatism, Pluralism, and the Negotiated Order in Scotland*. Oxford: Oxford University Press. 1989. 184 p.
6. Brenner N. *New State Spaces: Urban Governance and the Rescaling of Statehood*. Oxford: Oxford University Press. 2004. 351 p.
7. Brown G. Introduction: the socialist challenge. In: *The Red Paper on Scotland*. Edinburgh: EUSPB. 1975. P. 7–21.
8. Cunliffe P. *The New Twenty Years' Crisis: A Critique of International Relations, 1999-2019*. Montreal: McGill-Queen's Press. 2020. 168 p.
9. Curtice J. *How Deeply Does Britain's Euroscepticism Run?* London: Natcen Social Research. 2016. 20 p.
10. Davidson N. *The Origins of Scottish Nationhood*. London: Pluto Press. 2000. 144 p.
11. Davidson N. *Scottish watershed*. *New Left Review*. 2014. №89(2). P. 5–26.
12. Davidson N., Liinpää M., McBride M. et al. *No Problem Here: Understanding Racism in Scotland*. Edinburgh: Luath Press Ltd. 2018. 240 p.
13. Finlay R.J. "For or against?": Scottish Nationalists and the British Empire, 1919–39. *The Scottish Historical Review*. 1992. №71. P. 184–206.
14. Finlay R.J. *The rise and fall of popular imperialism in Scotland, 1850–1950*. *Scottish Geographical Magazine*. 1997. №113(1). P. 13–21.
15. Giddens A. *Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity. 1985. 408 p.
16. Glass B. *The Scottish Nation at Empire's End*. London: Springer. 2014. 311 p.
17. Goodwin M.J., Heath O. *The 2016 referendum, Brexit and the left behind: an aggregate-level analysis of the result*. *The Political Quarterly*. 2016. №87(3). P. 323–332.
18. Grimm D. *Sovereignty: The Origin and Future of a Political and Legal Concept*. New York: Columbia University Press. 2015. 195 p.
19. Halkier H. *Institutions, Discourse, and Regional Development: The Scottish Development Agency and the Politics of Regional Policy*. London: Peter Lang. 2006. 602 p.
20. Harvie C. *The Rise of Regional Europe*. London: Routledge. 2005. 108 p.
21. Hassan G. *Strange Death of Labour Scotland*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2012. 368 p.
22. Hearn J. *The social contract: re-framing Scottish nationalism*. *Scottish Affairs*. 1998. №23(1). P. 14–26.
23. Heartfield J. *The European Union and the End of Politics*. London: Zero Books. 2013. 329 p.
24. Kellas J.G. *The Scottish constitutional convention*. *The Scottish Government Yearbook*. 1992. P. 84–96.
25. Law A., Mooney G. *Devolution in a 'stateless nation': nation-building and social policy in Scotland*. *Social Policy & Administration*. 2012. №46(2). P. 161–177.
26. Lindsay I. *The SNP and the Lure of Europe*. In: *Nationalism in the Nineties*. Edinburgh: Polygon. 1991. P. 84–101.
27. Loughlin M. *Why sovereignty?* In: *Sovereignty and the Law: Domestic, European and International Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 34–49.
28. Loughlin M. *The erosion of sovereignty*. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016. №45(2). P. 57–81.
29. MacKenzie J.M. *Empire and national identities: the case of Scotland*. *Transactions of the Royal Historical Society*. 1998. №8. P. 215–231.
30. MacKenzie J.M., Devine T.M. *Scotland and the British Empire*. Oxford: Oxford University Press. 2017. 240 p.

31. Mair P. *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. London: Verso. 2013. 160 p.
32. McCafferty P., Miller D., Davidson N. *Neoliberal Scotland: Class and Society in a Stateless Nation*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 2010. 470 p.
33. McCrone D. *The New Sociology of Scotland*. London: SAGE. 2017. 736 p.
34. McCrone G. *Regional Policy in Britain*. London: Routledge. 2017. 280 p.
35. McKenna K. SNP Neo-liberalism must be fought, but we cannot while in the Uk. 2020.
36. Meer N. Looking up in Scotland? Multinationalism, Multiculturalism and Political Elites. 2015. №38(9). P. 1477–1496.
37. Nairn T. *The Breakup of Britain*. London: Verso. 1975. 464 p.
38. O'Neill A. The Sovereignty of the (Scottish) people: 1689 and all that. *Judicial Review*. 2013. №18(4). P. 446–463.
39. Paterson L. *The Autonomy of Modern Scotland*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1994. 220 p.
40. Thompson E.P. The moral economy of the English crowd in the Eighteenth Century. 1971. №50. P. 76–136.
41. Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, Ad 990-1992*. Oxford: Blackwell. 1992. 228 p.
42. Torrance D. *We in Scotland: Thatcherism in a Cold Climate*. Edinburgh: Birlinn. 2009. 324 p.
43. Virdee S., McGeever B. Racism, crisis, brexit. *Ethnic and Racial Studies*. 2018. №41(10). P. 1802–1819.

СТАТЬИ

Р.Н. Сулейманова

«ЧТО ВЫ ДАЕТЕ В ПОЛЬЗУ НАРОДУ?» ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ В РОССИИ: ИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ *

Аннотация

В статье рассматривается научная проблема, являющаяся одной из актуальных в общественно-политической жизни России, – изучение отношения населения к организации и проведению выборных кампаний, выдвигавшимся кандидатам в депутаты в органы представительной власти на различных уровнях, их программам, выражения людьми собственных мнений на собраниях и встречах с кандидатами, на выборах через надписи на избирательных бюллетенях. Целью статьи является на примере конкретного региона страны – Башкирии, во второй половине 1940-х – 1970-е гг., один из сложных и противоречивых периодов отечественной истории, исследовать данную проблему на региональном уровне, показать реальное отношение граждан республики к проходившим кампаниям, кандидатам в депутаты и происходившие перемены в общественных настроениях. На примере этих обращений «во власть» населения проводится анализ всего спектра общественных умонастроений, проявившихся на собраниях и встречах с кандидатами в депутаты при высказывании им наказов и напутствий в будущей деятельности и посредством надписей на избирательных бюллетенях на выборах. Это позволит исследовать устоявшийся механизм взаимодействия власти и населения, выявить восприятие ими общей обстановки в политической и экономической жизни в стране и республике, отношения к политике партии и государства, происходившие перемены во взаимоотношениях между населением и властью. Более того, это ста-

R. Suleimanova

«WHAT DO YOU GIVE FOR THE BENEFITS OF THE PEOPLE?» PUBLIC OPINION AND ELECTION CAMPAIGNS IN RUSSIA: FROM REGIONAL HISTORY

Abstract

The article examines a scientific problem, which is one of the most pressing in the socio-political life of Russia - the study of the population's attitude towards the organization and conduct of election campaigns, nominated candidates for deputies in bodies of representative power at various levels, their programs, people's expression of their own opinions at meetings and meetings with candidates, during elections through inscriptions on ballot papers. The purpose of the article is, using the example of a specific region of the country - Bashkiria, in the second half of the 1940s - 1970s, in one of the difficult and controversial periods of national history, to explore this problem at the regional level, to show the real attitude of citizens of the republic to the ongoing campaigns, candidates for deputies and changes in public sentiment. Using the example of these appeals "to the authorities" of the population, an analysis is made of the entire spectrum of public attitudes that manifested themselves at meetings and meetings with candidates for deputies when giving them orders and parting words in future activities and through inscriptions on ballot papers in elections. This will make it possible to explore the established mechanism of interaction between the authorities and the population, to identify their perception of the general situation in political and economic life in the country and the republic, attitudes towards the policies of the party and the state, and changes that have taken place in the relationship between the population and the authorities. Moreover, this will become one of the ways to study public opinion and

нет одним из способов изучения общественного мнения и позволит пополнить источниковую базу новыми знаниями, фактами и сведениями, что значительно расширит тематику научных изысканий по изучаемой в статье проблеме.

will allow you to replenish the source base with new knowledge, facts and information, which will significantly expand the scope of scientific research on the problem studied in the article.

Ключевые слова:

общественное мнение, выборные кампании, кандидаты в депутаты, наказ, избирательный бюллетень, регион.

Key words:

public opinion, election campaigns, parliamentary candidates, order, ballot, region.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания УФИЦ РАН №075-00570-24-01 на 2024 год и на плановые 2025 и 2026 годы.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-173-181>

Проблемы взаимоотношений населения и власти продолжают и сегодня сохранять свою актуальность. Подтверждением тому являются происходящие события и явления в общественной жизни россиян. В этом отношении интерес вызывает период второй половины 1940-х – 1970-е гг., один из непростых и противоречивых в советской истории второй половины XX в. Опираясь на большой круг различных источников, как архивные документы и материалы периодической печати, на примере одного из регионов советской страны – Башкирии, и проведенного исследования данной проблемы можно сделать вывод, что события и процессы в общественно-политической жизни в республике, как в целом и в стране, того периода весьма схожи с современной ситуацией в общественно-политической жизни. Нужно заметить, что в региональной историографии нет публикаций, в том числе историков, посвященных данной проблеме, что указывает на ее научную актуальность и практическую значимость.

В советской стране в рассматриваемые годы происходили неоднозначные и в то же время кардинальные перемены, которые оказывали серьезное влияние на политическую жизнь, вносили в нее свои коррективы, а также в нормы поведения и систему ценностей людей, в целом, в общественные настроения. В отношениях между населением и властью наблюдались новые явления. Нужно отметить, что традиционный вид коммуникации с властью, как жалобы, заявления и письма, продолжал существовать. Однако происходившие в эти годы общие процессы и внутривластная нестабильность в стране влияли, как на формы выражения «общественного мнения», так и его содержание. Коснулись они и Башкирии. В эти годы получил распространение такой вид обращения людей «во власть», как надписи на избирательных бюллетенях во время выборов в высшие и местные органы представительной власти. Люди писали на них жалобы, претензии, наказания и пожелания кандидатам в депутаты, выражая тем самым свое отношение к прово-

дившейся правительством и партией политике. Распространенным было во взаимоотношениях власти и населения выражение своих претензий и жалоб посредством обращения с наказами к кандидатам в депутаты на разных уровнях во время встреч и собраниях, где последние обнародовали свои программы. Освоенный людьми такой вид коммуникации с властью, как наказы и пожелания будущим депутатам на встречах и собраниях являлись в роли «сигнала» о существовавших проблемах в той или иной сфере общественной жизни. Исходя из различных источников, можно сделать вывод, что подобные обращения людей не оставались без внимания местных органов власти и контроля соответствующих инстанций. Для них становилось обычной практикой реагировать на эти сигналы, как по указаниям сверху, так и по собственной инициативе во избежание складывания и обострения конфликтных ситуаций социального или иного характера.

В рассматриваемый период в СССР и БАССР проводились массовые выборные кампании в высшие и местные органы представительной власти [1, с. 16, 82, 142]. Особый интерес вызывают выявленные в фондах Национального архива Республики Башкортостан материалы по изучаемой проблеме. Немало материалов удалось найти при ознакомлении с местной периодической печатью, где публиковались результаты массовых опросов граждан накануне выборов в представительные органы различного уровня. Обратимся к истории региона и на основе собранных источников рассмотрим данную проблему.

Первым важным событием в общественно-политической жизни страны и республики после окончания Великой Отечественной войны явились выборы в 1946-1947 гг. в Верховные советы СССР, РСФСР и БАССР и в местные советы депутатов трудящихся [1, с. 16]. Была развернута большая агитационно-пропагандистская и разъяснительная работа среди населения. В связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР в начале января 1946 г. были проведены собрания. На них собравшимися людьми задавались весьма непростые вопросы членам избирательных комиссий, агитаторам, как сообщалось в отчетах в партийные органы. Они касались подготовки и проведения выборов, международного положения, хозяйственно-бытовых и иных вопросов. Среди них интерес вызывают следующие: «Чем объяснить изменение в Положении о выборах в Верховный Совет о том, что голосовать могут достигшие 18-летнего возраста, а быть избранными достигшие 23 лет?; Можно ли выставять кандидатами в депутаты тех, кто не проживает в данном избирательном участке?; Может ли одно и то же лицо быть избранным одновременно и в Совет Союза и в Совет Национальностей Верховного Совета СССР?; Предоставляется ли право духовенству выдвигать кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР?;

По закону депутат должен отчитываться перед избирателями. Будет ли отчитываться депутат товарищ Кренкель?» и др.¹.

В ходе обсуждения у участников собрания возникали вполне конкретные вопросы: «Какими мерами собирается партия поднять благосостояние народа?; Когда будут в достаточном количестве предметы широкого потребления для населения, как керосин, мыло, спички, посуда и др.; Почему наша местная промышленность мало выпускает товаров ширпотреба для населения; Почему на частном рынке продается много промышленных изделий, а в магазинах их не имеется? и пр. [2, с. 244]. Это указывает, как в первые послевоенные годы население активно реагировало на все происшедшие события в общественной жизни республики.

Первой избирательной кампанией в послевоенные годы в Башкирии стали выборы в местные Советы депутатов трудящихся в декабре 1947 г. Во время их проведения, как сообщалось Башкирским обкомом в ЦК ВКП(б), было зафиксировано участие в голосовании почти всего населения республики, 99,98%. В то же время были выявлены отказавшиеся от участия в голосовании, 5 человек – 4 монашки и 1 единоличница по религиозным мотивам. На избирательных участках были обнаружены бюллетени, в которых людьми были сделаны надписи. Так, только в г. Уфе их было собрано 679. На них имелись надписи в основном положительного, патриотического содержания, но были и иного «провокационного» характера. В их числе такого рода: «Свободная торговля, а хлеба и продуктов нет, голосовать не буду; Тов. депутаты, когда же мы будем жить как подобает жить настоящему гражданину СССР». В Зилаирском районе в выборах в сельсовет избиратель написал на бюллетене «Деньги взяли, да еще голосовать, какая же это демократия, когда я голосую за одного» [2, с. 98-99, 101]. Подобные «нездоровые» по содержанию надписи были обнаружены по всей республике, о чем обком сообщал в ЦК партии. Правда, информационные сводки о ходе выборов и их итогах в республике заканчивались традиционным заверением, что они прошли «на высоком идейно-политическом уровне» и не было «никаких случаев аморальных или аполитичных явлений».

Практика подобных коммуникаций с властью, обращений «во власть» в ходе проведения выборных кампаний продолжалась и в последующие годы. Граждане на собраниях и встречах с кандидатами в депутаты в своих выступлениях высказывали одобрение политики партии и правительства, поддерживали кандидатов. В то же время в своих наказах и пожеланиях последним они желали в основном улучшения работы больниц, поликлиник,

---

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (Далее – НА РБ). Ф. 122. Оп. 26. Д. 10.

почт, магазинов, общественных бань, снабжения товарами народного потребления, домов культуры, ускорения строительства жилья и др. Однако это не отражало всего спектра общественных настроений. Ведь критические мнения имелись и четко отслеживались соответствующими инстанциями.

При проведении выборов в Верховный Совет СССР в марте 1950 года в республике на избирательных участках на бюллетенях были сделаны многочисленные надписи. Содержание многих из них носило позитивный характер. Но имелись и другие, как «Приветствую, но жить плохо, прошу помочь; Приветствую, только улучшить жизнь» и пр.¹. Это указывало на наличие в республике граждан, выражавших подобным образом свое несогласие с сохранявшимися трудностями в жизни.

В марте 1958 года в Башкирии были проведены выборы в Верховный Совет СССР. В направленных в обком партии информациях о ходе выборов сообщалось о выявленных на избирательных участках многочисленных надписях на бюллетенях. Так, в сводке из г. Октябрьского сообщалось, что было сделано 378 «различных надписей». Многие надписи являлись наказами будущим народным избранникам: «Желаем больше уделять внимания на жалобы трудящихся; Боритесь за снижение цен» и др. Но имелись и другие, типа: «Слуга народа должен быть слугой и думать о живых людях, а не о звездах, полетах на луну, а о скачках на цены; Депутат должен оправдать доверие народа, а Вы завышаете цены на те или другие виды продуктов, такие депутаты нам не нужны; Помни, что быть депутатом не выгодно для народа и государства, а очень выгодно для себя; За вас голосуем, а вы для рабочего жизнь делаете тяжелее с каждым днем» и др. Имелись случаи вычеркивания фамилий кандидатов и вписывания фамилий Молотова, Маленкова, Жукова и др. Были надписи резкого критического содержания: «Каждый год выбираем, но они мало работают; Гонят, как дураков, отдай голос, 100% - есть план голосов; Все ложь и обман; Будет у нас когда либо свобода, демократия и подлинный социализм; Когда кончится посмешище над народом» и др. [2, с. 367]. Все это, в том числе «нездоровые» по содержанию надписи, подтверждало, что граждане все активнее реагировали на происходившие события в политической и социально-экономической жизни страны и республики.

Людей, конечно же, беспокоили проблемы доступности жилья, продовольственного обеспечения и многие другие социальные вопросы, о чем говорят надписи на бюллетенях: «Нам нужны не только депутаты, но и хлеб, прочее; Почему нет улучшения жизни, опять повышение цен на товары, не живем, а существуем, хватит кормить словами, надо получше обеспечивать; Удешевите

---

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 30. Д. 511.

цены на продукты питания и товары первой необходимости, недостаточно швейных изделий, мужских костюмов, брюк, рубашек и т.д., недостаточно всякой обуви. Просим принять меры, улучшить снабжение» и др. [2, с. 367, 368].

Нововведения Н.С. Хрущева в социально-экономической, общественно-политической и других сферах в результате их непродуманности привели к ухудшению экономических показателей развития советской страны, к социальной напряженности, что вызвало широкий общественный резонанс [3, с. 97]. Проявление недовольства населения нашло своеобразное отражение в надписях на бюллетенях на прошедших выборах в Башкирии. Среди них имелись и такие: «Против Хрущева; За Маленкова Г.М., Молотова надо выбирать, оплевали человека напрасно, передайте Хрущеву пускай прекращает терзать ленинскую гвардию профессионалов-революционеров» и др. Имелись среди надписей и такие: «Вы нам надоели своими выборами; Спасибо за «последовательное» снижение цен!!!; Мы думали, что в 1958 году будет лучше, а получилось наоборот; Дайте жизнь, как в Америке; Интересно, почему снабжение в БАССР, особенно в Салавате значительно хуже, чем в других городах Союза», и др. Люди высказывали свое недовольство советской избирательной системой, проходившей на безальтернативной основе. Так, были сделаны довольно «смелые» надписи: «Демократия не такая, когда в бюллетене внесен один человек, а нужно включить несколько человек, вот это будут выборы; Я не согласен, этих депутатов выбирали без нас; Я не зачеркну, потому что они все равно будут избраны», и др.¹.

Наибольший отклик в общественном мнении, как видно в надписях на избирательных бюллетенях, получил призыв «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения» [3, с. 355]. Люди недоумевали или выражали откровенный скепсис по этому поводу. На оборотах бюллетеней они писали: «На повышенных ценах не догонишь Америку, нужно догонять на темпах», и др.

Подобные формы выражения общественного мнения во время выборов через надписи на бюллетенях кандидатов в депутаты являлись достаточно распространенными в эти годы. В информационных сводках в высшие инстанции Башкирский обком партии сообщал не только о «высокой активности» граждан республики, «единодушно» отдавших свои голоса за выдвинутых кандидатов, но и давал сведения о тех, кто не участвовал или отказывался принять участие в выборах. На выборах в Верховные Советы РСФСР и БАССР в феврале 1951 года 7 человек не явились на выборы. В ходе последующих выборов в республике подобные случаи фиксировались парторга-

---

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 1081.

нами и сообщались в центральные инстанции. В июне 1974 года на выборы в г. Бирске два избирателя отказались голосовать «несмотря на многочисленные попытки их убедить принять участие в голосовании»¹.

Приобретенный опыт взаимоотношений населения и власти при проведении выборных кампаний использовался в последующие годы. В выборах в Верховный Совет СССР в сентябре 1960 года участвовало все население республики [1, с. 82]. Граждане традиционно оставляли свои надписи на бюллетенях, в основном, это были предложения, замечания, наказания будущим депутатам. Имелись следующие надписи: «Просим обращать внимание и на людей; Вы можете прибавить зарплату так, чтобы при социализме жили хотя бы так, как живут при капитализме; Надо выбирать из местных; Такие депутаты нам не нужны; За блок коммунистов я голосовать не хочу. Это все обман; где второй кандидат? Он не может быть нашим депутатом. Ваш способ выдвижения кандидатов – мошенничество; Избираю давно, разных, пользы нет, жилья нет; Что толку, что мы избираем. Все равно жить легче не станет; Голосую против, неужели нельзя назначить кандидата из Башкирии?; Как бабушка Нинила увидела своего барина, так и мы своего депутата». В них имелись наказания будущим депутатам: «Побольше внимания уделяйте Вашим избирателям, отзывайтесь на все вопросы, прислушивайтесь к нуждам и помогите нуждам рабочих». Были и «нездоровые» по содержанию надписи: «За блок коммунистов я голосовать не хочу, это все обман; Не желаю отдать голос, так как помощи депутаты, за которых мы отдаем голоса, нам помощи никакой не оказывают» и пр.².

На выборах в высший орган страны, проходивший в марте 1962 года, на бюллетенях были сделаны следующие надписи: «Нужно иметь больше мяса и дешевле продавать продукты. Пора Верховному Совету подумать о снижении цен на продовольственные товары; Нужно чаще делать выборы, чтобы в магазинах было больше продуктов» и др. На бюллетене одного из кандидатов, высокопоставленного чиновника из автономной республики, избирателем было написано: «Пора ...наводить порядок в обеспечении нас продуктами и бытовыми товарами; Нужно чаще ... встречаться с народом; Товарищ кандидат, меньше слов, больше дела!; Вы на съезде докладывали все выполнено по мясу и молоку на 100-110%, а в это время голодали; Где обещанное вами изобилие продуктов?; Меньше надо продуктов отдавать за границу «Друзьям», больше уделять внимания своим рабочим, тогда можно со спокойной душой голосовать, а в данный момент от депутатов толку нет», и др.³. На бюлле-

---

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 187. Д. 332.

² НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 247.

³ НА РБ. Ф. 122. Оп. 71. Д. 192.

тенях другого кандидата имелись такие надписи: «На встрече с избирателями он самоуверенно заявил, что его выберут депутатом. Он знал, что в списке не будет другого кандидата; Нужно избирать из числа рабочих, которые понимают жизнь и ценят труд; Что это дает? Где рабочие? Одно начальство, поменьше бы его». Вышеприведенные надписи красноречиво говорят, что в общественном социуме республики продолжают сохраняться подобные проявления общественного мнения, которые отличались от официального.

В последующих выборах происходившие события в политической и экономической жизни страны и республики получали общественный резонанс. Так, во время выборов в Верховный Совет СССР в июне 1974 года были обнаружены надписи на бюллетенях такого содержания: «Дайте мясо, где мясо, молоко в магазинах? По Программе партии на XXIV съезде КПСС должно быть: 1. К 1970 году достаточное потребление; 2. К 1980 году должно быть обеспечено удовлетворение продуктами чуть ли не по потребностям; Где в Башкирии мясо, продукты? Когда будет мясо?; Решить вопрос, чтобы мелеузовское сгущенное молоко, а также мясо было в г. Кумертау; Не пора ли заменить старые марки машин на новые. Позоримся», и др. На выборах в июне 1975 г. на бюллетенях было написано: «Что вы даете в пользу народа? Иду на выборы как на формальное явление»¹.

Обращения граждан Башкирии «во власть» в рассматриваемые годы, как наказания и пожелания кандидатам в депутаты, высказывались ими на собраниях и встречах с последними, оставлялись в виде надписей на бюллетенях во время выборов. Нельзя сказать, что власть не реагировала на подобное выражение общественного мнения. Наоборот, она держала под полным контролем участие в выборах, его лояльность к власти, проводившейся политике. Свидетельством этому являются регулярно принимавшиеся местными органами постановления о работе депутатов по выполнению наказов избирателей. В печати имелись специальные рубрики «Письма в редакцию», «Депутат и жизнь» и др., где сообщалось о выполнении или невыполнении депутатами наказов избирателей. Зачастую говорилось о втором моменте, что говорит о формальности этих решений. В одном из номеров газеты «Советская Башкирия» вышла небольшая статья «Наказы избирателей не выполняются», в которой говорилось о двух депутатах Уфимского городского Совета, которые после выборов «очень скоро забыли о своих обещаниях, ни разу не отчитались о выполнении своих обещаний»².

---

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 189. Д. 225.

² Советская Башкирия. 1954. 28 авг.

Анализ надписей избирателей на бюллетенях на выборах в представительные органы государственной власти на региональном и центральном уровнях, проходивших в Башкирии во второй половине 1940-х – 1970-е гг., показывает наличие острых насущных проблем, волновавших людей. В общественных настроениях имело место многообразие их проявления: с одной стороны, у людей была надежда на лучшую жизнь, без войны, голода и нужды, с другой, – скепсис и разочарование в руководителях страны, республики, проводившейся ими политике. Надписи на избирательных бюллетенях в этот период свидетельствуют о противоречивости общественно-политического развития республики, как и страны, ограниченность и незавершенность проводимых реформ, фиктивность советской демократии и авторитарность существующего режима. Накопленный опыт взаимоотношений населения и власти, подобным образом обращения его «во власть», выражения своего отношения к государственной политике перенеслось на последующие годы, о чем свидетельствуют надписи на бюллетенях во время проведения выборов в 1970-е гг. Все это оказало немаловажное влияние на социально-психологическое состояние граждан, характер и динамику взаимоотношений власти и населения, которое вопреки официальной пропаганде, по мнению российского ученого Е.Ю. Зубковой, никогда не было «ни молчаливым, ни абсолютно верноподданным, оно имело свое лицо и свой мир мнений,» «единодушным и всецело одобряющим» решения партии и правительства страны [4, с. 107, 108]. Тому подтверждением является проведенное исследование научной проблемы на примере Башкирии.

Литература

1. История Башкортостана. 1917-1990 гг.: в 2-х т. Т. 2: 1945-1990. Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2005. 313 с.
2. Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945-1964 гг.: на примере Башкирской АССР. Сб. док. и материалов. Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2014. 480 с.
3. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. Москва: РОССПЭН, 2004. 488 с.
4. Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945-1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. №4. С. 99-108.

References

1. Istoriya Bashkortostana. 1917-1990 gg.: v 2-kh t. T. 2: 1945-1990. Otiv. red. R.N. Suleimanova. Ufa: Gilem, 2005. 313 s.
2. Problemy vzaimootnoshenii naseleniya i vlasti v SSSR v 1945-1964 gg.: na primere Bashkirskoi ASSR. Sb. dok. i materialov. Otiv. red. R.N. Suleimanova. Ufa: Gilem, Bashk. entsikl., 2014. 480 s.
3. Aksyutin Yu.V. Khrushchevskaya «ottepel'» i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953-1964 gg. Moskva: ROSSPEN, 2004. 488 s.
4. Zubkova E.Yu. Mir mnenii sovetskogo cheloveka. 1945-1948 gody. Po materia-lam TsK VKP(b). Otechestvennaya istoriya. 1998. №4. S. 99-108.

Д.В. Алексеев

D. Alekseev

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ В
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ:
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ**

**POLITICAL
TECHNOLOGIES IN
LEGISLATIVE PROCESS:
CONCEPTUALIZATION
AND TYPOLOGY**

Аннотация

Целью работы стала систематизация роли политических технологий в законодательном процессе, операционализация данного концепта в рамках законодательного процесса. Политические технологии в законодательном процессе представляют собой совокупность инструментов, с помощью которых можно влиять на ход и результат законодательного процесса. При этом политические технологии – это зонтичное понятие, которое объединяет инструменты влияния на политику во всех её проявлениях, так что законодательные технологии можно считать частью этого инструментария по аналогии с избирательными технологиями.

Ключевым результатом исследования стал подход к типологизации политических технологий в законодательном процессе, основанный на трёх измерениях. Первое – это субъект их применения (основные – это президент, правительство, депутаты и сенаторы и др.); второе – цель использования (технологии применяются для ускорения, замедления или блокирования принятия решения в ходе законодательного процесса). При этом такие технологии нередко связаны с процедурами законодательного процесса.

Третье измерение связано с характером технологий, то есть их можно разделить на процедурные, дискурсивные и аналоговые. Благодаря первым можно манипулировать процедурами законодательного процесса в рамках правового поля, превращая их в политические инструменты. Используя процедуры в зависимости от потребностей политического актора, можно блокировать или, напротив, стимулировать как можно более быстрое

Abstract

This paper is described the concept of political technologies in the context of the legislative process. The author interprets political technologies in the legislative process as a set of tools. It is influenced to the movement and result of the legislative process. At the same time, political technologies influence to politics in all its manifestations, so that legislative technologies can be considered the same part of political technologies' set as electoral technologies.

The paper is proposed the author's approach to the typology of legislative technologies. It consists of identifying three dimensions: the subject of application; purpose of using; character of the instrument. The main subjects of their application are the president, government, senators and parliamentarians. Legislative technologies are used to speed up, slow down or block decision-making during the legislative process.

If we speak about the nature of the instrument, legislative technologies can be divided into procedural, discursive and analogue. It is possible to manipulate the procedures of the legislative process within the legal field, turning them into political instruments. The argumentation of political actors, the peculiarities of rhetoric, and the corresponding speech accents are components of discursive technologies. Analogue technologies are associated with the indirect influence on the legislative process of various collective and individual practices, which are associated with demonstrating one's own position, including through non-verbal means.

прохождение законодательной инициативы. Здесь мы можем видеть пересечение двух измерений, поскольку именно благодаря процедурным технологиям можно регулировать как минимум темп законодательного процесса.

Ключевые слова:

политические технологии; законодательный процесс; законодательные технологии; типологизация; процедуры; политические акторы.

Key words:

political technologies; legislative process; legislative technologies; typology; procedures; political actors.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-182-194>

Цель статьи состоит в систематизации места и роли политических технологий в законодательном процессе. Сделать это предлагается не только с помощью концептуализации, но и посредством типологизации, которая поможет понять сущность политических технологий в законодательном процессе. Рассмотрим политические технологии как концепт, который так или иначе затрагивает практически всё многообразие политических процессов.

Место технологий в мире политики: их определение и значение

Структуралистский подход к определению политических технологий, трактует их как социальное явление и при этом максимально широко. Любая технология воздействует на сферу политического [20, р. 682-706]. Например, когда промышленный переворот грозил уменьшить число рабочих мест, стало очевидно наличие не только чисто технического, но и социального измерения технологии [16, с. 204-225]. Таким образом, в широком смысле технология становится не только инструментом в руках субъекта, но и сама же может воздействовать на него. Вероятно, технологии в мире политики трансформируют не только окружающую социальную реальность, но вместе с ней и тех, кто их применяет.

Говоря о политических технологиях, О.Е. Гришин определял их вполне в духе С. Лема как алгоритмизированные методы, направленные на завоевание, удержание и укрепление власти [6, с. 19-32]. Несколько более широкую трактовку даёт В.В. Демидченко: «совокупность способов, методов и процедур воздействия на человеческие массы с целью изменения их политического поведения в достижении определенных целей, а также решении политических и управленческих задач» [7, с. 140-142]. Данная формулировка, хотя и выглядит достаточно всеобъемлющей, но всё же стоит заострить внимание на возможности влияния с помощью технологий и на элиту.

Одну из наиболее ёмких дефиниций политических технологий предложил О.Ф. Шабров. С его точки зрения, политические технологии – это «целенаправленно сконструированная совокупность приёмов и способов до-

стижения результата, использование которых затрагивает государство и несовпадающие интересы значимых социальных групп» [17, с. 328-330]. В рамки данного определения входит всё многообразие видов деятельности, связанных со сферой политического, а их объектом могут стать любые социальные слои и их комбинации.

Понятие политических технологий тесно увязано с получением контроля над повесткой дня. Именно из такого контроля следует доверие к политическим акторам, ведь чтобы месседж был услышан, нужно значительное представительство в СМИ, публичном поле. Далее уже создается ощущение компетентности актора в решении какой-либо проблемы [8, с. 109-123]. Конкретные технологии, связанные с контролем и манипулированием повесткой дня, зависят от сферы применения политических технологий. Например, в период избирательной кампании значительная часть бюджета и усилий избирательного штаба направлены на то, чтобы удержать кандидата в медийной повестке как можно дольше. В некоторых случаях принимаемое политическое решение непопулярно, и, хотя оно и должно пройти процесс легитимации, но при этом у политических субъектов есть интерес как можно быстрее погасить негативный медийный эффект [18, с. 58-62]. В законодательном процессе повестка дня достаточно формализована и за счёт этого можно как блокировать неудобные вопросы, так и насытить повестку выгодными для себя инициативами [21].

Спутником и даже составной частью политических технологий можно назвать неформальные практики, широко применяющиеся не только в силу слабости тех или иных институтов, но и в связи с сокращением временных и ресурсных издержек политических и экономических акторов при использовании таких практик [3; 12 с. 6-25]. Зачастую группы интересов стремятся достичь предварительного соглашения, а законодательные процедуры в таком случае становятся способом его легитимации. При этом неформальные практики безусловно должны находиться в правовой плоскости, хотя и их прямое регулирование отсутствует. Дополнительной сложностью здесь является ограниченные возможности их фиксации и анализа [13, с. 171-188].

Очевидно, что политические технологии имеют весьма широкую сферу применения. Речь об уже упомянутых избирательных кампаниях, политической борьбе в ходе законодательного процесса, а также о построении имиджа политика, взаимодействии между частным сектором и государством и другом. Представляется неверным сводить предмет политических технологий лишь к одной из этих сфер. Причём, использование технологий в одной из обозначенных областей политики может кумулятивно повлиять и на другую. Например, исход избирательной кампании безусловно окажет влияние на границы возможного в применении технологий в законодательном процессе.

Таким образом, политические технологии – это зонтичное понятие, которое имеет широкую сферу применения. Среди многообразия объектов их воздействия и политическая повестка дня, и процесс принятия управленческих

решений, и выборы. Законодательный процесс здесь не является исключением. В целом политические технологии можно определить, как совокупность инструментов, с помощью которых акторы воздействуют на всё многообразие отношений, связанных с политикой. Причём эти отношения могут возникать как внутри кругов политической элиты, так и в более широких слоях общества.

Политические технологии и законодательный процесс: проблема концептуализации

Как уже было упомянуто ранее, в ходе законодательного процесса акторами вполне могут применяться политические технологии. Законодательный процесс в политическом смысле представляется, с одной стороны, как совокупность процедур, а с другой в качестве пространства, где принимаются государственные решения [15, с. 54]. Именно в рамках него обсуждаются, принимаются и утверждаются многие политические решения, причём в виде законов, исполнение которых обязательно для всех граждан страны. В ходе законодательного процесса политические решения приобретают легитимность, а граждане и элиты приобретают уверенность, что государственная политика осуществляется надлежащим образом [23, р. 155-184].

При этом политические технологии, которые применяются в законодательном процессе всё же отличаются рядом особенностей. Ряд особенностей позволяют их вывести в отдельную группу технологий наравне с избирательными технологиями, политическим PR или GR.

Во-первых, у них специфический объект воздействия – законодательный процесс. Причём политические акторы, применяя технологии, влияют не только непосредственно на законодательный процесс, но и на других политических акторов. Например, внося поправки в законопроект правительства, парламентарий побуждает к реакции как исполнительную власть, так и ответственный комитет. На оппозиционные поправки парламентское большинство просто не может не отреагировать, особенно если они выносятся на отдельное обсуждение, что допустимо с точки зрения процедур.

Во-вторых, речь о значительном ограничении строгими юридическими рамками, параметры которых чаще всего содержатся в регламентах палат. При использовании технологий, необходимо учитывать эти строгие ограничения, причем в каждой стране они имеют определенную специфику. При применении технологий важно иметь ввиду особенности этих процедур и их незыблемость. В России все законопроекты (за исключением ратификаций международных договоров) проходят три чтения в Государственной Думе, некоторые из них обязательно должен рассмотреть Совет Федерации, а на проекты законов, требующих расходов федерального бюджета, обязательно должно быть заключение правительства. В Польше проекты законов, внесенные в порядке «народной инициативы» (то есть большой группы граждан), должны быть рассмотрены в течение трёх месяцев [4, с. 27-42], а в Японии для внесения законодательной

инициативы необходимо заручиться поддержкой не менее 20 членов нижней палаты законодательного собрания и 10 верхней. Важно добавить, что манипулирование процедурами, если это не противоречит регламенту, конституции или федеральному законодательству, может стать важным инструментом в руках политических акторов.

В-третьих, тиражирование. Политический ход или действие делает технологией возможность его повторения, но уже иным актором и в других обстоятельствах. В таком случае он становится инструментом, созданным если не для управления, то как минимум для коррекции хода законодательного процесса в интересах политических акторов.

Важным вопросом также является отделение политических технологий в законодательном процессе от их юридической составляющей. Юриспруденция как наука внесла действительно весомый вклад в исследование законодательного процесса. Так, рассмотрением законодательной технологии занимались В.Н. Карташов, С.В. Бахвалов и называли законодательную технологию разновидностью юридической технологии [10, с. 59-71]. В некоторых более ранних публикациях В.Н. Карташов рассматривает и концепт юридических технологий [9, с. 16-23].

Однако исследуя процедуры, действия, которые предпринимаются в ходе законодательного процесса, за рамками объекта исследования юридической науки остаётся его результат как сумма компромиссов между различными политическими акторами. В итоге, политические технологии являются совокупностью инструментов, которые позволяют политическим акторам достигать необходимого им результата законодательного процесса. Он выражается в принятии или отклонении инициативы, изменениях параметров принимаемых решений. Таким образом, политический смысл таких технологий состоит не только в самом факте их применения, но и в тех интересах и смыслах, которые стоят за их использованием, а также аргументах и позициях политических акторов по тем или иным конкретным инициативам.

Юридические технологии – это скорее более прикладной уровень, конкретное техническое инкорпорирование обновленных законодательных норм в существующее правовое поле. Политические технологии в законодательном процессе или законодательные технологии – это про определение векторов развития общества, определение правил игры и стратегий развития. В подобном ключе высказывался, например, А.И. Соловьёв, который отмечал, что политическая элита должна контролировать общественно-значимые процессы, а право конституирует и придает «всеобщую и легальную форму» тем приоритетам общественного развития, которые задали политики [14, с. 65-80].

Таким образом, политические технологии в законодательном процессе или законодательные технологии – это совокупность инструментов, посредством которых политические акторы стремятся повлиять на ход и результат законодательного процесса.

Типологизация политических технологий

Представляется, что типологизировать законодательные технологии возможно по трём основаниям или измерениям: с точки зрения субъекта их применения, согласно цели их использования и, наконец, характера инструмента как такового.

Субъект применения

В той или иной степени, законодательные технологии применяют все политические акторы. В особенности это касается субъектов законодательной инициативы. К политическим акторам можно отнести также и бизнес-ассоциации, общественные организации. Однако именно в рамках законодательного процесса их возможности резко ограничены, так как юридически они не могут инициировать или вносить поправки в законопроект: такое возможно только через субъекты права законодательной инициативы. Нередко они реализуют свою повестку через конкретных политиков.

У каждого из политических акторов есть своя специфика в применении законодательных технологий. Например, влияние на законодательный процесс судов и региональных парламентов не столь высоко. Согласно данным Системы обеспечения законотворческой деятельности (СОЗД), Конституционный суд не внёс ни одного законопроекта в новейшей истории парламента. Верховный суд использует право законодательной инициативы нечасто и лишь в вопросах, касающихся их напрямую. Так, в VII созыве Верховный суд внес 48 законопроектов, в основном по изменениям в Административный или Уголовный кодексы. Региональные легислатуры вносят значительное количество законопроектов, но принимается относительно небольшая их часть (в период с V – VII созывы принято 408 «региональных» законопроекта, а отклонено – 2274). Да и она нередко связана с сугубо региональной спецификой (например, принадлежность региона к часовому поясу, укрупнение судов, смена названий городов).

Таким образом, ключевую роль в законодательном процессе играют парламентарии и сенаторы, правительство и президент Российской Федерации. Глава государства нечасто напрямую вмешивается в законодательный процесс, достаточно сказать, что в период с 2015-2021 гг. он никогда не внес более 24 законопроекта в год (не считая ратификации международных договоров). Такое количество было внесено в 2020 году, и повышенная законодательная активность связана с необходимостью рассмотрения поправок в конституцию и их законодательного обеспечения, а также с потребностью в срочных мерах по минимизации последствий пандемии коронавирусной инфекции. Важным инструментом воздействия на законодательные органы со стороны президента также является ветирование проектов законов, преодолеть которое в современных условиях задача почти невыполнимая [27].

Правительство же нередко стремится достичь компромисса с представителями всех фракций ещё до публичного прохождения законопроекта в парламенте или даже до его внесения в законодательный орган. Депутаты Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации и сенаторы Российской Федерации активно используют манипулирование парламентскими процедурами для воздействия на законодательный процесс. Именно процедуры обладают потенциалом инструмента, с помощью которого депутаты могут выразить собственную субъектность, но и здесь наиболее влиятельными законодателями становятся представители партии большинства [24].

Далее несколько подробнее будет раскрыт вопрос в том числе о технологиях, связанных с процедурами и аргументами политических акторов.

Цель использования

Законодательные технологии в зависимости от цели могут быть направлены на ускорение, замедление и блокирование.

Ускорение может быть востребовано в случаях, если ситуация требует срочных мер реагирования или политический актор обладает достаточным ресурсом и волей для максимально быстрого продвижения своей инициативы. Также в некоторых особых ситуациях, например, если руководство парламента в качестве одной из приоритетных задач называет расчистку так называемых «законодательных завалов» – проектов законов, внесенных в предыдущих созывах, но нерассмотренных парламентом [2, с. 78-89].

Последние как правило рассматривали с использованием сокращённой процедуры. Она значительно экономит время парламентариев и позволяет принять решение о законодательной инициативе фактически без обсуждения. Решение о применении процедуры согласовывается на Совете Государственной Думы по рекомендации профильного Комитета. Таким образом, мы ускоряем принятие решения, и в то же время блокируем инициативу.

В целом, Регламент Государственной Думы предоставляет достаточно возможностей для ускорения законодательного процесса. Например, возможно принять законопроект за один день и во втором, и в третьем чтениях, либо же существует процедура, позволяющая принять законопроект в первом чтении и в целом. Она широко применялась в период пандемии.

Замедление скорости принятия решений в ходе законодательного процесса может быть связано с невозможностью согласования позиций политических акторов, спецификой политической конъюнктуры. Также и для оппозиции в современных условиях нарочитое затягивания принятия решения может становиться формой выражения политического несогласия. Даже несмотря на конституционное большинство у оппозиции остаются инструменты влияния на повестку дня и работу палаты в целом, хотя данный аспект законодательных исследований незаслуженно находится на периферии внимания учёных [26].

В качестве иллюстрации таких «технологичных» действий оппозиции можно привести «итальянские забастовки», проявление которых мы могли видеть в Государственной Думе. Так, представители фракций КПРФ и «Справедливой России» в июне 2012 года устроили такую акцию во время рассмотрения закона, ужесточающего ответственность за нарушения на митингах. Парламентарии выносили на отдельное голосование самые абсурдные поправки, например, запрещающие проводить митинги в сильную жару или холод. Законопроект был принят, однако рассматривался вплоть до полуночи.

Ряд законопроектов действительно вызывают дискуссии, которые могут продолжаться годами. Многие комплексные решения имеют большое количество заинтересованных сторон, поэтому такие проекты законов, как «пятый антимонопольный пакет», связанный с регулированием деятельности маркетплейсов, масштабные нововведения, направленные на трансформацию контрактной системы, нередко «зависают» ещё на стадии внесения.

Блокирование часто востребовано политическими акторами, когда компромисс недостижим и проще позднее постараться согласовать фундаментально иные параметры законопроекта. Кроме того, блокирование – это хороший способ продемонстрировать собственную политическую субъектность, либо несвоевременность альтернативы и необеспеченность её ресурсами федерального бюджета.

По последней причине как правило блокируются законопроекты парламентской оппозиции. В числе наиболее ярких примеров отмена повышения пенсионного возраста, многочисленные поправки в бюджет, иные популистские инициативы. Причём, чтобы заблокировать потенциальный закон необязательно голосовать против, можно вообще отказаться от голосования. Законодательная инициатива не наберёт кворума и будет отклонена. Тем более такое решение с одной стороны избавляет от подозрений в отсутствии лояльности, а с другой – позволяет уйти от обвинений в позиции, отличной от фракции, частью которой парламентарий является [11, с. 303-321].

В качестве инструмента для постулирования собственной субъектности нередко блокирует законопроекты Совет Федерации. В VII созыве такая ситуация возникла, например, в случаях с инициативами о запрете контактной притравки при подготовке собак для охоты, рекламе на платежных документах за услуги ЖКХ. В итоге, благодаря работе согласительных комиссий все заинтересованные стороны приходили к общему знаменателю, и законопроект становился законом. Важно, что позиция представителей верхней палаты была учтена в итоговом тексте документа.

Из приведенных кейсов видно, что достижение целей в рамках законодательного процесса нередко связано с использованием и даже манипулированием теми или иными процедурами, согласно которым функционирует законодательный процесс. Иными словами, в некоторых ситуациях по инициативе политического актора формальные юридические процедуры стано-

вятся политическими инструментами. Также благодаря рассмотрению степени жесткости процедур, можно приблизиться к пониманию вероятности и возможности изменений в институциональном дизайне [25, р. 280-299].

Безусловно в достижении целей ускорения, замедления и блокирования участвуют и иные технологии, однако процедуры играют здесь ключевую роль.

Характер инструмента

Технологии, описанные выше, можно назвать процедурными. Их часто используют парламентарии, так как они, несмотря на огромное влияние президента и правительства на законодательный процесс, постоянно с ним сталкиваются и фактически ежедневно так или иначе находятся в пространстве, регулируемом законодательными процедурами.

Такая погруженность позволяет уж если не оказать решающее влияние на принятие политических решений в рамках законодательного процесса, то хотя бы внести некоторые корректировки. Едва ли можно утверждать, что конкретный депутат может оказать существенное влияние на принципы формирования бюджета, но пролоббировать поправку в интересах субъекта, который он представляет, парламентарий, а тем более их группа или фракция способны.

Однако процедуры – это не единственный инструмент, с помощью которого политические акторы могут влиять на ход и результат законодательного процесса. Не менее важна логика аргументации и те тезисы, на которые различные фракции и парламентарии делают акцент. Ранее, при проведении дискурс-анализа на примере некоторых кейсов были выявлены определенные закономерности [1, с. 10-35]. В частности, парламентское большинство делает акцент на рациональных аргументах. Так, критикуя оппозиционные законопроекты, оно часто апеллирует к аргументу об отсутствии бюджетных средств на резкое увеличение расходов. При этом лексика часто умеренная, без экспрессии. Оппозиция, напротив, обращается не столько к разуму, сколько чувствам, эмоциям. Таким образом они стараются показать, что в долгосрочной перспективе могут эффективнее представлять избирателя, чем партия большинства.

Законодательные технологии, которые связаны с аргументацией политических акторов, их воздействием на парламентский дискурс можно назвать дискурсивными. В политической сфере риторика нередко напрямую влияет на действия, а значит такие технологии могут воздействовать и на те решения, которые принимаются по итогам законодательного процесса. Косвенно о значимости парламентской риторики говорит и периодические попытки ограничить её, однако в этом случае в некоторых парламентах есть возможность предоставить свою позицию в письменном виде [19, р. 554-569] или адресовать вопрос представителю исполнительной власти в виде обращения, на которое министерство обязано дать ответ.

Ещё одним типом законодательных технологий с точки зрения применяемого инструмента являются технологии, которые можно назвать аналоговыми. Они связаны в первую очередь с практиками публичного выражения собственной позиции, в том числе и невербальными способами. Например, при рассмотрении законопроекта о пенсионной реформе партия КПРФ развернула плакаты прямо в зале заседаний, из которых следует несогласие с предлагаемым увеличением пенсионного возраста. Проявлением таких технологий можно назвать и одиночное пикетирование возле здания Государственной Думы. Такие случаи и сегодня не редкость.

Политические технологии являются элементом конструктивной политической борьбы. Их цель, если объяснять с позиций теории рационального выбора – максимизация собственной пользы и принятие того решения, которое в наибольшей степени выгодно политическому актору. В то же время, они являются и инструментами достижения компромисса, а значит поддержания стабильности политической системы. Политические технологии в законодательном процессе здесь не являются исключением. В целом они представляют собой совокупность инструментов, с помощью которых политические акторы могут воздействовать как на ход, так и на результат законодательного процесса.

Многообразие политических технологий даже в рамках законодательного процесса отнюдь не укладывается в приведённую систему в полном объёме. Некоторые из них воздействуют на политику, ряд исследователей даже выделяют понятие «политических цифровых технологий» [5, с. 221-225]. Однако их влияние более всеобъемлюще, поскольку оно распространяется не только на пространство политического. Таковыми безусловно являются цифровые технологии и шире – всё, что связано с технологическим прогрессом. Например, сам факт появления звукозаписи серьезно повлиял на политический дискурс [22, р. 217-232]. Возможности его фиксации существенно выросли, его содержание стало общедоступным, однако стало больше вопросов в части откровенности дискуссий в ходе публичных мероприятий.

Важно помнить, что технология является функциональной лишь при условии наличия политической воли на принятие того или иного решения. В противном случае она остаётся лишь неиспользованным инструментом, нереализованной возможностью. В статье, через три измерения типологизации показано, что арсенал политических технологий в законодательном процессе в действительности довольно широк, и его использование способно потенциально увеличить влияние политического актора.

При этом политические технологии работают не только на достижение цели конкретного политического актора, но и на усиление влияния парламента в политической системе в целом, поскольку сам факт применения технологий уже говорит о наличии политической конкуренции, диалога, пусть и не всегда заметного в публичной сфере. В перспективе это может стать точкой роста для отечественной политической системы.

Литература

1. Алексеев Д.В., Коргунюк Ю.Г., Помигуев И.А. Размежевания в российском законодательном процессе: опыт факторного и дискурс-анализа // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. №3. С. 10–35.
2. Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. 2016. №10. С. 78–89.
3. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. 2003. №4. С. 6–25.
4. Грабовская С. Непосредственная демократия в Польше. Институт народной инициативы: комментарии de lege ferenda // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №3(64). С. 27–42.
5. Гришин О.Е. Политические цифровые технологии: о сути явления // Культура и природа политической власти: теория и практика: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2023. С. 221–225.
6. Гришин О.Е. Политические технологии в XXI веке: сущность, спектр, характер // PolitBook. 2014. №2. С. 19–32.
7. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы, виды // Власть. 2015. №12. С. 140–142.
8. Казун А. Кому принадлежит повестка дня? Обзор теории issue ownership // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. №4. С. 109–123.
9. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. №1. С. 16–23.
10. Карташов В.Н., Бахвалов С.В. Законодательная технология субъектов Российской Федерации. Ярославль: изд-во ЯрГУ, 2010. 368 с.
11. Карягин М.Е. Индивидуальные стратегии голосования парламентариев: что открытые данные говорят о работе депутатов Государственной думы? // Политическая наука. 2023. №1. С. 303–321.
12. Лем С. Сумма технологии. Москва: Издательство «МИР», 2006. 607 с.
13. Мельников К.В. Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области // Полис. Политические исследования. 2021. №6. С. 171–188.
14. Соловьев А.И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом? // Полис. Политические исследования. 1999. №2. С. 65–80.
15. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.
16. Цыганков В.В. Революционные волны в позднее Новое время: мануфактурный кризис в мире и промышленный переворот в Англии / под ред. О.Н. Широкова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Сб. материалов VIII Междунар. науч.-практич. конф., Чебоксары: «Интерактив плюс» 2017. С. 204–225.
17. Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. №4. С. 328–330.
18. Шаповалова А.В. PR-технологии в коммуникационном сопровождении непопулярных политических решений // Гуманитарный акцент. 2021. №2. С. 58–62.

19. Bhattacharya C. Restrictive rules of speechmaking as a tool to maintain party unity: The case of oppressed political conflict in German parliament debates on the euro crisis // *Party Politics*. 2023. T. 29. № 3. P. 554-569.
20. Bijker W. Why and How Technology Matters. *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. In Robert E. (ed.). Goodin and Charles Tilly, 2006. P. 682-706.
21. Campbell A.C., Cox G., McCubins M.D. *Agenda Power in the U.S. House of Representatives, 1877 to 1986. Parties, procedure and policy: essays on the history of Congress*. Stanford University Press, 2002. 70 p.
22. Inoue M. Word for Word: Verbatim as Political Technologies // *Annual Review of Anthropology*. 2018. N47(1). P. 217-232
23. Judge D, Leston B.G. Why it matters to keep asking why legislatures matter // *The Journal of Legislative Studies*. 2021. N27(2). P. 155-184
24. Krol G. *Legislating Parliaments in Authoritarian Regimes Eurasian Legislatures and Presidents Compared: дисс.* European University Institute, 2020
25. Tsebelis G. Constitutional Rigidity Matters: A Veto Players Approach // *British Journal of Political Science*. 2022. N52. P. 280-299
26. Wegmann S. Policy-making power of opposition players: a comparative institutional perspective // *The Journal of Legislative Studies*. 2022. N28(1). P. 1-25
27. Weinberg J. *The Personal Side of Politics: A Study of Basic Human Values in the UK Parliament*: University of Sheffield, 2018.

References

1. Alekseev D.V., Korgunyuk Yu.G., Pomigiev I.A. *Razmezhevaniya v rossiiskom zakonodatel'nom protsesse: opyt faktornogo i diskurs-analiza*. *Diskurs-Pi*. 2022. T. 19. №3. S. 10-35.
2. Vlasenko N.A., Zaloilo M.V. *Sostoyanie zakonodatel'stva, uroven' zakonodatel'noi kul'tury i standartizatsiya zakonotvorchestva*. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2016. №10. S. 78-89.
3. Gel'man V.Ya. *Institutsional'noe stroitel'stvo i neformal'nye instituty v sovremennoi rossiiskoi politike*. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2003. №4. S. 6-25.
4. Grabovskaya S. *Neposredstvennaya demokratiya v Pol'she*. *Institut narodnoi initsiativy: kommentarii de lege ferenda. Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2008. №3(64). S. 27-42.
5. Grishin O.E. *Politicheskie tsifrovye tekhnologii: o suti yavleniya. Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriya i praktika: Sb. nauch. trudov*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 2023. S. 221-225.
6. Grishin O.E. *Politicheskie tekhnologii v XXI veke: sushchnost', spektr, kharakter*. *PolitBook*. 2014. №2. S. 19-32.
7. Demidchenko V.V. *Ponyatie politicheskikh tekhnologii: sushchnost', formy, vidy. Vlast'*. 2015. №12. S. 140-142.
8. Kazun A. *Komu prinadlezhit povestka dnya? Obzor teorii issue ownership. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2018. №4. S. 109-123.
9. Kartashov V.N. *Yuridicheskaya tekhnologiya ili yuridicheskaya tekhnika? Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniya*. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2007. №1. S. 16-23.
10. Kartashov V.N., Bakhvalov S.V. *Zakonodatel'naya tekhnologiya sub'ektov Rossiiskoi Federatsii*. Yaroslavl': izd-vo YarGU, 2010. 368 s.

11. Karyagin M.E. Individual'nye strategii golosovaniya parlamentariev: chto otkrytye dannye govoryat o rabote deputatov Gosudarstvennoi dumy? Politicheskaya nauka. 2023. №1. S. 303–321.
12. Lem S. Summa tekhnologii. Moskva: Izdatel'stvo «MIR», 2006. 607 c.
13. Mel'nikov K.V. Klientelizm i neformal'nye seti regional'nykh elit v Rossii: opyt setevogo analiza na primere Sverdlovskoi oblasti. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2021. №6. S. 171-188.
14. Solov'ev A.I. Kul'tura vlasti rossiiskoi elity: iskushenie konstitutsionalizmom? Polis. Politicheskie issledovaniya. 1999. №2. S. 65–80.
15. Tikhomirov Yu.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. Moskva: Formula prava, 2010. 400 s.
16. Tsygankov V.V. Revolyutsionnye volny v pozdnee Novoe vremya: manufakturnyi krizis v mire i promyshlennyy perevorot v Anglii / pod red. O.N. Shirokova. Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya. Sb. materialov VIII Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., Cheboksary: «Interaktiv plus» 2017. S. 204–225.
17. Shabrov O.F. Politicheskie tekhnologii. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. №4. S. 328-330.
18. Shapovalova A.V. PR-tekhnologii v kommunikatsionnom soprovozhdenii nepopulyarnykh politicheskikh reshenii. Gumanitarnyy aktsent. 2021. №2. S. 58-62.
19. Bhattacharya C. Restrictive rules of speechmaking as a tool to maintain party unity: The case of oppressed political conflict in German parliament debates on the euro crisis. Party Politics. 2023. T. 29. № 3. P. 554-569.
20. Bijker W. Why and How Technology Matters. The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. In Robert E. (ed.). Goodin and Charles Tilly, 2006. P. 682–706.
21. Campbell A.C., Cox G., McCubins M.D. Agenda Power in the U.S. House of Representatives, 1877 to 1986. Parties, procedure and policy: essays on the history of Congress. Stanford University Press, 2002. 70 p.
22. Inoue M. Word for Word: Verbatim as Political Technologies. Annual Review of Anthropology. 2018. N47(1). P. 217–232
23. Judge D, Leston B.G. Why it matters to keep asking why legislatures matter. The Journal of Legislative Studies. 2021. N27(2). P. 155-184
24. Krol G. Legislating Parliaments in Authoritarian Regimes Eurasian Legislatures and Presidents Compared: diss. European University Institute, 2020
25. Tsebelis G. Constitutional Rigidity Matters: A Veto Players Approach. British Journal of Political Science. 2022. N52. P. 280–299
26. Wegmann S. Policy-making power of opposition players: a comparative institutional perspective. The Journal of Legislative Studies. 2022. N28(1). P. 1-25
27. Weinberg J. The Personal Side of Politics: A Study of Basic Human Values in the UK Parliament: University of Sheffield, 2018.

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Владимирович – преподаватель кафедры политологии и политического управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

ALEKSEEV Dmitriy – lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: mityaalexeev@yandex.ru

SPIN-код: 3534-5165

ORCID: 0000-0002-0576-0899

БАРАНОВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

BARANOV Andrew – doctor of historical sciences, doctor of political sciences, professor of the department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: baranovandrew@mail.ru

SPIN-код: 8648-1983

ORCID: 0000-0001-7109-3062

БУРДА Михаил Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

BURDA Mikhail – PhD of political sciences, department of political science and political management, Russian Presidential Academy of National Economy a Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: burdam584@gmail.ru

SPIN-код: 7793-7164

ORCID: 0000-0003-1520-3882

ГЕРАСИМОВА Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, сотрудник, Министерство внутренних дел Российской Федерации (Москва, Россия).

GERASIMOVA Irina – PhD of Economic Sciences, employee, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: iraida.ga@gmail.com

SPIN-код: 5452-5549

ORCID: 0000-0002-7643-6068

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы; доцент, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

GRISHIN Oleg – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Department of Public Policy and History of State and Law, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Associate Professor, Russian State Social University (Moscow, Russia).

E-mail: grishin_oe@pfur.ru

SPIN-код: 1572-4533

ORCID: 0000-0002-0669-1012

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт Европы, Российская Академия Наук (Москва, Россия).

GUSELETOV Boris – doctor of political sciences, Associate Professor, Chief Researchers, Institute of Europe Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bguseletov@mail.ru

SPIN-код: 1360-6779

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ЗОРИН Владимир Юрьевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Российская Академия Наук (Москва, Россия).

ZORIN Vladimir – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher at the Center for Scientific Interaction with Public Organizations, Mass Media and Public Authorities, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia).

E-mail: v.y.zorin@mail.ru

SPIN-код: 3134-6898

ORCID: 0000-0003-1344-5765

КАМИНЧЕНКО Дмитрий Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

KAMINCHENKO Dmitry – PhD of Political Sciences, Nizhny Novgorod state university (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: dmitkam@inbox.ru

SPIN-код: 4176-7427

ORCID: 0000-0002-3193-3423

КАНУШКИН Александр Викторович – заместитель директора по организационной работе, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы (Москва, Россия).

KANUSHKIN Aleksandr – Deputy Director for Organizational Affairs, Russian Language Institute, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia).

E-mail: kanushkin-av@rudn.ru

SPIN-код: 9741-9913

ORCID: 0009-0005-9675-2294

ЛЕВОЧКИНА Маргарита Владимировна – аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Россия).

LEVOCHKINA Margarita – PhD student of the Chair of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russia).

E-mail: margari177@mail.ru

SPIN-код: 5917-1382

ORCID: 0009-0000-9913-6300

НАДЕЖДИН Александр Евгеньевич – кандидат политических наук, первый секретарь Департамента кадров, Министерство иностранных дел России (Москва, Россия).

NADEZHDIR Alexander – PhD of political Sciences, First Secretary of the Personnel Department, Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: 3039210@mail.ru

SPIN-код: 3271-1551

ORCID: 0000-0002-4294-5972

ПУСТОШИНСКАЯ Ольга Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

PUSTOSHINSKAYA Olga – PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Regional Studies of Tyumen State University (Tyumen, Russia).

E-mail: pustoshinskayaolga@yandex.ru

SPIN-код: 2959-7327

ORCID: 0000-0002-5844-8233

САВВА Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

SAVVA Elena – PhD of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: ev.savva@yandex.ru

SPIN-код: 1350-6476

ORCID: 0000-0003-1633-530X

САВИНОВА Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Россия).

SAVINOVA Elena – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Chair of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPА (Orel, Russia).

E-mail: SavinovaE.N@yandex.ru

SPIN-код: 7132-4969

ORCID: 0009-0009-0177-9603

САМАРКИНА Ирина Владимировна – доктор политических наук, декан факультета управления и психологии, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

SAMARKINA Irina – Doctor of Political Sciences, Dean of the Faculty of Management and Psychology, Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: smrkn@mail.ru

SPIN-код: 9261-7641

ORCID: 0000-0002-0205-8543

СНИСАРЕНКО Константин Леонидович – научный сотрудник Центра политологии, Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (Минск, Беларусь).

SNISARENKO Konstantin – researcher at the Center for Political Science at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus).

E-mail: snisarenko@socio.bas-net.by

SPIN-код: 1416-1651

ORCID: 0009-0001-4893-9418

СУЛЕЙМАНОВА Рима Нугамановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академия наук (Уфа, Россия).

SULEIMANOVA Rima – doctor of historical sciences, chief researcher, head of department of the recent history of Bashkortostan, Institute of history, language and literature of Ufa Federal research centre the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia).

E-mail: rnsulejman@mail.ru

SPIN-код: 9043-1966

ORCID: 0000-0003-1877-5421

ТЮРИН Евгений Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Россия).

TURIN Evgeny – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Chair of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPА (Orel, Russia).

E-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru

SPIN-код: 9754-2868

ORCID: 0009-0003-7963-5876

THE CONTENTS

EUROPEAN POLITICAL DESIGN AND MIGRATION CHALLENGES

M. Burda, V. Zorin

MIGRATION POLICY OF MODERN RUSSIA:
FORMATION OF PLACES OF COMPACT RESIDENCE
OF FOREIGN CITIZENS AS A RISK FACTOR FOR INTERETHNIC RELATIONS
6

O. Pustoshinskaya, K. Snisarenko

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO FRANCE'S PUBLIC
MIGRATION MANAGEMENT AS PART OF THE PAN-EUROPEAN DIGITALIZATION
POLICY
18

A. Baranov

SPAIN'S IMMIGRATION POLICY TOWARDS MUSLIMS:
DOMESTIC POLITICAL ASPECTS
41

A. Nadezhdin

MIGRATION PROCESSES IN THE EUROPEAN UNION (AUSTRIA'S CASE)
62

I. Gerasimova

HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT ON THE EXAMPLE OF COMPATRIOTS
RESETTLEMENT IN SPECIAL GEOPOLITICAL CIRCUMSTANCES
75

O. Grishin, A. Kanushkin

PARTICIPATION OF TRADE UNIONS OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY IN
THE EUROCAMPAIN – 2024 OF GERMAN PARTIES: ANALYSIS OF POLITICAL
SUBJECTIVITY
86

D. Kaminchenko

“BÜNDNIS SAHRA WAGENKNECHT” AS A NEW POLITICAL FORCE IN GERMANY:
RESULTS OF FRAME-ANALYSIS

103

B. Guseletov

LUXEMBOURG PARLIAMENTARY ELECTION RESULTS:
CONSERVATIVES BYPASS SOCIALISTS AND LIBERALS

119

I. Samarkina, E. Savva

THE IMAGE OF EUROPE IN THE VIEWS OF STUDENT YOUTH:
PERSONS AND TRENDS

133

E. Turin, E. Savinova, M. Levochkina

ETHNOPOLITICAL DESIGN OF SCOTTISH NATIONALISM IN CONDITIONS OF
TRANSFORMATION TRADITIONAL STATEHOOD

154

ARTICLES

R. Suleimanova

«WHAT DO YOU GIVE FOR THE BENEFITS OF THE PEOPLE?» PUBLIC OPINION
AND ELECTION CAMPAIGNS IN RUSSIA: FROM REGIONAL HISTORY

173

D. Alekseev

POLITICAL TECHNOLOGIES IN LEGISLATIVE PROCESS: CONCEPTUALIZATION
AND TYPOLOGY

182

OUR AUTHORS

195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 01.10.2024
Дата выхода в свет 23.10.2024

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iopn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2024.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2024.